

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 4 (53)
2023
ISSN 2542-1735
16+

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)*

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адилев Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе) (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь (г. Могилев) (по согласованию);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (г. Караганда) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк).

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 4 (53)
2023
ISSN 2542-1735
16+

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE» MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),*
- 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),*
- 5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).*

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Scientific Affairs) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Aibek N. Adilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliev (Bishkek) (on agreement);

Yury V. Anokhin, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (on scientific affairs) (Barnaul) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Associate Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Lev V. Bertovsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Yury P. Garmayev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude) (on agreement);

Tatyana Ye. Gryaznova, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (on Scientific Affairs) (Belgorod) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Marina A. Kozhevina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of Omsk Region, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Aleksandr V. Lubenkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of the Administrative Activity, Faculty of Militia, Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus (Mogilev) (on agreement);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod) (on agreement);

Oizhas T. Seitzhanov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov (Karaganda) (on agreement);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Железняк Н.С.</i> Точка бифуркации в оперативно-розыскном правотворчестве и правоприменении	9
<i>Бахта А.С.</i> О понятийном аппарате института неотложных следственных действий	14
<i>Моляров Е.А., Давыдов С.И.</i> Понятие оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности»	21
<i>Гумаров И.А., Тырышкин В.В.</i> Документирование преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	27
<i>Ломакина А.А.</i> Проблемы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам	35
<i>Данько В.А.</i> Оперативно-розыскные меры, применяемые органами внутренних дел на стадии предварительного расследования взяточничества.....	40
<i>Кашапов Р.М.</i> К вопросу о понятии и видах противодействия раскрытию и расследованию преступлений.....	49
<i>Муравьев К.В., Замуруева Е.Ю.</i> Наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ, – общее условие применения мер пресечения	55
<i>Лукьянов С.С.</i> К вопросу определения компетенции суда по обеспечению надлежащей процедуры судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.....	63
<i>Ступина С.А.</i> Отдельные вопросы квалификации вымогательства, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.....	71
<i>Суверов С.Е.</i> Применение норм института освобождения от уголовной ответственности при освобождении от наказания.....	79
<i>Галимова А.О.</i> Актуальные вопросы квалификации посягательств на цифровые финансовые активы.....	84

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Земцова С.И.</i> Незаконное наркопроизводство: развитие методики в условиях цифровой трансформации	97
<i>Романова Л.А.</i> Подготовительный этап незаконного культивирования наркосодержащих растений как элемент механизма преступления	104
<i>Струговец В.М.</i> Информационное обеспечение международной специальной антинаркотической операции «Канал» Организации Договора о коллективной безопасности.....	110

Зарубежный опыт

<i>Дудина Н.А., Арская М.А.</i> Обзор законодательства Великобритании, устанавливающего ответственность за наркоправонарушения	118
<i>Заварыкин И.Н.</i> К вопросу о незаконном обороте кокаина в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и его влиянии на наркоситуацию в России (на основе обзоров прессы)	126
<i>Таранюк Ю.В., Третьяков В.И.</i> Особенности и значение толкования норма права Судом Европейского Союза	132

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Цуканов Н.Н., Добров А.Н. К вопросу о приоритете метода убеждения	139
Миролюбов С.Л. Современное состояние и перспективы развития ДНК-исследований в криминалистике.....	145
Плошкина Я.М. Правовая природа российского уголовного процесса	150
Молоков В.В. Исследование вариационных показателей преступности в Российской Федерации	159
Гусев В.А., Сургутсков В.И., Филиппов О.Ю. Правовое регулирование применения полицейской силы военнослужащими Главного управления специальных программ Российской Федерации: существующий подход и его усовершенствование	166
Тетерятников Н.Ю., Андреев А.В. К уточнению определения абсентеизма	174
Москаленко Г.Е. Идея солидарности как основа учения М.М. Ковалевского о правовом государстве	179

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Коваленко П.В. Привилегирующие признаки убийства матерью новорожденного ребенка, влияющие на степень его общественной опасности, как основание дифференциации уголовной ответственности.....	184
Фарахиев Д.М., Фарахиева Г.Р. Уголовно-правовые признаки специального субъекта мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения	192
Мамедов Ш.Г. Криминологический анализ вооруженных нападений в образовательных организациях в России и за рубежом	198
Аксаментова О.П. Право лица, содержащегося под стражей, на свидание с родственниками и иными лицами: уголовно-процессуальный аспект.....	204
Мирошниченко А.В. Общественная нравственность как объект административно-правовой защиты от пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола	211
Сотникова Е.И. Особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, родителей или иных законных представителей несовершеннолетних по законодательству Республики Таджикистан (сравнительно-правовое исследование)	216
Агарзаев С.К. К вопросу о содержании режима военного положения	223

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Zheleznyak N.S.</i> Bifurcation point in operational-search lawmaking and law enforcement	9
<i>Bakhta A.S.</i> About the conceptual apparatus of the Institute of Urgent investigative Actions	14
<i>Molyarov E.A., Davydov S.I.</i> The concept of operational-search activity «person identification».....	21
<i>Gumarov I.A., Tyryshkin V.V.</i> Documenting crimes committed using information and telecommunication technologies	27
<i>Lomakina A.A.</i> Problems of applying the results of operational search activities in the process of proving criminal cases	35
<i>Dan'ko V.A.</i> Operational search measures applied by the internal affairs bodies at the stage of preliminary investigation of bribery.....	40
<i>Kashapov R.M.</i> To the issue of the concept and types of counteraction to the detection and investigation of crimes.....	49
<i>Muravyev K.V., Zamurueva E.Yu.</i> The existence of criminal proceedings regarding an act prohibited by the Criminal Code of the Russian Federation as a general condition for the application of preventive measures	55
<i>Lukyanov S.S.</i> On the issue of determining the competence of the court to ensure the proper procedure of judicial control at the pre-trial stages of the criminal trial.....	63
<i>Stupina S.A.</i> Certain issues of qualification of extortion committed with using information and telecommunication networks, including the Internet.....	71
<i>Suverov S.E.</i> Application of the norms of the institute of exemption from criminal liability when releasing from punishment.....	79
<i>Galimova A.O.</i> Current issues of qualification of encroachments on digital financial assets.....	84

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Zemtsova S.I.</i> Illegal drug production: development of methodology in the context of digital transformation	97
<i>Romanova L.A.</i> Preparatory stage of illegal cultivation of narcotic plants as an element of the mechanism of crime	104
<i>Strugovets V.M.</i> Information support of the international special anti-drug operation «Channel» in the format of the Collective Security Treaty Organization.....	110

Foreign Experience

<i>Dudina N.A., Arskaya M.A.</i> Survey on UK legislation establishing liability for drug offenses.....	118
<i>Zavarykin I.N.</i> To the issue of cocaine trafficking in Latin America and the Caribbean and its impact on the drug situation In Russia (based on press reviews)	126
<i>Taranyuk YU.V., Tretyakov V.I.</i> Features and significance of the interpretation of the norms of law by the Court Justice of the European Union	132

Views. Reflections

<i>Tsukanov N.N., Dobrov A.N.</i> On the issue of priority of the method of persuasion	139
<i>Mirolyubov S.L.</i> Current status and prospects for developing DNA-studies in forensic science.....	145
<i>Ploshkina Ya.M.</i> Legal nature of the Russian criminal procedure.....	150
<i>Molokov V.V.</i> Study of variation indicators of crime in the Russian Federation	159
<i>Gusev V.A., Surgutskov V.I., Filippov O.Yu.</i> Legal regulation of the use of police force by the military personnel of the Chief Directorate for Special Programs of the Russian Federation: the existing approach and its improvement	166
<i>Tetryatnikov N.Yu., Andreev V.A.</i> To clarify the definition of absenteeism	174
<i>Moskalenko G.E.</i> The idea of solidarity as the basis of M.M. Kovalevsky's teaching on the rule of law	179

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Kovalenko P.V.</i> Privileged signs of murder by a mother of a newborn child, affecting the degree of its social danger, as a basis for differentiation of criminal liability.....	184
<i>Farakhiev D.M., Farakhieva G.R.</i> Criminal legal signs of a special subject of fraud committed by a person using his official position	192
<i>Mamedov Sh.G.</i> Criminological analysis of armed attacks in educational institutions in Russia and abroad	198
<i>Aksamentova O.P.</i> The right of a detainee to be visited by relatives and other persons: a criminal and procedural aspect.....	204
<i>Miroshnichenko A.V.</i> Public morality as an object of administrative and legal protection from propaganda of non-traditional sexual relationships and (or) preferences and gender reassignment.....	211
<i>Sotnikova E.I.</i> Peculiarities of bringing minors, parents or other legal representatives of minors to administrative responsibility under the legislation of the Republic of Tajikistan (comparative legal study)	216
<i>Agarzaev S.K.</i> On the issue of the content of the martial law regime	223

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.102

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_9

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
zhns21@mail.ru

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

BIFURCATION POINT IN OPERATIONAL-SEARCH LAWMAKING AND LAW ENFORCEMENT

В работе представлено авторское видение изменения преамбулы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части установления возможности проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий на территории иностранных государств.

Идея о корректировке рассматриваемого положения возникла при сопоставлении его содержания с предписаниями Конституции РФ и международных правовых актов, ратифицированных Россией, сложившейся оперативно-розыскной практикой межгосударственного взаимодействия в противодействии преступности.

The work presents the author's vision of the need to change the preamble of the Federal Law «On Operational Search Activities» in terms of establishing the possibility of conducting certain operational investigative activities on the territory of foreign states.

The idea of adjusting the provision under consideration arose when comparing its content with the requirements of the Constitution of the Russian Federation and international legal acts ratified by Russia and the existing operational search practice of interstate cooperation in combating crime.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, нормативный правовой акт, правотворчество, правоприменение, корректировка, точка бифуркации.

Keywords: operational-search activity, operational-search action, normative legal act, law-making, law enforcement, adjustment, bifurcation point.

Правотворчество и правоприменение – два неразрывно взаимосвязанных элемента любой юридической деятельности, которая в широком смысле представляет собой создание, а также реализацию права путем его исполнения, соблюдения, примене-

ния, совершения различных действий, влекущих правовые последствия.

Отталкиваясь от этого определения, осуществим попытку спроецировать такое понимание предмета на оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД).

ОРД как особый вид правоохранительной деятельности¹ по своей значимости находится если не на вершине юридической пирамиды, то в первых рядах средств защиты жизни, здоровья, прав и свобод, имущества личности от преступных посягательств. Именно поэтому, на наш взгляд, состояние оперативно-розыскного и связанного с ним правотворчества, как и правоприменения, должны украшать и обогащать российскую правовую систему, так часто критикуемую учеными и практиками.

Что же происходит в действительности? И здесь следует поразмышлять над явлением, называемым точкой бифуркации², – таком периоде в развитии системы, когда прежний устойчивый и предсказуемый путь ее развития становится невозможным³.

Рассуждая об этом, следует сначала исследовать всего один из примеров оперативно-розыскного правотворчества. Соблюдая определенную иерархию значимости нормативных правовых актов, регулирующих государственный профессиональный сыск [4], и открытый характер настоящей публикации, сосредоточим наше внимание на начальном положении Федерального закона 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от (далее – ФЗ об ОРД).

Как свидетельствует изучение теоретических трудов, большинство исследователей, оценивая законодательные предписания, не обращают сколько-нибудь серьезного внимания на преамбулу закона. Для нас же, напротив, она представляет несомненный интерес, поскольку в преамбуле отмечается следующее: «Настоящий Федеральный закон определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации...»⁴.

Суть настоящей формулировки видится нам в правотворческом указании осущест-

влять ОРД исключительно на территории России. Но устраивает ли такой подход специалистов-практиков?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить одно из оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), упомянутых в ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД, периодически применяемых преимущественно в рамках борьбы с наркотрафиком, – «контролируемую поставку».

Контролируемая поставка – ОРМ, обеспечивающее контролируемое перемещение (перевозку, пересылку) предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых, как правило, запрещена либо оборот которых ограничен, в целях решения частных задач ОРД [3, с. 38].

Несколько иное, но близкое по смыслу определение содержит Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г., далее – Конвенция). В ней отмечается: «Контролируемая поставка означает метод, при котором допускается вывоз, провоз или ввоз на территорию одной или нескольких стран незаконных или вызывающих подозрение партий наркотических средств, психотропных веществ, веществ, включенных в Таблицу I или Таблицу II, которые содержатся в приложении к настоящей Конвенции, или заменяющих их веществ, с ведома и под надзором их компетентных органов с целью выявления лиц, участвующих в совершении правонарушений, признанных таковыми в соответствии с пунктом 1 статьи 3 настоящей Конвенции» (ст. 1, п. «g»).

В соответствии с предписаниями основополагающего нормативного правового акта МВД России, регламентирующего осуществление ОРД (далее – Приказ), контролируемые поставки подразделяются на внутренние (проводимые на территории России), внешние (осуществляемые в установленном меж-

1 Правоохранительная деятельность в упрощенном понимании видится нам как совокупность действий, осуществляемых специально уполномоченными государственными органами путем применения юридических мер воздействия в соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка.

2 Данное словосочетание, как нельзя более подходящее к существенно дезорганизованной системе ОРД, заимствовано (с его разрешения) у другого автора. См.: [1].

3 Точка критической неустойчивости, в которой система, перестраиваясь, выбирает один из возможных путей дальнейшего преобразования в условиях неопределенности относительно скатывания к хаосу или переходу на высокий уровень упорядоченности.

4 Здесь и далее курсивом автор будет выделять наиболее значимые, по его мнению, фрагменты текста.

дународными соглашениями и договорами порядке на территории иностранных государств), транзитные (осуществляемые через территорию Российской Федерации). При этом для проведения внешних и транзитных контролируемых поставок требуется разрешение министра внутренних дел или его заместителей, ответственных за деятельность оперативных подразделений, и согласование с таможенными органами.

Более того, согласно ст. 9 (п. «с») Конвенции «стороны создают, в соответствующих случаях и если это не нарушает законов страны, совместные группы, принимая во внимание необходимость обеспечения безопасности лиц и операций, для осуществления положений настоящего пункта. *Должностные лица любой Стороны, входящие в состав таких групп, действуют с санкции соответствующих органов Стороны, на территории которой должна проводиться данная операция; во всех таких случаях заинтересованные Стороны обеспечивают полное соблюдение суверенитета Стороны, на территории которой проводится данная операция*». Данное положение однозначно указывает на возможность проведения международных операций (в том числе и контролируемой поставки) в противодействии наркотрафику.

И, наконец, в соответствии со ст. 11 Конвенции (п. «1») «Стороны, если это позволяют основные принципы их национальных правовых систем, принимают, в рамках своих возможностей, необходимые меры, предусматривающие надлежащее использование контролируемых поставок на международном уровне на основе взаимоприемлемых соглашений или взаимных договоренностей с целью выявления лиц, участвующих в правонарушениях, признанных таковыми в соответствии с пунктом 1 статьи 3, и их уголовного преследования».

Таким образом, с одной стороны, ФЗ об ОРД четко устанавливает географию осуществления ОРД, в том числе оперативно-розыскного мероприятия «контролируемая по-

ставка», ограничивая ее территорией России. С другой – международный правовой акт, ратифицированный Россией, ориентирует правоохранителей на проведение контролируемой поставки на территории (в том числе) нескольких стран. С третьей – ведомственный нормативный правовой акт МВД России указывает на возможность проведения рассматриваемого мероприятия на территории иностранных государств.

Такая «правотворческая чехарда» нуждается в определенной научной оценке, базирующейся, как представляется, на иерархии нормативных правовых актов в юридической системе России. Для этого обратимся к высшему нормативному правовому акту Российской Федерации – ее Конституции.

Отдельные недостаточно компетентные юристы (в том числе и ученые) полагают, что данный документ является Основным законом Российской Федерации. Для развенчания такого подхода достаточно вспомнить две вещи: во-первых, процедуры принятия конституции страны и федеральных законов существенно отличаются друг от друга, во-вторых, в случае признания конституции законом на нее будет распространяться включенное в ч. 4 ст. 15 положение, согласно которому «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹.

Таким образом, первостепенность положений Конституции РФ относительно приоритета международных договоров над федеральными законами позволяет сделать вывод о правомерности осуществления контролируемой поставки на территориях иных государств.

А теперь практический срез. Межгосударственная или транзитная контролируемая поставка наркотиков – чрезвычайное сложное ОРМ, ради успешности которого в

1 И хотя данное положение несколько диссонирует с предписанием ч. 2 ст. 4 Конституции РФ, согласно которому «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации», можно посчитать это некоторым недочетом создателей основополагающего правового акта России.

различных странах работают представители взаимодействующих правоохранительных органов и специальных служб¹. Представляется небезосновательным утверждение о том, что организатором данного мероприятия, как правило, выступает орган, получивший и посредством первичной проверки подтвердивший поступившую информацию, обратившийся за помощью к взаимодействующим структурам сопредельных и иных государств². Будет ли эффективным контроль и сопровождение наркотиков на территории каждой из стран, через границы которых он проходит, осуществляемые исключительно представителями правоохранительной системы каждого государства в отдельности? Насколько небезопасной является передача фигуранта для обеспечения контроля его действий на границах каждого государства, по территориям которых движется этот груз? Ответ очевиден – представленный вариант нуждается в подходе, при котором организатор контролируемой поставки, работающий во взаимодействии с иностранными правоохранителями, тем не менее должен иметь возможность осуществления не только разработки этой операции, но и контроля всего ее процесса. Описанная ситуация определяет потребность практики в изменении действующего предписания в сторону закрепления права осуществлять ОРД и за пределами России.

Интересный, но, по нашему мнению, недостаточно удачный подход к решению этой проблемы использует В.Ф. Луговик в ст. 4 авторского проекта Оперативно-розыскного кодекса (далее – ОРК) в регламентации действия нормативных правовых актов в пространстве. В ч. 2 рассматриваемой статьи

он указывает, что «по решению Президента Российской Федерации или в соответствии с международными договорами нормы настоящего Кодекса и иные нормативные правовые акты применяются при осуществлении оперативно-розыскной деятельности за пределами территории Российской Федерации» [2]. Таким образом В.Ф. Луговик предлагает некую схему в области законодательного регулирования ОРД, расширяя имеющиеся в настоящее время возможности по осуществлению ОРД на территории Российской Федерации³ пределами других государств⁴, отмечая в качестве условий проведения такой работы наличие решения Президента РФ или международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией.

И если нормы международных договоров вполне встраиваются в исследуемую материю, то решения Президента РФ в качестве некоего движителя оперативно-розыскного процесса представляются нам излишними хотя бы с точки зрения оперативности применительно к конкретному случаю осуществления контролируемой поставки за пределы России.

Вместе с тем норма Приказа, фиксирующая необходимость санкционирования внешних и транзитных контролируемых поставок на уровне министра внутренних дел России или его заместителей, ответственных за деятельность оперативных подразделений, у нас вызывает возражения, основывающиеся на практической оценке этой процедуры.

Представим, что оперативное подразделение регионального уровня получило информацию о готовящемся/начавшемся перемещении значительной партии наркотиков.

1 В рамках проведения учебных занятий с представителями компетентных органов Афганистана, Пакистана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Казахстана эта проблема неоднократно оценивалась слушателями как трудноразрешимая.

2 Например, при организации российскими антинаркотическими подразделениями контролируемой поставки наркотических средств по традиционному «северному маршруту» из Афганистана, им, как правило, необходимо будет взаимодействовать с аналогичными правоохранительными структурами Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана и Казахстана.

3 См. вводную часть, ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 13, п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ об ОРД.

4 Оперативно-розыскная практика свидетельствует, что проведение ОРД на территории других государств вопреки указанным выше предписаниям ФЗ об ОРД все же имеет место (например, при проведении международной или транзитной контролируемой поставки), однако это обставляется смущающим специалистов термином «в присутствии», что, видимо, означает неучастие сыщика в международной операции (которую он, как зачастую бывает, и разработал), а нахождение неподалеку от происходящих событий без возможности вмешательства в них.

В связи с этим сыщикам необходимо оценить сложившуюся ситуацию, спланировать операцию, определить силы и средства, необходимые для ее успешного развития и завершения, провести инструктаж первых и обеспечение вторыми, оформить необходимые документы, переслать их руководителям МВД РФ, имеющим право такого санкционирования, для получения разрешения на проведение внешней или транзитной контролируемой поставки, согласовать материалы с руководством компетентных органов тех государств, через территорию которых будет транспортироваться груз, осуществить рабочие контакты с исполнителями в этих странах. Памятуя о существенной нагрузке первых руководителей ведомств не только оперативно-розыскной, но и иной проблематикой, полагаем оптимальным передать описываемые процедуры на региональный уровень.

Понятно, что возникнет вопрос о наличии полномочий у региональных руководителей, которые, однако, можно повысить принятием соответствующих распорядительных документов.

Вышеизложенное позволяет заключить, что преамбула ФЗ об ОРД вступает в противоречие с положениями международного правового акта, ратифицированного Российской Федерацией, противоречит сложившейся правоприменительной практике, а значит, не может формулироваться в прежнем виде. Каков же выход из сложившегося положения? На наш взгляд, он достаточно простой.

Необходимо исключить из преамбулы упоминание об осуществлении ОРД на территории Российской Федерации. А как же возможность проведения некоторых ОРМ на территории иных государств? И здесь мы не видим каких-либо сложностей. Достаточно ст. 1 ФЗ об ОРД, формулирующую определение понятия ОРД, дополнить ч. 2 следующего содержания: «Оперативно-розыскная деятельность за пределами Российской Федерации осуществляется в соответствии с международными договорами или иными международными актами об оказании правовой помощи в борьбе с преступностью по согласованию с компетентными органами¹ государств, на территории которых будут проводиться оперативно-розыскные мероприятия».

Вроде бы все достаточно просто, но в ныне действующей правовой системе предложения ученых, рекомендации практиков, к сожалению, не являются материей, сколько-нибудь часто потребляемой субъектами правотворчества.

Таким образом, точка бифуркации правотворческой и правоприменительной деятельности, продемонстрированная нами на примере всего одной формулировки ФЗ об ОРД, является не чем иным, как водоразделом между оперативно-розыскным правотворчеством и правоприменением, в рамках которых сегодня состояние системы в большей мере стремится к хаосу, а не упорядоченности.

1 Здесь мы как раз не забываем о положении цитировавшегося выше Приказа относительно согласования операции с таможенными органами.

Библиографический список

1. Железняк, И.Н. Точка бифуркации закона об оперативно-розыскной деятельности / И.Н. Железняк // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – N 2 (105). – С. 142-154.
2. Луговик, В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект / В.Ф. Луговик. – Омск: Омская юридическая академия, 2014.
3. Термины и выражения, применяемые в оперативно-розыскной деятельности : словарь-справочник / сост. Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014.
4. Шумилов, А.Ю. О допустимости и месте оперативно-розыскной характеристики преступления в современной оперативно-розыскной деятельности и ее развитии в профессиональном сыске: взгляд сысколога / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2013. – N 4(37). – С. 19-23.

Андрей Сергеевич БАХТА,
директор Омского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Post_e_mail@mail.ru

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ИНСТИТУТА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ABOUT THE CONCEPTUAL APPARATUS OF THE INSTITUTE OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS

Одним из признаков правового института, указывающих на его самостоятельность, является понятийный аппарат, характерный для комплекса конкретных нормативно-правовых предписаний. В статье анализируется терминологический ряд, отражающий специфику уголовно-процессуального института неотложных следственных действий. На примере отдельных терминов, в частности таких как «оперативно-розыскные мероприятия» и «оперативно-розыскные меры», показываются недостатки юридической конструкции института неотложных следственных действий, проистекающие из факта включения в ч. 4 ст. 157 УПК РФ положения «оперативно-розыскные меры», не имеющего соответствующего правового наполнения. В заключение обоснован вывод о том, что понятийный аппарат правового института неотложных следственных действий до конца не сформировался, для его поддержания в рабочем состоянии требуются научная ревизия понятий и отказ от «декоративных» предписаний.

One of the signs of a legal institution indicating its independence is the conceptual apparatus characteristic of a set of specific legal regulations. The article analyzes the terminological series reflecting the specifics of the criminal procedure institute of urgent investigative actions. Using the example of certain terms, in particular such as «operational investigative measures» and «operational investigative measures», the shortcomings of the legal structure of the institute of urgent investigative actions arising from the fact of inclusion in Part 4 of art. 157 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the provision «operational search measures», which does not have the appropriate legal content. In conclusion, the conclusion is substantiated that the conceptual apparatus of the legal institute of urgent investigative actions has not been fully formed, scientific revision of concepts and rejection of «decorative» prescriptions are required to maintain it in working order.

Ключевые слова: право, правовой институт, понятия, термины, неотложные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскные меры, орган дознания, следователь, возбуждение уголовного дела.

Keywords: law, legal institution, concepts, terms, urgent investigative actions, operational investigative measures, operational investigative measures, body of inquiry, investigator, initiation of criminal proceedings.

В отечественной юридической науке на протяжении более века не ослабевает интерес к такому уникальному нормативному образованию, как «правовой институт» или «институт права». Можно однозначно констатировать, что на базе соответствующих теоретических разработок общей теории права и отраслевых юридических наук (надлежит признать лидерство в этой части теории гражданского права и процесса, где проблемы сущности и признаков правовых институтов, их видов получили фундаментальное освоение еще в 70-х годах прошлого столетия [см., напр.: 6, с. 177; 9, с. 10-15; 16, с. 29-30; 18, с. 59-60; 26, с. 65-75 и др.]) сформировалась доктрина правовых институтов, имеющая не только сугубо теоретическое, дидактическое, но и практическое значение, если иметь в виду законотворческие аспекты.

Для целей настоящей статьи мы будем ориентироваться на трактовку правового института как основанной на законе совокупности (группы) обособленных в главе, разделе кодифицированного закона норм, представляющих целостную систему и способных регулировать в рамках предмета данной отрасли права относительно самостоятельное общественное отношение [5, с. 101-104; 29, с. 61-67].

В конкретных отраслевых юридических науках теоретические представления о правовых институтах характеризуются разной степенью развития. Своеобразная «научная ревизия» в указанной части проводится в отраслевых науках при кодификации той или иной отрасли законодательства. Фактически всегда принятие нового кодекса, реагирующего на возникшие участки общественных отношений, знаменует и рождение новых правовых институтов. Кодификация предпо-

лагает упорядочение и систематизацию законодательных норм, восполнение имеющихся пробелов, устранение обнаружившихся правовых коллизий, что в итоге и призвано обеспечить стабилизацию и устойчивость законодательства. Кроме того, объективными причинами необходимости проведения кодификации являются возрастание объема нормативного материала в виде соответствующих законодательных норм, который требует определенной организации, в том числе с учетом характера и природы регулируемых основным законом отношений. Есть примеры, когда уже сложившиеся правовые институты длительное время «живут своей жизнью» за пределами кодифицированного законодательного акта. При очередной правовой реформе сложившиеся нормативные образования, усиленные дополнительными предписаниями, включаются в кодекс в статусе самостоятельных правовых институтов¹.

Так, принятие в 2001 г. УПК РФ ассоциируется с оформлением и выделением институтов уголовного преследования, уголовно-процессуальной преюдиции, состязательности, судебного обжалования, судебного контроля, особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.

По мере развития определенной группы общественных отношений, требующих законодательного регулирования, правовые институты вводятся в действующие кодексы специальными законами. Таково происхождение в УПК РФ, например, институтов дознания в сокращенной форме (гл. 32.1)², особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1)³.

1 Подобный путь в своем становлении прошел предусмотренный гл. 18 УПК РФ институт реабилитации, который первоначальное нормативное выражение получил в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 N 4892-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденного Законом СССР от 24.06.1981, а также в Положении о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981. URL <https://normativ.kontur.ru> (дата обращения: 14.11.2023).

2 О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2009 N 141-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Беря за основу трактовку правового института представителями общей теории права, институтом уголовно-процессуального права можно рассматривать законодательно обособленную совокупность связанных между собой уголовно-процессуальных норм, обеспечивающих законченное регулирование отношений, возникающих при производстве по уголовным делам [14, с. 17-18; 17, с. 38-46]. В качестве признаков института уголовно-процессуального права обычно называются: а) он представляет структурную часть отрасли права; б) содержание института определяет комплекс однородных нормативно-правовых предписаний; в) каждому институту соответствует свой предмет регулирования в виде группы общественных отношений; г) как правило, формальная обособленность в разделах, главах; д) своеобразие института права выражается в характерных для него понятиях, терминах, юридических конструкциях.

Исследователи феномена «институт уголовно-процессуального права» по обыкновению фокусируются на первых четырех его признаках и не уделяют должного внимания понятийному аппарату данного нормативного образования. Вместе с тем, как отмечают А.М. Баранов и К.Н. Смирнова, определения понятий, обладая высокой информативностью, призваны придавать правовым явлениям требуемую ясность и доступность, способствовать их единообразному восприятию и точному применению правовых норм [3, с. 3].

В контексте изложенного для нас представляет интерес рассмотрение понятийного аппарата уголовно-процессуального института неотложных следственных действий, получившего в УПК РФ дополнительное законодательное регулирование (п. 19 ст. 5, ст. 157), что придало ему «второе дыхание».

По мнению Р.А. Шахнавазова, с точки зрения уголовно-процессуального права нормы, регулирующие возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий, представляет собой уголовно-процессуальный институт. Вместе с тем, отмечает автор, «процесс формирования института

производства неотложных следственных действий не оказался завершенным и бесспорно состоявшимся» [25, с. 10]. Учитывая, что приведенная оценка нормам, относящимся к названному институту, прозвучала почти двадцать лет назад, можно предположить, что в текущий момент процесс его формирования должен был завершиться. В научно-теоретическом аспекте содержание института производства неотложных следственных действий подверглось масштабному исследованию, ему посвящены десятки публикаций, а их авторами разработаны проектные, модельные нормы, реализация которых в законодательстве может вывести правовое регулирование анализируемого института на более высокий качественный уровень. Современные публикации ряда авторов по указанной проблематике однозначно выделяются по своей широте и детальности характеристики неотложных следственных действий [28, с. 225-229; 8, с. 108-115; 22, с. 146-160 и др.]. Однако, несмотря на то, что выражение «институт неотложных следственных действий» многими учеными используется без каких-либо оговорок, часто фигурирует в названиях научных сочинений, в уголовно-процессуальной теории остаются дискуссионными отнюдь не второстепенные вопросы, связанные с практическим проведением неотложных следственных действий. Высказываются и пожелания оптимизировать нормативную основу рассматриваемого института, уточнить ряд образующих ее предписаний.

Автор настоящей статьи убежден в том, что окончательное становление нормативного правового комплекса, предмет регулирования которого составляют общественные отношения, возникающие при проведении неотложных следственных действий, произойдет только при условии выработки четких дефиниций терминов, согласования понятий, которые в конечном итоге и определяют конструкцию соответствующего правового института. Поэтому вряд ли есть предпосылки для того, чтобы считать бесспорно состоявшимся институт неотложных следственных действий, если ключевая категория этого института – неотложные следственные действия

– получившая закрепление в п. 19 ст. 5 УПК РФ, имеет в юридической литературе десятки различных интерпретаций. Причем определение неотложных следственных действий дается в отсутствие в УПК РФ общего понятия следственных действий.

Продолжается начавшаяся еще в период действия УПК РСФСР дискуссия по вопросам понятия системы неотложных следственных действий [19, с. 98-102], круга субъектов производства неотложных следственных действий, их соотношения с первоначальными следственными действиями [20, с. 145-153], продолжительности сроков производства неотложных следственных действий [13, с. 116-118], их проведения до возбуждения уголовного дела [10, с. 94].

Терминологические «вольности» при описании в законе правовых институтов, несоответствие терминов своему этимологическому значению, рассогласованность их с другими терминами, используемыми для нормативного выражения содержания института, некорректное заимствование терминов из других отраслей законодательства (например, оперативно-розыскного) существенно снижают потенциал норм права, объединившихся в институт.

Понятийный ряд института неотложных следственных действий включает нормы, дающие общую характеристику неотложным следственным действиям (п. 19 ст. 5 УПК РФ), а также регулирующие отношения по поводу возбуждения уголовного дела для незамедлительного закрепления, изъятия и исследования доказательств с последующей передачей дела по подследственности, полномочий органа дознания по возбужденному им уголовному делу после направления его руководителю следственного органа (ч. 5 ст. 152, ст. 157 УПК РФ). В данных нормах используются следующие термины: неотложные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, розыскные меры, оперативно-розыскные меры. Они, образно выражаясь, являются квинтэссенцией института неотложных следственных действий. При этом исследователи в рамках научного анализа указанных терминов как институциональных элементов предпочи-

тают приоритетным «разобраться» с феноменом «неотложные следственные действия», оставляя за контуром одноименного уголовно-процессуального института имманентно присущие ему понятия – оперативно-розыскные мероприятия, розыскные меры, оперативно-розыскные меры. Это можно проследить на примере большинства публикаций по обозначенной тематике, увидевших свет как в период действия УПК РСФСР, так и после введения в действие УПК РФ [21, с. 43-48; 15, с. 15-16; 23, с. 408-409].

При характеристике института неотложных следственных действий вполне объяснимо дозированное (по минимуму) рассмотрение содержащихся в ст. 157 УПК РФ терминов «оперативно-розыскные мероприятия», «розыскные меры», поскольку они подробно освещаются в литературе по оперативно-розыскной деятельности [7; 24; 27]. Включенный же в нее термин «оперативно-розыскные меры» предан фактическому забвению и обходится стороной исследователями названного института искусственно. Он не имеет уголовно-процессуальной природы, не характерен для терминологии, ориентированной на область уголовного судопроизводства. Судя по названию, термин «оперативно-розыскные меры» тяготеет к понятиям, используемым в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Однако он не нашел легализации в законе об ОРД. Приведем собственную точку зрения по поводу обоснованности нахождения в понятийном ряду института неотложных следственных действий термина «оперативно-розыскные меры».

Последний относится к часто употребляемым в литературе, отражающей проблематику ОРД, в связи с чем вполне прогнозируемо возникла необходимость разграничения близких, почти совпадающих по наименованию действий, осуществляемых субъектами ОРД, – «оперативно-розыскные мероприятия» и «оперативно-розыскные меры». По мнению В.М. Атматжитова и В.Г. Боброва, оперативно-розыскные меры – более емкая категория в сравнении с оперативно-розыскными мероприятиями, которые составляют

лишь определенную их часть [2, с. 21]. Оставалось загадкой: какие конкретно действия могли «сосуществовать» с оперативно-розыскными мероприятиями?

С точки зрения В.В. Антонова, оперативно-розыскные меры способствуют решению оперативно-тактических задач и заключаются, например, в оперативном обслуживании объектов, использовании оперативных учетов, ведении оперативной разработки, осуществлении оперативно-экономического анализа [1, с. 61].

Другие авторы (В.А. Лукашов, Е.А. Митрофанов, С.С. Овчинский) придерживаются позиции о том, что отличие действий, входящих в структуру мер и мероприятий, состоит в их целевой направленности: ОРМ направлены на решение оперативно-тактических задач, тогда как оперативно-розыскные меры являются способом решения более масштабных задач организационно-управленческого и организационно-тактического плана [24, с. 20].

Поддерживая данный подход к разграничению категорий «оперативно-розыскные меры» и «оперативно-розыскные мероприятия», А.Е. Чечётин подчеркивает, что в законе об ОРД понятие «оперативно-розыскные меры» не используется [24, с. 22]. Что этим хочет сказать ученый? Может быть то, что данный термин не относится к сфере ОРД? Но тогда почему он сравнивается с оперативно-розыскными мероприятиями, выражающими главное содержание ОРД?

Интересными в анализе категории «оперативно-розыскные меры» являются также следующие аспекты.

Так, специалистами в области ОРД, как уже отмечалось, утверждается, что оперативно-розыскные меры позиционируются в качестве инструмента решения организационно-управленческих и организационно-тактических задач, возникающих в ходе ОРД. Длительный период, пока не был принят закон об ОРД, рассматриваемые категории отождествлялись. Однако законом воспринят только один из них. Примечательно, что такой выбор законодателя не квалифицируется в теории ОРД как пробел в праве или его не-

достаток. Отсюда в юридической литературе не звучат и предложения о дополнении оперативно-розыскного законодательства термином «оперативно-розыскные меры».

Не уделяют сколько-нибудь серьезного внимания факту присутствия в ч. 4 ст. 157 УПК РФ термина «оперативно-розыскные меры» и ученые-процессуалисты. При характеристике действий органа дознания после направления возбужденного им уголовного дела руководителю следственного органа, когда лицо, совершившее преступление, не обнаружено, они лишь констатируют перенос термина «оперативно-розыскные меры» из ч. 4 ст. 119 УПК РСФСР в ч. 4 ст. 157 УПК РФ.

Например, комментируя ст. 119 УПК РСФСР, Б.Т. Безлепкин говорит о необходимости активного осуществления ОРД для установления лица, совершившего преступление, периодического информирования следователя, в производстве которого находится уголовное дело, о результатах оперативно-розыскных мероприятий. При этом фигурирующий в комментируемой норме термин «оперативно-розыскные меры» не упоминается [12, с. 187-188]. Этот же автор, комментируя уже ч. 4 ст. 157 УПК РФ, «вспоминает» об упоминаемом в ней понятии «оперативно-розыскные меры» и фактически воспроизводит содержание указанной нормы без намека на то, какие же оперативно-розыскные меры имеются в распоряжении органа дознания [11, с. 229].

Изучение большей части доступных нам литературных источников, посвященных неотложным следственным действиям [напр.: 4; 10; 20; 22; 28], показывает, что сегодня на теоретическом уровне нет вразумительных объяснений одновременному использованию в конструкции института неотложных следственных действий понятий «оперативно-розыскные меры» и «оперативно-розыскные мероприятия». Последнее детально выражено в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» в противовес даже не упоминаемому в нем виртуальному понятию «оперативно-розыскные меры».

С учетом изложенного нельзя считать, что понятийный аппарат правового института неотложных следственных действий сформировался, образует системное единство, и для его поддержания в рабочем состоянии достаточно уточнения нюансов нормативных формулировок конкретных понятий. Ответы на

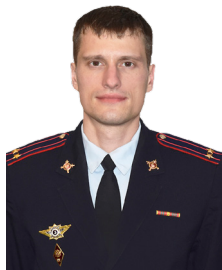
поставленные вопросы можно получить при их рассмотрении с позиций уголовно-процессуального, оперативно-розыскного, полицейского законодательства и реальных правоприменительных потребностей отношений, связанных с производством неотложных следственных действий.

Библиографический список

1. Антонов, В.В. К вопросу о сущности и содержании оперативно-розыскных мер / В.В. Антонов // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Труды Академии управления МВД России. – М., 2001.
2. Атматжитов, В.М. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.М. Атматжитов, В.Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Труды Академии управления МВД России. – М., 2001.
3. Баранов, А.М. Основные понятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : монография / А.М. Баранов, К.Н. Смирнова. – М., 2015.
4. Барсукова, Т.В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Барсукова. – Воронеж, 2003.
5. Беляева, Г.С. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов / Г.С. Беляева, В.И. Кузьменко, А.А. Умаров // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 101-104.
6. Братусь, С.Н. Предмет и система гражданского права / С.Н. Братусь. – М., 1963.
7. Гусев, В.А. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики / В.А. Гусев. – Хабаровск, 2011.
8. Ильина, Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение производства неотложных следственных действий / Е. В. Ильина, А.И. Мелихов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (14). – С. 108-115.
9. Иоффе, О.С. Основы советского гражданского законодательства / О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой. – Л., 1962.
10. Кардашевская, М.В. Уголовно-процессуальная характеристика неотложных следственных действий и их система / М.В. Кардашевская // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2002.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской [и др.]. – М., 1999.
13. Купряшина, Е.А. Институт неотложных следственных действий / Е.А. Купряшина, А.В. Воловичева, Д.А. Рубан // Государство созидает: правовые ресурсы формирования : материалы международной научно-практ. конф., посвященной 25-летию юридического института НИУ «БелГУ». – Белгород, 2018. – С. 116-118.
14. Лантух, Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов : монография / Н.В. Лантух. – СПб., 2015.
15. Масленков, С.Л. О соотношении дознания, неотложных следственных действий и оперативно-розыскной деятельности / С.Л. Масленков // Следователь. – 2004. – № 5. – С. 15-16.

16. Матвеев, Г.М. Советское гражданское право. Т. 1 / Г.М. Матвеев, В.А. Попов, А.А. Пушкин ; под ред. О.А. Красавчикова. – М., 1968.
17. Мядзелец, О.А. Отраслевые исследования категории «правовой институт» и их взаимосвязь с теорией уголовно-процессуальных институтов / О.А. Мядзелец // Российская юстиция. – 2023. – N 2. – С. 38-46.
18. Осипов, Ю.К. Понятие институтов гражданского процессуального права / Ю.К. Осипов // Правоведение. – 1973. – N 1. – С. 54-60.
19. Супрун, С. Понятие и система неотложных следственных действий / С. Супрун // Уголовное право. – 2007. – N 4. – С. 98-102.
20. Токарева, Е.В. Неотложные следственные действия: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих их производство / Е.В. Токарева, В.С. Хоршева, С.Г. Еремин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – N 1 (52). – С. 145-153.
21. Уткин, М.С. Соотношение первоначальных, последующих и неотложных следственных действий / М.С. Уткин // Раскрытие преступлений и предупреждение правонарушений: сборник научных трудов. – Омск, 1979. – С. 43-48.
22. Фадеев, И.А. Нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности и органов дознания МВД России на современном этапе : монография / И.А. Фадеев. – М., 2022.
23. Фадеев, И.А. Правовой институт неотложных следственных действий: краткий экскурс в историю вопроса / И.А. Фадеев // Евразийский юридический журнал. – 2021. – N 7 (158). – С. 408-409.
24. Чечётин, А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности : монография / А.Е. Чечётин. – Барнаул, 2006.
25. Шахнавазов, Р.А. Производство неотложных следственных действий как уголовно-процессуальный институт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.А. Шахнавазов. – Ростов-на-Дону, 2005.
26. Шерстюк, В.М. Система советского гражданского процессуального права. Вопросы теории / В.М. Шерстюк. – М., 1989.
27. Шумилов, А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий / А.Ю. Шумилов. – М., 1999.
28. Шурухнов, Н.Г. Эволюция неотложных следственных действий: ретроспективный анализ законодательных актов, предшествовавших принятию статьи 157 УПК РФ / Н.Г. Шурухнов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Том XIII. – N 3. – С. 225-229.
29. Якушев, В.С. О понятии правового института / В.С. Якушев // Правоведение. – 1970. – N 6. – С. 61-67.

Евгений Александрович МОЛЯРОВ,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
Cafedra@yandex.ru

Сергей Иванович ДАВЫДОВ,
профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Барнаульского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент
dauidov_ord@mail.ru

ПОНЯТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

THE CONCEPT OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY «PERSON IDENTIFICATION»

В статье рассматриваются имеющиеся в оперативно-розыскной науке определения понятий оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности». Отмечается, что единое понимание рассматриваемого юридического термина отсутствует, и это создает условия для противоречивой правоприменительной практики. Проанализировав имеющиеся точки зрения ученых относительно понятия отождествления личности, с учетом установленных существенных признаков исследуемого мероприятия, авторы предлагают уточненное его определение.

The article considers definitions of such concept of operational-search activity as «person identification» that exist in the operational-search science. It is noted that there is no common understanding of the legal term under consideration, and it creates conditions for contradictory law enforcement practice. After analyzing the existing scientists' points of view regarding the concept of person identification and taking into account the established essential features of the event under study, the authors propose a corrected definition of it.

Ключевые слова: отождествление личности, криминалистическая идентификация, оперативное распознавание, выявление групповой принадлежности, оперативно-розыскное мероприятие, оперативно-розыскная деятельность.

Keywords: person identification, forensic identification, operational recognition, revealing group belonging, operational-search action, operational-search activity.

Смысл научных и юридических понятий далеко не всегда очевиден либо заранее известен. В науке для передачи и усвое-

ния смысла понятий используется логический прием – определение понятия (дефиниция). Дефиниция решает познавательную задачу,

а именно: раскрывает суть определяемого термина, отличает определяемый термин от сходных, раскрывает значение данного термина. Дефиниции широко используются в нормотворческой деятельности. Формальное закрепление смысла термина способствует правильному и единственно возможному его пониманию. В юриспруденции именно правовая дефиниция, содержащаяся в законодательных актах, признается приоритетным для понимания юридического термина.

В статье 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») предусмотрен термин «отождествление личности», который выступает наименованием одного из оперативно-розыскных мероприятий. Правовой дефиниции, то есть формально закрепленного смысла термина «отождествление личности», не содержится ни в ФЗ «Об ОРД», ни в других законодательных актах. В результате этого отсутствует единое понимание рассматриваемого юридического термина, не гарантировано единообразное применение оперативно-розыскного закона правоохранительными органами, что, в свою очередь, потенциально может приводить к нарушениям принципа равенства всех перед законом.

Несколько усугубляет положение и то, что в научном сообществе отсутствует единое доктринальное толкование исследуемого ОРМ. Дефиниции отождествления личности, данные различными учеными, в том числе размещенные ими в комментариях к ФЗ «Об ОРД», существенно отличаются друг от друга, формируют различные по глубине и содержанию представления об определяемом понятии.

На основе проведенного анализа юридической литературы мы пришли к выводу о том, что основные различия в предлагаемых учеными определениях связаны с формулировкой функциональной стороны (содержательной части¹) данного ОРМ и его объекта. На этом основании, то есть в зависимости от трактовки функциональной стороны (содержательной части) мероприятия, нами выделе-

ны два основных подхода к конструированию дефиниций ОРМ «отождествление личности».

Первый подход реализован в определениях, где содержательная часть мероприятия формулируется при помощи слова «идентификация» или словосочетания «установление и идентификация». Такой подход применялся А.Ю. Шумиловым, Н.Е. Симоновой, И.А. Климовым, Л.Л. Тузовым, Н.А. Кузьминым, Е.С. Дубоносковым, А.М. Хлусом, И.И. Бранчелем, А.П. Киселевым, К.В. Проциным, А.Г. Маркушиным, С.И. Захарцевым, Е.С. Лапиным и другими учеными [8, с. 311]. Так, Н.А. Кузьмин, Л.Л. Тузов и И.А. Климов предлагают следующую дефиницию ОРМ «отождествление личности» – это установление и идентификация личности проверяемого по различным признакам (отпечатки пальцев, внешность, запаховые следы, оставленные на месте происшествия, и др.) [3, с. 251]. С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников рассматривает отождествление личности как «ОРМ, заключающееся в оперативной идентификации лица по его признакам» [1, с. 199].

Ко второй группе дефиниций относятся те, в которых содержательная часть ОРМ определяется через термин «опознание» либо словами «установление» и «опознание». Такой подход к определению ОРМ применяли А.Е. Чечётин, В.В. Алексеев, С.А. Ярошенко, Н.С. Железняк, А.Н. Халиков, М.П. Смирнов, Д.А. Финк, В.С. Овчинский, В.В. Черников, А.В. Земскова, А.П. Исиченко, О.А. Вагин, В.В. Важенин. Так, А.Н. Халиков предлагает следующее определение ОРМ «отождествление личности» – это «оперативный способ установления субъектов, причастных к преступной деятельности, разыскиваемых или иных лиц, представляющих интерес для оперативно-розыскных и следственных органов, путем их непроцессуального опознания по внешним признакам» [11, с. 198].

Несмотря на то, что слова «идентификация», «установление» и «опознание» в профессиональном кругу могут употребляться как

1 Функциональная сторона (содержательная часть) в оперативно-розыскной науке рассматривается как элемент ОРМ, отражающий способы и приемы, используемые в ходе проведения мероприятия.

синонимы, они имеют различные смысловые значения. Слово «идентифицировать» в соответствии с толковым словарем современного русского языка Д.Н. Ушакова обозначает «отожествлять» [9, с. 181]. При этом в соответствии с этимологическим словарем русского языка М. Фасмера слово «тождество» образовано по аналогии с латинским словом «identitās» (идентичность) [10, с. 69]. Таким образом, термины «отождествление» и «идентификация» имеют одинаковое смысловое значение. Эти слова отличаются лишь тем, что произошли в разных языковых культурах. Так, если использовать в качестве определяющего слово «идентификация», понятие «отождествление личности» раскрывается само через себя, образуя тавтологию, то есть такая дефиниция включает в себе «круг», что, в свою очередь, является логической ошибкой определения понятия [7, с. 17]. Ранее на наличие этой ошибки в определении ОРМ «отождествление личности» указывал А.Е. Чечётин [12, с. 138].

Слово «установить» в соответствии с толковым словарем Л.И. Скворцова имеет несколько значений: 1) «обнаружить, выявить»; 2) «определить»; 3) «налаживать, организовывать»; 4) «ставить, помешать, размещать располагать» [6, с. 917]. Многозначность данного слова осложняет осмысление его значения. Как мы полагаем, слово «установить» в словосочетании «установление лица» используется в смысловом значении «определить», но даже при таком понимании использование словосочетания «установление лица» в определении рассматриваемого ОРМ, по нашему мнению, является недостаточно информативным. Кроме того, при использовании слова «установление» в дефинициях остается непонятным соотношение установления личности с ее идентификацией и опознанием.

Термин «опознать» в соответствии с толковым словарем Д.Н. Ушакова имеет единственное значение – «узнать по каким-либо приметам и признакам, установить тождество кого-либо или чего-либо с кем-либо или чем-либо» [9, с. 401]. Значение данного слова, по нашему мнению, наиболее точно, по сравнению с другими представленными фор-

мулировками, раскрывает содержание ОРМ «отождествление личности».

Рассмотрев имеющиеся варианты формулировок функциональной стороны (содержательной части) исследуемого мероприятия, обратим внимание на то, что ни одна из них не предполагает осуществление поисковых действий, направленных на обнаружение лиц оперативной заинтересованности по их признакам. Без сомнений, поисковые действия могут входить в содержательную сторону ОРМ «отождествление личности», например, при проведении отождествления личности путем поиска лиц в местах вероятного их появления или путем автоматизированного поиска лиц в базах данных по изображению лица.

Возможность осуществления поисковых действий, направленных на обнаружение лиц при проведении отождествления личности, упоминалась многими специалистами в области ОРД. Так, М.С. Десятов, Д.А. Васильченко, А.С. Малахов, В.А. Шипицин указывали на возможность проведения отождествления личности путем поиска в местах вероятного появления лиц, представляющих оперативный интерес [4, с. 54]. В.В. Алексеев, С.А. Ярошенко и некоторые другие ученые отмечали, что отождествление личности может проводиться путем поиска лица, представляющего оперативный интерес, с использованием служебно-розыскной собаки по запаховым следам [5, с. 193].

А.Г. Маркушин, М.П. Смирнов, В.П. Легостаев, Ю.А. Агафонов, Ю.Ф. Кваша и другие авторы указывали на то, что отождествление личности проводится путем поиска в информационно-поисковых системах [2, с. 144]. Этот способ предполагает использование современных биометрических систем, которые представляют собой автоматизированные методики идентификации человека на основе ряда его физиологических характеристик (черты лица, отпечатки пальцев и др.).

Выполнение поисковых действий при проведении ОРМ «отождествление личности» подтверждается и собранными нами эмпирическими данными. Так, по результатам

анкетирования сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел 64% респондентов указали, что проводили ОРМ «отождествление личности» путем поиска в автоматизированных банках данных (АБД), созданных для решения задач оперативно-розыскной деятельности; 46% – путем поиска в местах возможного появления искомого объекта.

На основании изложенного мы полагаем, что ОРМ «отождествление личности» является не просто идентификационным мероприятием, а поисково-идентификационным, поскольку при его проведении могут осуществляться активные поисковые действия, направленные на обнаружение искомого объекта. Поисковые действия могут осуществляться как непосредственно субъектами ОРМ, так и опосредовано – в автоматизированном режиме, с использованием баз данных, созданных в идентификационных целях, или, например, с использованием систем городского видеонаблюдения с функцией видеоидентификации (такая система имеется, в том числе и в АПК «Безопасный город»).

Возвращаясь к определяющим терминам, акцентируем внимание на том, что слова «идентификация» или «опознание» предполагают лишь сличение (сравнение) одного объекта с другим, но не осуществление поиска искомого объекта. Таким образом представленных определяющих терминов недостаточно для построения «соразмерного» определения понятия ОРМ «отождествление личности», объем которого бы совпадал с фактической содержательной частью мероприятия. С учетом изложенного мы считаем целесообразным для более точного отражения функциональной стороны (содержательной части) отождествления личности использовать словосочетание «обнаружение и (или) опознание». Предлагаемое нами слово «обнаружить» для определения ОРМ «отождествление личности» в соответствии с толковым словарем Д.Н. Ушакова имеет следующие значения: 1) отыскать, открыть; 2) показать, сделать видимым; 3) выказать, показать перед всеми [9, с. 375]. Представленные значения, на наш взгляд, достаточно точно сопоставля-

ются с содержательной частью исследуемого нами ОРМ.

Что касается формулировки объекта опознания в определении ОРМ, то мы не можем согласиться с авторами, которые указывают в качестве объектов только преступников и лиц, находящихся в розыске. Такой подход к определению использовали В.В. Алексеев, С.А. Ярошенко, А.П. Киселев, А.Г. Маркушин, М.С. Десятов, Д.А. Васильченко, А.С. Малахов, В.А. Шипицин. Так, В.В. Алексеев и С.А. Ярошенко предлагали следующее определение ОРМ «отождествление личности» – это «ОРМ, заключающееся в непроцессуальном опознании личности по индивидуальным идентифицирующим признакам, причастной к преступной деятельности либо находящейся в розыске» [5, с. 91]. Проведенное нами анкетирование сотрудников оперативных подразделений показало, что в ходе ОРМ «отождествление личности» кроме вышеуказанных объектов опознаются и другие лица, представляющие оперативный интерес: очевидцы преступления либо другие лица, обладающие оперативно значимыми сведениями которые могут способствовать решению задач ОРД (24% респондентов проводили отождествление личности в отношении данной категории лиц); лица, пропавшие без вести (34%); лица, пострадавшие от преступления (26%); также идентифицируются неопознанные трупы (83%).

Более того, А.Е. Чечётин, Е.С. Лапин, В.В. Важенин отмечали, что к объектам ОРМ «отождествление личности» следует относить похищенные предметы и вещи, животных, места совершения преступлений, компьютерные программы и другие объекты [12, с. 139]. Позиция ученых, по нашему мнению, является несколько спорной, поскольку, исходя из «буквального» значения слов, образующих название исследуемого ОРМ, его объектами могут быть только физические лица. При этом следует отметить небольшую поддержку представленной позиции сотрудниками практических органов. Так, в соответствии с результатами проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений часть респондентов допускают, что опознава-

емым объектом отождествления личности могут являться объекты, не относящиеся к физическим лицам. В частности, 6% опрошенных допустили, что опознаваемыми объектами могут быть предметы преступлений имущественного характера (похищенное имущество, наркотические средства), 9% опрошенных допустили в качестве опознаваемого объекта орудия преступлений и 4% – места совершения преступлений. При изучении дел оперативного учета и уголовных дел, содержащих материалы, в которых фигурируют результаты ОРМ «отождествление личности», случаев опознания в ходе исследуемого ОРМ предметов и орудий преступлений, мест совершения преступлений и других объектов нами выявлено не было. Полагаем, что юридическая возможность опознавать объекты, не относящиеся к физическим лицам, в рамках исследуемого ОРМ будет доступна только в случае его соответствующего переименования.

Обобщая результаты проведенного нами исследования, укажем, что понятие «отождествление личности» как ОРМ требует уточнения с учетом развития оперативно-розыскной науки и современных условий, средств и методов его проведения. На основании изложенного мы предлагаем уточненную дефиницию ОРМ «отождествление личности» – это совокупность взаимосвязанных действий, направленных на обнаружение и (или) непроцессуальное опознание лица, представляющего оперативный интерес, по внешности, голосу, запаху и другим идентифицирующим его признакам.

Подводя итог, отметим следующее.

По своему содержанию ОРМ «отождествление личности» представляет собой поисково-идентификационное мероприятие, то есть ОРМ «отождествление личности» как совокупность действий помимо опознания может включать в себя поиск объекта по его признакам. Условно можно выделить две формы поисковых действий, осуществляемых в ходе проведения ОРМ «отождествление личности»: 1) физический поиск лиц в местах их вероятного появления; 2) автоматизированный поиск (с использованием аппаратно-программных комплексов, автоматизированных информационных систем и др.).

Предложено следующее уточненное определение понятия ОРМ «отождествление личности» – это совокупность взаимосвязанных действий, направленных на обнаружение и (или) непроцессуальное опознание лица, представляющего оперативный интерес, по внешности, голосу, запаху и другим идентифицирующим его признакам.

Объектом ОРМ «отождествление личности» являются исключительно физические лица, представляющие оперативный интерес (например, лица, совершившие преступления; пострадавшие от преступлений; очевидцы преступлений; лица, располагающие оперативно значимыми сведениями, которые могут способствовать решению задач ОРД). Юридическая возможность опознавать объекты, не относящиеся к физическим лицам в рамках ОРМ «отождествление личности» может быть доступна только в случае его соответствующего переименования.

Библиографический список

1. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. – М.: Норма, 2022. – 400 с.
2. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для академического бакалавриата / А.Г. Маркушин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 306 с.
3. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Кузьмина, Л.Л. Тузова, И.А. Климова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 447 с.

4. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. М.С. Десятова. – Омск: Омская академия МВД России, 2017. – 87 с.
5. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В.В. Алексеев [и др.]. – М.: ЮНИТИ-ДИАНА, 2016. – 175 с.
6. Скворцов, Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи / Л.И. Скворцов. – М.: Мир и Образование, Оникс, 2009. – 1104 с.
7. Смирнов, А.А. Логика : метод. указания / А.А. Смирнов. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 52 с.
8. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 5-е изд. испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 795 с.
9. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Г-Ящур) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
11. Халиков, А.Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Н. Халиков. – 3-е изд. – М.: РИОР : ИНФРА-М, 2023. – 332 с.
12. Чечётин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография / А.Е. Чечётин. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 180 с.

УДК 343.98

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_27

Ильнур Асгатович ГУМАРОВ,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
ilnur_gumar@mail.ru

Виктор Владимирович ТЫРЫШКИН,
заместитель начальника кафедры
административного права и административной
деятельности органов внутренних дел
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
witsan333@yandex.ru

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

DOCUMENTING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Исследование посвящено анализу эффективных направлений документирования киберпреступлений. Документирование – это отражение и фиксация преступных действий проверяемых и разрабатываемых лиц на основе полученных сведений путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и установления фактических данных, возможно, имеющих значение для уголовного дела. Наибольшую актуальность, на наш взгляд, такая деятельность приобретает при борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

При изучении вопросов документирования следов преступлений, совершенных с использованием ИТТ, были использованы социологические методы опроса и анкетирования сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, а также материалы уголовных дел и нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел. Применялся контент-анализ научных статей и учебной литературы.

В результате исследования авторами предлагается алгоритм действий и мероприятий, направленный на повышение эффективности документирования преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, выделяются наиболее распространенные источники, из которых может быть получена оперативно значимая информация.

The study is devoted to the analysis of effective ways of documenting cybercrimes. Documentation is the reflection and recording of criminal actions of persons under investigation on the basis of information received through operational search activities and the establishment of factual data that may be significant in the criminal case. In authors' opinion, such activities gain the greatest relevance in the fight against crimes committed using information and telecommunication technologies (hereinafter referred to as ITT).

When studying the issues of documenting traces of crimes committed using ITT, sociological methods of surveying and questioning officers of operational units of internal affairs bodies were used, as well as files of criminal cases and normative legal acts regulating the activities of operational units of internal affairs bodies. Content analysis of scientific articles and educational literature was used in this study.

As a result of the study, the authors propose an algorithm of actions and measures aimed at increasing the efficiency of documenting crimes committed using ITT and identified the most common sources from which operationally significant information can be obtained.

Ключевые слова: преступления, использование ИТТ, «виртуальные» следы, классификация виртуальных следов, сбор цифровых следов, оперативные подразделения.

Keywords: crimes, use of ITT, virtual traces, classification of virtual traces, collection of digital traces, operational units.

Повсеместное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) значительно облегчает жизнь современного человека, оказывает большое воздействие на модернизацию правоотношений, в которых он участвует. В то же время такие технологии чаще применяются правонарушителями в преступных целях. Перечень исследуемых преступлений закреплен указанием Генпрокуратуры России¹. К данным правонарушениям, как правило, относятся преступления, совершаемые с использованием сети Интернет, средств мобильной связи, вредоносных компьютерных программ, компьютерной техники и т.п.

Согласно статистическим данным, в 2022 году на территории России зарегистрированы 522 065 преступлений, совершенных с использованием ИТТ, из них: 21046 – экономической направленности, 4516 – с причинением крупного или особо крупного ущерба. Основную массу исследуемых преступлений составляют мошенничества: 309 593 факта (среди них: ст. 159.3 УК РФ (с использованием электронных средств платежа) – 7 288, ст. 159.6 УК РФ (в сфере компьютерной информации) – 334). Кроме того, регистрируются много фактов краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) – 112 348

и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – 82 661 (среди них: ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) – 19 643, п. «б» ч. 2, чч. 3, 4, 5 ст. 228.1 (незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...) – 62 209) соответственно.

Среди рассматриваемых преступлений были зарегистрированы 6598 фактов изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ); 9308 фактов неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); 21 424 факта заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ); 2647 фактов неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ); 200 фактов создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ)².

Нормативная правовая основа отражена в Уголовном и Уголовно-процессуальном

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России N 401/11, МВД России N 2 от 19.06.2023 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2023).

² Состояние преступности в России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.06.2023).

кодексах РФ, Федеральных законах «О полиции»¹, «Об оперативно-розыскной деятельности»², Указе Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³, указании Генеральной Прокуратуры РФ «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»⁴, решении Коллегии МВД России «О мерах по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»⁵.

Следует отметить, что исследований, посвященных раскрытию преступлений, связанных с использованием ИТТ, в последние годы стало много. Только в последние пять лет об этом писали А.А. Битов [1], Ю.В. Гаврилин [2], А.В. Комов [3], Е.А. Пидусов [4], Е.А. Рускевич [5], А.Б. Смушкин [6] и др.

Документирование исследуемых преступлений не привязано только к процессуальной форме борьбы, поэтому существует свобода выбора при определении инструментов, средств и способов получения и фиксации информации в информационно-телекоммуникационной среде.

На наш взгляд, изменения в компьютерной информации, являющиеся следами преступления, в подавляющем большинстве случаев доступны восприятию не в виде бинарного следа (двоичных кодов), а в редактированной форме: записи в файле реестра, изменении атрибутов файла, цифровом сообщении. Данные следы следует называть «виртуальными». Е.А. Пидусов под виртуальными следами понимает «информацию, представленную в виде машинного кода, записанную компьютером или человеком и представляющую

определенную ценность для раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий» [4, с. 11].

Любые манипуляции на техническом устройстве фиксируются в его памяти (информация о включении и выключении персонального компьютера, вход/выход из браузера, действия в мессенджерах, социальных сетях, изменение или создание файлов и др.). При этом есть возможность проанализировать время таких манипуляций [6, с. 145]. Обнаруженные следы позволяют установить механизм следообразования и построить примерную последовательность противоправных действий правонарушителя.

Существуют различные критерии классификации виртуальных следов, к примеру: в зависимости от физического носителя «виртуального следа» (на жестком диске, оптическом диске (CD, DVD); в оперативных запоминающих устройствах; на периферийных устройствах (например, сканер или распечатывающее устройство); в сетевых устройствах; в проводных, радиооптических и других электромагнитных системах и сетях).

Лица, совершающие преступления с использованием ИТТ, пытаются анонимизировать свои данные посредством сокрытия следов преступления. Так, для сокрытия следов преступления они используют: «руткиты» (программное обеспечение, которое обеспечивает маскировку, управление и сбор сведений), сохранение доступа к «скомпрометированным системам», сокрытие своего существования путем «инъекции» (внедрения) нового процесса, манипуляции с «логами», изменение временных меток на устройстве потерпевшего, сокрытие файлов на отдельных секторах жесткого диска («склеивание» дисков путем создания RAID массивов, со-

1 О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. N 7. Ст. 900.

2 Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. N 33. Ст. 3349.

3 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. N 41. Ст. 5700.

4 О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России N 401/11, МВД России N 2 от 19.06.2023.

5 Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 01.11.2019 N Зкм : приказ МВД России от 25.11.2019 N 878 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2023).

здание «теневого» копирования через файл *volsnap.sys* и др.), физическое уничтожение носителя информации, удаление истории и обфускация¹.

Несмотря на различные манипуляции правонарушителей, следы остаются в памяти устройств потерпевших и правонарушителей, на серверах операторов связи, в облачных хранилищах, а также на других носителях информации, которые использовались в момент совершения преступления.

Анализ рассматриваемых преступлений показывает, что в киберпространстве совершаются в большей части корыстные преступления. Появляются новые вредоносные программы, DoS-, DDoS-атаки, бот-сети, кибершпионаж, мошенничество в сети, специальные сервисы по созданию вредоносных программ (например, «*BLOWMIND*»), по поиску персональных данных будущих жертв, в том числе биометрических (например, *Open source intelagent (OSINT)*, *Shodan*, *cenys*, *Maltego*, *Remini*, *timber*; веб-сайты: *nomerogram*, *imgon line.com*, *iknowwhatyoudownload.com*, *temp-mail.org* и др.).

Интервьюирование сотрудников АНО ВО «Университет Иннополис», привлекаемых в качестве специалистов при раскрытии преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, показало, что для получения доступа к «гаджету» потерпевших чаще всего применяются программа *Mimikatz*² (для преодоления паролей), технологии повышения привилегий программы, использование «скомпрометированной системы» для получения доступа к другим информационно-телекоммуникационным ресурсам, создание поддельного домена через *DCShadow* (путем репликации), технологии *Kill chain* и др.

1 Обфускация – процесс изменения кода программы, в результате которого он приобретает вид, трудный для понимания, при этом программа сохраняет свои функции. Применяется в целях защиты программного кода и его алгоритмов, для конфиденциальности разработки, а также от действий «атакующих» через уязвимости в коде.

2 *Mimikatz* – это приложение с открытым исходным кодом, которое позволяет пользователям просматривать и сохранять учетные данные аутентификации, такие как тикеты Kerberos. Злоумышленники обычно используют *Mimikatz* для кражи учетных данных и повышения привилегий: в большинстве случаев программное обеспечение для защиты конечных точек и антивирусные системы обнаруживают и удаляют его. И наоборот, специалисты по тестированию на проникновение используют *Mimikatz* для обнаружения и тестирования уязвимостей в сетях, чтобы можно было их исправить.

3 Дроппер/дроп – лицо, которое выполняет указания преступников, получая за вознаграждение,

К первоочередным мероприятиям и мерам в процессе выявления следов и документирования противоправных действий необходимо относить: опрос заявителя о совершенных в отношении него противоправных действиях; наведение справок, а именно: запрос выписки об операциях по банковским (лицевым) счетам в банковских организациях; установление возможности видеofиксации факта совершения действия с электронными средствами платежа и изъятие соответствующей видеозаписи; опрос уполномоченных сотрудников банковских организаций; установление и приобщение к материалам проверки: документов, регулирующих отношения между держателем счета (ов) и банковской организацией, сведения о владельце электронного кошелька, регистрационные данные доменных имен, IP-адрес владельца сайта и др.

Для эффективного документирования преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, сотрудникам оперативных подразделений необходимо применять поисковые программные средства и разрабатывать конкретные устройства выявления информации о преступных посягательствах. Они позволяют установить фактические данные как до возбуждения уголовного дела, так и на последующих этапах расследования. Основная цель данных устройств (программных обеспечений) – деанонимизировать преступников (киберпреступников).

Наибольшую сложность представляет привлечение к ответственности посредников преступной деятельности, которые занимаются обналичиванием доходов, полученных преступным путем, с использованием банкоматов³. Их часто используют преступники для обеспечения конспирации противоправ-

ных действий. Проведенное анкетирование¹ показывает, что при задержании дропперов (дропов) они не могут указать на лицо, которое поставило перед ними данное здание. Чаще всего их оправдывают в связи с отсутствием субъективной стороны преступления, если они документально поясняют о том, что не подозревали о противоправности своих действий.

62,5% опрошенных сотрудников органов внутренних дел Республики Татарстан указывают на недостаточную подготовленность сотрудников органов внутренних дел к борьбе с преступлениями в киберпространстве; остальные отметили необходимость получения специальных знаний; 75% сотрудников считают, что рассматриваемые преступления практически не удастся раскрыть.

Фактически следователю и оперуполномоченному для грамотного использования данных, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий по исследуемым преступлениям, базовой юридической подготовки недостаточно. На практике возникают сложности при взаимодействии как между подразделениями органов внутренних дел, так и с иными правоохранительными органами в процессе определения направлений документирования, реализации получаемой информации и сбора доказательств.

Созданные в системе МВД России подразделения по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий вынуждены постоянно разяснять новые способы сбора и фиксации фактических данных, разрабатывать специальные тактико-практические рекомендации, разрабатывать с сотрудниками правоохранительных органов методические мероприятия, направленные на повышение эффективности выявления и документирования новых виртуальных следов.

При этом 25% опрошенных сотрудников органов внутренних дел Республики Татарстан считают, что в органах внутренних дел работают сотрудники с недостаточным уровнем

профессионализма в исследуемой проблеме, а остальные 75% говорят о недостаточном оснащении для борьбы с преступлениями в киберпространстве. Очевидно, что повышение технической оснащенности, применение современных средств мониторинга, средств обеспечения безопасности, механизмов анализа, накопленных данных и оперативного реагирования способны принести значительный результат для борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием ИТТ.

Сотрудникам оперативных подразделений следует обратить внимание на источники получения информации о преступлении, совершенном с использованием ИТТ. Данная оперативно значимая информация может быть получена из следующих основных источников:

- технического средства потерпевшего (заявителя);
- от операторов *IP*-телефонии (сведения об *IP*-адресе, *MAC*-адресе, времени и продолжительности связи, точке доступа к сети Интернет);
- от операторов сотовой связи;
- от операторов платежных систем, банковских организаций и иных кредитных учреждений;
- технического средства подозреваемого (обвиняемого);
- из информационных ресурсов сети Интернет и др.

Обладая сведениям об источнике, следует принимать во внимание алгоритм фиксации (документирования) виртуальных следов. Нами предлагается следующий алгоритм действий:

1) не рекомендуется выключать технические устройства, направленные на сбор оперативно значимой информации. Исключением может являться ситуация, когда у преступника имеются пособники. В данной ситуации могут использоваться специальные уничтожители информации (в том числе термические).

2) в протоколе следственного действия подлежат документированию: в памяти какого устройства обнаружены виртуальные

¹ Руководители Управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан на всех уровнях и сотрудники отдела «К» МВД по Республике Татарстан.

следы; кому принадлежит устройство; имеет ли устройство выход в сеть Интернет, иные телекоммуникационные или локальные сети; какая оперативная система функционирует на устройстве; в каких файлах обнаружены следы вмешательства, их описание; история создания файла, его изменение. Целесообразно привлекать IT-специалиста;

3) целесообразно осуществлять фотовидеофиксацию экрана с исходной информацией о файлах. Рекомендуется последующая распечатка (запись на CD-диск);

4) производить изъятие для исследования всего объекта – носителя оперативно значимой информации для последующего исследования специалистами-экспертами в сфере компьютерной информации.

Для проведения различных операций с виртуальными следами используют два вида технических средств: общеупотребительные и специализированные. К первому виду относятся программы, которые могут быть известны любому пользователю сети Интернет, например, для просмотра подключений к компьютеру применяется программа-анализатор трафика для компьютерных сетей *Wireshark*; вся информация о процессах на компьютере хранится в разделе *memory dump*, в *swap*-файлах можно найти отпечатки разных программ подключения, а также ряд специализированных прикладных программ (например, *Volatility* – для поиска вирусов и скрытых процессов). При этом необходимо принимать во внимание, что в некоторых файлах содержится информация «в миниатюре», например, в файлах *samp.db*.

В экспертную деятельность внедряются программно-аппаратные комплексы, позволяющие комплексно решать целый ряд задач по исследованию компьютерной информации и техники (например, *EnCase Forensic Edition*, *UFED*, *X-Ways Forensics*, *Belkasoft*, Мобильный криминалист-эксперт и др.). Так, «Мобильный криминалист-эксперт» способен извлечь необходимый пласт физических данных. Облачная криминалистика является важным направлением при работе с извлечением данных, поскольку на современных мобильных устройствах пользователь содер-

жит необходимую информацию в облачном сервисе приложений. *X-Ways Forensics* – это программный комплекс, позволяющий исследовать носители информации и снимать с них необходимые для расследования уголовного дела сведения.

Кроме этого следует использовать специальные инструменты по получению оперативно значимой информации, такие как: *Zimmerman tools*, *Elcomsoft*, *MOBILed.it*, с использованием уязвимости *BootROM* («загрузчик» устройства) – *checkm8*.

Для документирования следов преступления с применением ИТТ наиболее эффективными оперативно-розыскным мероприятиям являются исследование предметов и документов, наблюдение и сбор образцов для сравнительного исследования. В процессе осуществления вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий важно грамотно задокументировать результаты их проведения. В целях фиксации оперативно значимой информации можно использовать фотоаппарат и видеокамеру, такие функции на компьютере, как сочетания клавиш «*PrtSc*», «*Alt PrtSc*», «*Win Shift S*».

В настоящее время имеются недостатки в практическом применении криминалистической техники в процессе документирования исследуемых преступлений: чаще всего применяются лишь часть имеющихся средств (*UFED* и Мобильный криминалист-эксперт), не используют возможности IT-специалистов по сбору информации через *Big data*, программные возможности изучения разделов *memory dump*, *swap*-файлов. Это связано с несовершенством организации и правового регулирования использования криминалистической техники, научно-методического и технико-криминалистического обеспечения ее применения. Несмотря на направляемые в территориальные органы внутренних дел алгоритмы действий по линии борьбы с исследуемыми преступлениями, изменить ситуацию не получается.

Сегодня имеется необходимость в формировании отечественных специальных программ в целях выявления злоумышленников в киберпространстве по аналогии с другими

государствами (например, зарубежное специальное программное обеспечение *Magnet Forensics* позволило обнаружить необходимую оперативно значимую информацию на более тридцати электронных устройствах, принадлежащих террористам, ответственным за атаку во время Бостонского марафона (братья Царнаевы, 2013 г.); в 2018 г. МВД Великобритании доложило о создании лондонской технологической компанией *ASI Data Science* комплексного инструмента искусственного интеллекта для обнаружения в 95% террористического контента в онлайн-видео, с вероятностью выявления 99,9%)¹.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности документирования исследуемых преступлений, необходимо:

1) своевременно внедрять в практику правоохранительных органов специальные знания о возможности отдельных программных обеспечений и ресурсов по получению цифровых следов преступлений;

2) детально проработать механизм привлечения посредников преступной деятельности (дропов), которые занимаются обналичиванием преступных доходов, и разъяснить порядок их привлечения к ответственности за соучастие в исследуемых преступлениях. Прежде всего, на наш взгляд, это возможно в рамках разработки методических рекомендаций по документированию субъективной стороны.

Принимая во внимание большое количество киберпреступлений, напрашивается вывод о недостаточности отдельных подразделений в системе органов внутренних дел, к примеру, подразделения по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. По нашему мнению, требуется

создание специальной службы (органа) на федеральном уровне по аналогии с ранее действовавшей Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, со своими следователями, оперуполномоченными, специальными техническими и поисковыми подразделениями, а также учебными и научными организациями.

Следует отметить, что в связи с нехваткой специалистов требуется стимулирование деятельности ИТ-специалистов в органах внутренних дел по линии борьбы с преступлениями, совершенными с использованием ИТТ, в том числе премирование за разработку новой тактики, методики или программы по раскрытию исследуемых преступлений. Одним из вариантов стимулирования следует рассмотреть помощь руководителей органов внутренних дел в получении специалистами патента на разработанную программу.

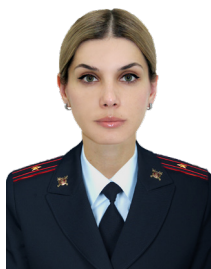
Анализ рассматриваемых нами преступлений показывает, что в киберпространстве совершаются в большей части корыстные преступления. Данный факт необходимо принимать во внимание при формировании психологического образа преступника. Последние при этом, используя ИТТ, наносят не только материальный вред, похищая денежные средства, иные финансовые активы граждан, но и получают персональные данные для дальнейшей противоправной деятельности. Такие преступные действия осуществляются посредством специального программного обеспечения, доступа к гаджетам потерпевшего, сети Интернет, вовлечения ИТ-специалистов. Для выявления виртуальных и цифровых следов преступной деятельности требуется знание основных источников получения оперативно значимой информации, применение комплекса программного обеспечения, техники и ресурсов.

¹ Counter-terrorism strategy embraces tech, but warns of future extremist digital capabilities. URL: <https://www.itpro.co.uk/cyber-terrorism/31247/quantum-computing-could-help-fight-terrorism-says-uk-gov> (дата обращения: 13.06.2023).

Библиографический список

1. Битов, А.А. Некоторые особенности взаимодействия следственных и оперативных подразделений ОВД при выявлении, раскрытии и расследовании наркопреступлений, совершаемых с использованием информационных технологий / А. А. Битов // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – N 4. – С. 49-53.
2. Гаврилин, Ю.В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие / Ю.В. Гаврилин. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 72 с.
3. Комов, А.В. Организация и тактика работы с компьютерными следами на стадии поисково-познавательной деятельности / А. В. Комов // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – N 1. – С. 131-136.
4. Особенности обнаружения и изъятия виртуальных следов при расследовании преступлений против собственности в сфере информационных технологий : методические рекомендации / под ред. Е.А. Пидусова. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2021. – 35 с.
5. Рускевич, Е.А. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации / Е.А. Рускевич, И.И. Малыгин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – N 3. – С. 106-125.
6. Смушкин, А.Б. О структуре электронной цифровой криминалистики / А.Б. Смушкин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – N 3 (15). – С. 140-148.

Алла Алексеевна ЛОМАКИНА,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук
lomakina.alla@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

PROBLEMS OF APPLYING THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE PROCESS OF PROVING CRIMINAL CASES

В статье рассмотрены актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Проведен анализ законодательства, правоприменительной практики и мнений ученых-процессуалистов по данной проблематике. Особое внимание акцентировано на легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в рамках процессуального доказывания по уголовному делу. Внесены предложения по актуализации норм уголовно-процессуального законодательства.

The article deals with the actual problems of using the results of operational search activities in proving criminal cases. The analysis of legislation, law enforcement practice and opinions of process scientists on this issue is carried out. Particular attention is focused on the legalization of the results of operational search activities in the framework of procedural proof in a criminal case. Proposals have been made to update the norms of criminal procedure legislation.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, собрание доказательств, оперативно-розыскная деятельность, результаты.

Keywords: evidence, proof, gathering of evidence, operational search activity, results.

В уголовном судопроизводстве достаточно сложно представить предварительное расследование без результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Они оказывают значительное влияние на ход расследования. Однако законодатель четко не определил порядок «ввода» таких результатов в уголовный процесс, что создает трудности в правоприменительной практике. В ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – За-

кон об ОРД) указано, что результаты ОРД могут применяться в доказывании по правилам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Аналогичное правило закреплено и в ст. 89 УПК РФ. В отечественной доктрине уточняется, что названная статья является единственной нормой УПК РФ, которая закрепляет порядок использования результатов ОРД [8, с. 127].

В первую очередь для исследования необходимо определить процессуальную природу

результатов ОРД. Дефиниция исследуемого понятия раскрывается в п. 36.1 ст.5 УПК РФ – это сведения, полученные в соответствии с Законом об ОРД о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного общественно опасного деяния, лицах, их совершивших и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В Законе об ОРД эти вопросы более конкретно определены в ст. 2. Эти аспекты прослеживаются и в ст. 11 закона.

В науке исследуемая категория трактуется различным образом. В целом точки зрения сводятся к тому, что это информация, сведения. В частности, отмечается, что это сведения, информация, которые добываются при осуществлении ОРМ, названных в ст. 6 Закона об ОРД. Сюда же можно отнести сведения, полученные от информаторов и зафиксированные в соответствующих материалах [9, с. 109].

А.Е. Чечётиным исследуемое понятие рассматривается как информация, которая содержит сведения о преступной деятельности и других обстоятельствах, входящих в перечень задач ОРД. Субъекты оперативно-розыскной деятельности негласно и гласно устанавливают физических лиц, воспринимавших те или иные преступные события, и материальные объекты при осуществлении поисковой непроцессуальной деятельности [5, с. 196].

А.В. Сидоренко, К.И. Масленников отмечают, что единственным способом, позволяющим выделить характерные признаки результатов ОРД, считается комплексный анализ нормативных актов, научных исследований и существующей оперативной практики. Определение, которое дано в ст. 5 УПК РФ, не соответствует фактическому содержанию. Авторы выделяют характерную черту исследуемого понятия: результаты наделены универсальными свойствами. Сведения, полученные в процессе осуществления ОРД, создают информационные предпосылки для выявления новых событий [6, с. 111].

Возможность использования результатов ОРД в доказывании В.И. Зажицкий связывает с наличием ряда условий:

- эти данные относятся к уголовному делу;
- они допускаются в уголовный процесс в регламентированной законом форме;
- их вовлечение в процесс осуществляется в установленном законом порядке [3, с. 358].

Для преобразования результатов ОРД в доказательства требуется:

- соблюдение процедуры представления и приобщения к материалам дела таких результатов;
- раскрытие оперативной информации, что позволяет осуществить их проверку.

Обратимся к понятию уголовно-процессуальных доказательств.

В свое время известный ученый-процессуалист М.С. Строгович рассматривал доказательства в качестве средства установления фактов, имеющих значение для предварительного расследования, выявляя их двойную сущность: как фактов, на базе которых определяется виновность либо невиновность субъекта, отсутствие преступления либо его наличие, и как источники, из которых органы предварительного расследования и суда устанавливают наличие фактов, имеющих значение [7, с. 251].

Полагаем, для рассматриваемой дефиниции важно единство содержания и формы доказательства. Содержание и форма обладают одинаковым значением. Обеспечивая установление необходимых фактов, доказательства изымаются таким способом, чтобы обеспечить максимально возможную защиту и соблюдение прав участников уголовного процесса, а также чтобы полученная информация была достоверна. Если в качестве доказательства рассматривать только сведения, убрав из определения процессуальную форму, то получится, что доказательством может считаться любая информация. Однако сущность доказательств проявляется в том, что, направленные на установление определенных фактов, они добываются в порядке, обеспечивающем максимально возможное соблюдение прав участников уголовного процесса и достоверности полученной информации, в том числе полученной в процессе оперативно-розыскных мероприятий. Эта

позиция подтверждается примерами из практики: если гражданин сообщил информацию в ходе дружеской беседы, но допрошен не был, то отсутствует источник доказательства.

Для доказательств в уголовном процессе характерна специфическая черта – возможность своим содержанием считаться средством определения обстоятельств, подлежащих доказыванию. Доказательство можно считать средством познания происшедшего события, которое, как и любое событие, оставляет в реальном мире следы (как внешне, так и в памяти людей).

Законодатель определяет доказательства как любые сведения, на базе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в соответствии с нормами УПК РФ выявляет наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, в период предварительного расследования.

Исследуемые понятия «доказательства» и «результаты ОРД» сходные. Общий термин для их определения – сведения. Оба понятия в гносеологическом смысле представляют собой информацию, которая синонимична слову «сведения». Направленность на установление определенных фактов также объединяет рассматриваемые понятия. Можно назвать и существенные различия. Результаты ОРД имеют, как правило, предварительный характер, поскольку такие сведения должны быть проверены и подтверждены либо опровергнуты в ходе доследственной проверки или предварительного расследования.

Проиллюстрируем примером, когда доказательствами послужили результаты ОРМ. С., Р., М. совершили в составе преступного сообщества контрабанду наркотических средств. Вину в совершении преступления не признали, заявили, что показания давали под давлением сотрудников полиции. Однако в протоколах допроса имеются сведения о том, что им разъяснялись их права, следственные действия проводились с участием защитников и переводчиков. Причем из их показаний следовало, что они проявили такую осведомленность о деталях, которые могли быть известны лишь

субъектам, непосредственно к ним причастным. Их вина подтверждалась материалами оперативно-розыскных мероприятий «прослушивание телефонных переговоров», «контролируемая поставка», «наблюдение», протоколами осмотра и прослушивания телефонных переговоров, протоколами осмотра места происшествия, другими сведениями, полученными после внедрения сотрудника ФСБ России, который значился под псевдонимом «Д».

Принадлежность голосов в прослушанных телефонных переговорах осужденными не оспаривалась. Суд обоснованно пришел к выводу о допустимости материалов оперативно-розыскной деятельности, поскольку они соответствуют требованиям, предъявляемым ст. 89 УПК РФ к подобного рода доказательствам¹.

ОРД отличается от уголовного судопроизводства уникальностью нормативно-правовой регламентации. В любом случае доказывание и ОРД преследуют одну цель – борьбу с преступностью. Взаимодействие оперативных и следственных подразделений – это сотрудничество, согласованная и слаженная деятельность их сотрудников. Здесь используется специфический арсенал средств и методов, присущих каждому из данных подразделений, с указанной выше целью.

Функционирование любого института, вне зависимости от его вида и особенностей реализации, зависит от ряда теоретических положений, научная, практическая и законодательная разработанность которых в конечном итоге определяют уровень эффективности функционирования рассматриваемого института. Наиболее важными положениями выступают понятие рассматриваемого института, правовая основа, определяющая порядок законодательной регламентации его функционирования, принципы, определяющие основополагающие начала реализации института, отправные точки в его функционировании и работе. Рассмотрим указанные положения применительно к институту взаимодействия оперативного работника и следователя в процессе раскрытия преступлений.

1 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.01.2016 по делу N 5-АПУ 15-109. URL: <https://dogovor-urist.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).

Понятие института взаимодействия оперативного работника и следователя в процессе раскрытия преступлений необходимо, его следует рассматривать по принципу «от общего к частному». Так, первоначально необходимо уточнить понятие «взаимодействие» в целом, а затем уже рассмотреть особенности раскрытия данного понятия. Взаимодействие в рамках доказывания – это деятельность, которая основывается на специальных нормативных правовых актах и осуществляется должностными лицами в соответствии с их компетенцией. Взаимодействие направлено на достижение цели борьбы с преступностью, для этого применяется комплексный подход, который позволяет рационально использовать имеющиеся в распоряжении силы, средства и методы. При этом обратим внимание на такой признак взаимодействия, как «разделение компетенций».

Речь идет о законодательстве двух видов. Прежде всего это так называемое внешнее законодательство, предусматривающее требования о недопущении нарушения прав, свобод и законных интересов граждан при организации расследования преступных деяний и доказывания. Внутренне законодательство несет конкретные требования по законности производства процессуальных процедур, как то сроки проведения мероприятий, порядок их проведения и иные организационно-правовые аспекты. В случае несоблюдения указанных требований действия субъектов раскрытия преступления будут являться нелегитимными и все результаты их деятельности будут подлежать аннулированию. В полномочия следователя, ответственного за предварительное расследование, входит право направлять поручения в органы дознания, осуществлять проверку информации, содержащейся в результатах ОРД.

Эффективная борьба с преступностью невозможна без согласованной совместной деятельности всех служб, подразделений и ведомств. Это прежде всего относится к органу расследования и оперативному подразделению.

Стоит отметить тот факт, что доказательства появляются лишь тогда, когда общественно опасное деяние уже совершено, поскольку до возбуждения дела доказывание по сути осуществляться не может.

Ценность результатов ОРД проявляется в том, что они могут приобретать доказательственное значение в ходе расследования. Позиция Конституционного Суда РФ сводится к тому, что такие результаты доказательствами не считаются, но они предоставляют сведения об искомых фактах, которые могут стать доказательствами после их процессуального закрепления¹.

Достаточно часто следователь (дознатель) нуждается в проведении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, но подобная деятельность к их полномочиям не относится, этим в силу закона должны заниматься сотрудники оперативных подразделений. Дело в том, что ОРД может осуществляться, как гласно, так и негласно. При невозможности получения нужных материалов гласными методами ОРД ведется через негласное наблюдение. Также ОРД может реализовываться через проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Понятие оперативно-розыскных мероприятий законодательно не раскрывается. В теории предлагаются различные дефиниции. Отдельные авторы под ними понимают закрепленные в Законе об ОРД действия, в рамках которых используются гласные и негласные силы, средства и методы с целью решения задач ОРД [1, с. 5].

Аналогичной позиции придерживается Е.С. Лапин. Рассматриваемое понятие он определяет как закрепленные в оперативно-розыском законе действия, в рамках проведения которых используются гласные и негласные силы, средства и методы с целью сбора информации для решения задач ОРД [4, с. 19]. Виды оперативно-розыскных мероприятий определены в ст. 6 Закона об ОРД.

В процессе перевода полученных результатов ОРД в уголовно-процессуальную пло-

1 По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 N 18-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. N 3.

ность правоприменитель обязан толковать названные выше правовые нормы в соответствии с предъявляемыми требованиями законодательного регулирования, а не стараться подменять истинные понятия надуманными. Иначе суд будет вынужден признать подобную информацию в качестве недопустимых доказательств [2, с. 30].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что результаты ОРД и доказатель-

ства имеют общую гносеологическую, информационную природу. Доказательства и оперативно-розыскная информация тесно взаимосвязаны. Их взаимоотношения характеризуются возможностью оперативной информации становиться доказательством при соблюдении определенных условий. Подобное соотношение позволяет использовать результаты ОРД в доказывании.

Библиографический список

1. Вагин, О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учебно-практическое пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006.
2. Герасимова, Е.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу / Е.В. Герасимова, А.М. Хавдок // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – N 2 (35). – С. 29-34.
3. Зажицкий, В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика / В.И. Зажицкий. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
4. Лапин, Е.С. Оперативно-розыскная деятельность. Курс правовых и теоретических основ / Е.С. Лапин. – М.: Юрлитинформ, 2010.
5. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. А.Е. Чечёткина. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2003.
6. Сидоренко, А.В. Сущность и виды результатов оперативно-розыскной деятельности / А.В. Сидоренко, К.И. Масленников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – N 2 (90). – С. 110-117.
7. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Издательство «Наука», 1968.
8. Токарева, Е.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Е.В. Токарева, Н.К. Пчоловский // Журнал правовых и экономических исследований. – 2021. – N 4.
9. Шумилов, А.Ю. Комментарий к Федеральному Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А.Ю. Шумилов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 1997.

Владимир Александрович ДАНЬКО,
начальник управления экономической безопасности
и противодействия коррупции
Министерства внутренних дел
по Республике Хакасия (г. Абакан)
dankovldalks@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

OPERATIONAL SEARCH MEASURES APPLIED BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF BRIBERY

В статье приводятся основные статистические показатели результатов предварительного расследования взяточничества (ст. 290-291.2 Уголовного кодекса РФ) в 2015-2022 гг. Анализ взяточничества осуществлен совместно, в связи с наличием во всех его составах идентичных признаков – одного объекта и предмета преступления. На основе личного опыта практической работы предложены определенные меры по оптимизации оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования взяточничества в современных условиях.

The article presents the main statistical indicators of the results of the preliminary investigation of bribery (Articles 290-291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) in 2015-2022. The analysis of bribery is made jointly, due to the presence of identical signs in all its forms – one object and the subject of the crime. Based on personal experience of practical work, the certain measures are suggested to optimize the operational-search support of the preliminary investigation of bribery in current conditions.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, статистика, предварительное расследование, оперативно-розыскные меры.

Keywords: bribery, corruption, statistics, preliminary investigation, operational search measures.

Современная российская действительность такова, что взяточничество не только широко распространено повсеместно, но и создает угрозу национальной безопасности¹, являясь основой коррупции.

В связи с тем, что общество и протекаемые в нем отношения развиваются быстрее, чем нормотворческая деятельность, Уголовным кодексом РФ взяточничество первоначально рассматривалось только в виде получения (ст. 290 УК РФ) и дачи взятки

(ст. 291 УК РФ). Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) введены далеко не сразу – через 15 и 20 лет соответственно.

Анализ видов взяточничества осуществлен совместно в связи с наличием во всех его четырех составах идентичных признаков – одного объекта и предмета преступления. Получение, дача взятки, посредничество в таких действиях и мелкое взяточничество –

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 // СПС «КонсультантПлюс».

деяния частные по отношению к общему понятию «взяточничество», которое является собирательным термином.

Органами внутренних дел, для которых противодействие коррупции определено одним из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности¹, зарегистрированы 13939 преступлений о взяточничестве или 71,5% от общего их количества. Этот показатель удерживается в пределах 70-80% (в 2015 г. – 86,5%, в 2016 г. – 78,9%, в 2017 г. – 75,4%, в 2018 г. – 73,9%, в 2019 г. – 73,8%, в 2020 г. – 70,1%, в 2021 г. – 68%).

Вместе с тем доля объективных приостановлений предварительного расследования взяточничества в исследуемом периоде не превышала в лучшем случае даже половины (43,1% в 2016 г.), что может свидетельствовать о несоответствующем общественной опасности таких преступлений уровне работы органов предварительного расследования и оперативных подразделений органов внутренних дел, а также их взаимодействию.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 290-291.1 УК РФ, предварительное следствие согласно пп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 151 УПК РФ осуществляется следователями Следственного комитета. По ст. 291.2 УК РФ производится дознание дознавателями ОВД (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ).

Эмпирическая основа исследования также представляет собой результаты социологического исследования, которое было проведено в Республиках Алтай, Тыва и Хакасия, Алтайском, Пермском и Красноярском краях, Брянской, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тамбовской и Томской областях. Выборка регионов основывалась на принципах разнообразия территориальности и численности населения (охвачены столицы субъектов Российской Федерации, городские и муниципальные образования),

национального состава, исторических и культурных традиций.

В ходе исследования опрошены 437 респондентов, из которых 12,4% (54 чел.) – руководители ОВД указанных субъектов Российской Федерации и 87,6% (383 чел.) – оперативные сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК).

Общепризнанно, что успех в борьбе со взяточничеством обусловлен активным применением оперативно-розыскных мер посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Это обосновано повышенной латентностью преступлений, связанных с перемещением незаконного денежного вознаграждения.

Проанализированными статистическими формами отчетности², отражающими результаты предварительного расследования, установлена следующая динамика. Так, в отношении взяточничества правоохранительными органами в 2022 г. окончены расследованием уголовные дела по 18446 (+18,3) преступлений, из них по 13481 (+17,5%) преступлению направлены в суд. По 13385 (+22,3%) предварительно расследованным преступлениям, или по 72,6%, лица документировались сотрудниками ОВД.

Следует отметить, что по 456 (+6,5%) преступлениям о взяточничестве установлена причастность организованных групп, что являлось наиболее сложным в выявлении и последующем доказывании.

При таких условиях основным рычагом успешного противодействия взяточничеству, безусловно, является ОРД. Причем использование ее результатов при предварительном расследовании не менее важно [3, с. 141-148; 6, с. 110-115], чем в стадии возбуждения уголовного дела. Это нашло поддержку у 32,6% опрошенных оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК, отразивших предвари-

1 По противодействию коррупции на 2021-2024 годы : распоряжение МВД России от 29.09.2021 N 1/11052.

2 Разделы N 1 «Сведения об оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений, а также о выявленных лицах, их совершивших», N 4 «Сведения о преступлениях экономической и коррупционной направленности, выявленных подразделениями правоохранительных органов» формы «1-А» (код 451) «Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений»: Центр статистической информации Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел России». URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения: 17.07.2023).

тельное расследование как наиболее эффективный этап уголовного судопроизводства в части проведения соответствующих ОРМ.

Следует отметить, что согласно п. 4 Инструкции, регламентирующей представление результатов ОРД заинтересованным лицам¹, после возбуждения уголовного дела результаты ОРД представляются: 1) для использования в подготовке и осуществлении следственных действий, предусмотренных УПК РФ; 2) в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

По нашему мнению, одной из основных проблем предварительного расследования уголовных дел о взяточничестве является неустановление всех обстоятельств подлежащих доказыванию, в том числе с объективным использованием всех возможностей ОРД.

Как считает К.В. Обидин, в настоящее время научные представления о доказывании в рамках предварительного расследования строятся на признании тождества понятий предмета доказывания и обстоятельств, подлежащих доказыванию, изложенных в ст. 73 УПК РФ, что является его пределом [5].

Нами понимается, что процессуальный закон (ч. 1 ст. 74 УПК РФ) не устанавливает каких-либо ограничений в отношении сведений, которые могут быть использованы для установления фактов, составляющих предмет доказывания. Это можно объяснить тем, что следы, оставляемые преступлением, столь же разнообразны и индивидуальны, как и каждое отдельно взятое общественно опасное деяние.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию (его предмет), сформированы в уголовно-процессуальном законе в общем виде и применимы ко всем видам преступлений (ст. 73 УПК РФ). Поскольку в противном случае потребуются создание отдельных статей, посвященных предмету доказывания каждого

преступления. А для определения именно тех обстоятельств, которые должны быть установлены по конкретному уголовному делу (предел доказывания), необходимо обратиться к уголовному закону, нормы которого и формулируют юридически значимые признаки преступления, служащие ориентиром. В нашем случае – это признаки преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ.

Одной из особенностей предмета доказывания по уголовным делам о взяточничестве, как указывает К.В. Обидин [5], является повсеместное введение фиксации события преступления как основного способа установления обстоятельств уголовного дела. И видео-, аудиозапись становятся обязательным доказательством.

Считаем, что такой подход может быть приемлем с определенными уточнениями. Замечания касаются прежде всего того, что в некоторых случаях наличие видео- и (или) аудиозаписи не является обязательным. Особенно – когда речь идет о ранее совершенном взяточничестве и оставлении материальных следов взятки (например, в виде имущества), передаче предмета взятки безналичным способом и соблюдении взяткодателем и (или) посредником взяточничества условий примечания 1 к ст. 291 или 291.1 УК РФ для освобождения от уголовной ответственности [подр.: 1, с. 100-103].

Стоит отметить, что в соответствии с дифференцированным подходом к процедурам производства по уголовным делам в УПК РФ наметилась тенденция к сокращению обстоятельств, подлежащих доказыванию. Применительно к взяточничеству это можно отнести только к преступлениям, предусмотренным ст. 291.2 УК РФ, предварительное расследование по которым производится в форме дознания. Так, при производстве дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ) предмет доказывания уменьшается до объема, достаточного для установления следующих обстоятельств: события преступления, харак-

1 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета России от 27.09.2013 N 776/703/50 9/507/1820/42/535/398/68 // СПС «КонсультантПлюс».

тера и размера причиненного вреда, виновности лица в совершении преступления.

В свою очередь, процедура доказывания по уголовным делам о взяточничестве, осложненном размером или иными квалифицированными признаками, а также изначальными процессами сокрытия следов преступления, предполагает необходимость в использовании максимально доступного числа средств процессуального доказывания.

Особенностью процесса доказывания по уголовным делам о мелком взяточничестве является также и ориентированность на использование возможности рассмотрения уголовного дела в суде в особом порядке. Расследование этих дел содержательно сводится [4] к воспроизведению ранее полученных сведений.

Это резко контрастирует с тем, что при расследовании квалифицированного взяточничества заключение эксперта, проводимое по аудио- и видеозаписям, отображающим момент получения и (или) дачи взятки, является наиболее распространенным и значимым доказательством. Эта необходимость обусловлена обычно ретроспективным, а не фиксационным характером познания взяточничества. Так, для установления истины необходимо не только идентифицировать голос обвиняемого, но и интерпретировать речь участников общения с целью устранения возможного подстрекательства и провокации, подтвердить отсутствие монтажа или иного вмешательства в записи.

При таких условиях предмет и пределы доказывания по уголовным делам о взяточничестве неразрывно связаны с порядком проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и возможностью дальнейшего

использования их результатов в уголовном процессе в качестве доказательств.

Поэтому основополагающим фактором здесь является наличие законного основания для самого проведения ОРМ. Но законное основание, в свою очередь, должно быть выражено в конкретном и проверяемом факте, иначе в будущем возможно постановление оправдательного приговора. Подобной точки зрения придерживается и Верховный Суд РФ¹, относясь критически к ссылкам на информацию с ограниченным грифом доступа, установить происхождение которой не представляется возможным.

На необходимость наличия достаточного основания для проведения негласных ОРМ, выраженного в объективном подозрении о преступной деятельности или предположению к совершению преступления, являющихся фактическим разграничением законной деятельности по выявлению преступлений и провокационной деятельности, неоднократно указывал Европейский Суд по правам человека², судебные акты которого признаются в качестве источников уголовного права России наряду с уголовным законом.

В частности, постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. «Дело «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» существенно повлияло на практику российского высшего судебного органа, а также на позицию Генеральной прокуратуры РФ по уголовным делам о взяточничестве, доказывание которых основывалось на результатах оперативного эксперимента. Так, в п. 47 данного постановления отражено: «Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы со-

1 Оправдательный приговор по делу о получении взятки оставлен без изменения в связи с отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления : кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.01.2012 N 11-О12-1; оправдательный приговор по делу о получении взятки, служебном подлоге оставлен без изменения, поскольку установлено, что виновность лица в совершении указанных в предъявленном ему обвинении действий полученными в соответствии с требованиями закона доказательствами по делу не подтверждена : кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.01.2013 N 87-О12-15 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Дело Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации (жалоба N 53203/99) : постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2005; дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации (жалоба N 18757/06) : постановление Европейского суда по правам человека от 04.11.2010; дело Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации (жалобы N 23200/10, 24009/07 и 556/10) : постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

вершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства».

Следствием этого стало решение Верховного Суда РФ¹, оставившего без изменения оправдательный приговор в отношении лица, обвиняемого в покушении на получение взятки в крупном размере, и определившего, наряду с первоначальным отсутствием конкретного и проверяемого факта, провокационность действий при проведении ОРМ. В последующем данное определение направлено Генеральной прокуратурой РФ подчиненным прокурорам с поручением усилить надзор за законностью при расследовании уголовных дел о взяточничестве.

Как считают В.С. Комиссаров и П.С. Яни [2], благодаря указанным решениям Европейского Суда по правам человека, воспринятым высшим судебным органом России, провокационно-подстрекательскую деятельность оперативных сотрудников следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния лицом, в отношении которого эти действия осуществлялись.

На практике неоднозначно складывается ситуация и с использованием видео-, аудиозаписей (так называемых инициативных), негласно проведенных не оперативными сотрудниками, а взяточдателями до официального обращения в правоохранительные органы [7, с. 237]. В пользу этого косвенно говорит и проведенное анкетирование, согласно которому 35,2% руководителей ОВД и 26,6% их подчиненных оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК указали,

что документирование осуществляется и техническими средствами общего назначения.

На возможность использования таких сведений в доказывании прямо указано в определении Конституционного Суда РФ², где разъяснено о допустимости использования в качестве доказательств как вещественных доказательств (предметов и документов), которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, так и иных документов, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде (материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации), полученные, истребованные или представленные согласно ст. 86 УПК РФ. Документы, обладающие признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами (ч. 2, 4 ст. 84 УПК РФ). Но признание таких сведений доказательствами не исключает обязанности суда при возникновении сомнений проверить их допустимость и достоверность.

Как понимается, введение в уголовный процесс подобных материалов должно приходиться следующим образом: 1) выемка записей, их криминалистическая экспертиза; 2) допрос лица их производивших и (или) выдавших; 3) приобщение в качестве доказательств как вещественных доказательств или иных документов.

Ключевым моментом в этом, конечно же, является производство экспертизы, которая должна исключить монтаж и подтвердить достоверность зафиксированного.

В досудебном производстве по уголовным делам о взяточничестве часто проводится криминалистическая экспертиза аудиозаписей с целью идентификации лиц, чьи голоса

1 Приговор по уголовному делу о покушении на получение взятки в крупном размере оставлен без изменения, так как суд всесторонне, полно, объективно исследовал все обстоятельства дела и обоснованно пришел к выводу о том, что в действиях оправданного отсутствует состав инкриминируемого ему преступления: кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.02.2008 N 9-О08-4 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аносова Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 74, 75 и 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 N 814-О // СПС «КонсультантПлюс».

зафиксированы при проведении ОРМ. В этих случаях при возбуждении уголовного дела в отношении лица, телефонные и иные переговоры которого прослушиваются, фонограмма (а не копия) и бумажный носитель записи переговоров передаются для приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Дальнейший порядок их использования определяется УПК РФ.

Негласная видео-, аудиозапись может использоваться в качестве доказательств и как иные документы. Главное, чтобы факт их получения был зафиксирован и представлен в соответствии с требованиями оперативно-розыскного законодательства, изучен и приобщен к материалам уголовного дела согласно уголовно-процессуальному законодательству. И в последующем эти записи становятся доброкачественным в правовом отношении объектом для производства соответствующей криминалистической экспертизы.

Но при отказе подозреваемого, обвиняемого записать речь в качестве образца для сравнительного исследования может быть использована только запись, полученная уже процессуальным путем – например, фонограмма допроса. Или такие материалы могут быть получены при проведении других следственных действий, в том числе после представления результатов ОРД о местах их нахождения. Ведь назначение и производство экспертизы – это процессуальная процедура. Поэтому используемые в таких идентификационных целях объекты должны быть получены именно процессуальным путем.

Представляется, что одним из наиболее распространенных недостатков предварительного расследования по фактам взяточничества является неправильное применение уголовного закона. Например, при временном исполнении функций специального субъекта

или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть признано таковым лишь в период исполнения возложенных на него функций. Это означает, что при привлечении в качестве обвиняемого в получении взятки в уголовном деле должны находиться документы (копии документов), устанавливающие временные границы исполнения им функций такого субъекта.

Мы полагаем, что помимо анализа норм уголовного закона, которыми квалифицируются действия обвиняемого при получении взятки, и имеющейся судебной практики обязательно должны учитываться разъяснения, содержащиеся и в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, например, от 18 ноября 2004 г. N 23¹, от 30 ноября 2017 г. N 48².

Это обосновано тем, что к последствиям взяточничества можно также отнести и нарушение закона о конкуренции – невозможности обеспечения равных условий и доступа к заключению договорных отношений со стороны поставщиков и подрядчиков. Ведь в основу «выбора» потенциальным взяткополучателем («заказчик») будущего контрагента («исполнитель») сразу заложен «откат», а не реальное рассмотрение наиболее выгодных условий. Также сумма взятки в этом случае обычно уже изначально превышает итоговую сумму оплаты «заказчиком» «исполнителю», что приводит к незаконному расходованию бюджетных средств в виде хищения или злоупотребления должностными полномочиями. В подобных случаях взяточничество само по себе порождает одномоментное совершение указанных преступлений, что в его отсутствие не было бы возможным.

Для объективности рассмотрения этапа предварительного расследования нами проведена государственная статистика³, соглас-

1 О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 N 23 // СПС «КонсультантПлюс».

2 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Раздел N 1 «Сведения о преступлениях коррупционной направленности» формы «1-КОРР» (код 599) «Сведения о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности»: Центр статистической информации Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел России». URL: <http://10.5.0.16/csi> (дата обращения 17.07.2023).

но которой в суд направлялась следующая доля преступлений о взяточничестве с учетом остатка на начало отчетного периода (см. таблицу): по ст. 290 УК РФ – 33,6% (в 2017 г. – 33,5%, в 2018 г. – 33,6%, в 2019 г. – 32,6%, в 2020 г. – 33,2%, в 2021 г. – 32,3%, в 2022 г. – 36,2%); по ст. 291 УК РФ – 30,8% (в 2017 г. – 34,8%, в 2018 г. – 30,1%, в 2019 г. – 31,4%, в 2020 г. – 28,5%, в 2021 г. – 28,4%, в 2022 г. – 31,9%); по ст. 291.1 УК РФ – 23% (в 2017 г. – 25,1%, в 2018 г. – 22,2%, в 2019 г. – 23%, в 2020 г. – 19,2%, в 2021 г. – 25,8%, в 2022 г. – 22,9%); по ст. 291.2 УК РФ – 38,2% (в 2017 г. – 39,8%, в 2018 г. – 41,8%, в 2019 г. – 34,2%, в 2020 г. – 35%, в 2021 г. – 36,3%, в 2022 г. – 42,1%)¹.

Также необходимо указать, что в исследованном периоде присутствует определенная доля условности, так как в статистике не отражались количественные показатели прекращенных расследованием преступлений по реабилитирующим основаниям (п. 1, 2 ст. 24 УПК РФ), которые, безусловно, имели место быть.

Проанализировав оперативно-розыскные меры, применяемые ОВД на стадии предварительного расследования взяточничества, приходим к выводу об обязательности допроса оперативного сотрудника, проводившего ОРМ, обо всех обстоятельствах получения результатов ОРД, что необходимо для объективного подтверждения становления последних доказательствами по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 290-291.2 УК РФ.

Сами результаты ОРД должны быть приобщены к уголовному делу либо как вещественные доказательства путем вынесения соответствующего постановления (ч. 2 ст. 81 УПК РФ), либо как иные документы (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ), но только если были добыты в порядке, установленном ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Это связано со спецификой соби-

рания материалов ОРД – без соблюдения процедуры, установленной уголовно-процессуальным законом, лицами, не являющимися субъектами уголовного судопроизводства.

Достаточно жесткую позицию по этому поводу занимает и Конституционный Суд РФ, указавший², что результаты ОРД не являются доказательствами до тех пор, пока они не закреплены в предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом порядке.

Рассмотренные статистические сведения позволили нам выявить следующие закономерности.

Во-первых, взяточничество расследуется обычно не в течение календарного года от даты возбуждения уголовного дела по преступлениям, предусмотренным ст. 290-291.2 УК РФ. Длительность предварительного расследования взяточничества находится в прямой зависимости от сложности доказывания таких преступлений, что говорит о важности использования для этого всех возможностей ОРД.

Наряду с этим сложность в доказывании отразили и проанкетированные лица. Так, на это как на одно из важнейших обстоятельств (44,4% и 41,0%), способствующих взяточничеству (61,1% и 38,6% – латентность, 44,4% и 43,1% – восприятие своей должности как дополнительного заработка или менталитет должностных лиц), указали руководители ОВД и оперативные сотрудники подразделений ЭБиПК.

Во-вторых, трудности с направлением уголовных дел о взяточничестве по большей мере испытывают должностные лица Следственного комитета, осуществляющие предварительное следствие по подследственным им преступлениям о взяточничестве, предусмотренным ст. 290-291.1 УК РФ.

Например, остаток нерасследованных преступлений о взяточничестве в среднем составил: по ст. 290 УК РФ – 60,6%; по ст. 291

1 Расчет произведен по показателям только 2017-2022 гг., так как в статистических формах отчетности о результатах предварительного расследования взяточничества 2015-2016 гг. нет сведений об остатке таких преступлений на начало отчетного периода. Поэтому числовые показатели указанных периодов для выводов объективно не использовались.

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности : определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 N 1507-О // СПС «КонсультантПлюс».

Таблица

Направление в суд преступлений о взяточничестве в текущем периоде календарного года от находящихся на учете таких преступлений в России в 2015-2022 гг.

Статьи	Зарегистрировано с учетом остатка	Направлено в суд	Прекращено (снято с учета)	Приостановлено всего	Остаток на конец
2015 г.					
290	6495	5242	-	251	1002
291	6815	5564	-	142	1109
291.1	627	194	-	34	399
291.2	-	-	-	-	-
Всего	13937	11000	-	427	2510
2016 г.					
290	5344	4839	990	155	-640
291	4640	3708	1177	106	-351
291.1	774	359	534	24	-143
291.2	-	-	-	-	-
Всего	10758	8906	2701	285	1134
2017 г.					
290	7987	2404	689	131	4763
291	5169	1513	760	60	2836
291.1	1910	394	329	14	1173
291.2	12872	4451	1523	173	6725
Всего	27938	8762	3301	378	15497
2018 г.					
290	8717	2700	593	90	5334
291	5862	1440	1010	68	3344
291.1	2380	444	357	19	1560
291.2	12222	4353	1586	229	6054
Всего	29181	8937	3546	406	16292
2019 г.					
290	9925	2999	563	152	6211
291	7151	1831	1201	115	4004
291.1	3105	541	693	58	1813
291.2	11684	3225	2056	199	6204
Всего	31865	8596	4513	524	18232
2020 г.					
290	10502	3136	818	252	6296
291	8144	1791	1733	130	4490
291.1	3582	554	636	64	2328
291.2	11543	3158	2350	173	5862
Всего	33771	8639	5537	619	18976
2021 г.					
290	12373	3671	844	147	7711
291	9922	2177	2191	67	5487

УК РФ – 55%; по ст. 291.1 УК РФ – 61,1%; по ст. 291.2 УК РФ – 51,1%.

В-третьих, наиболее сложными в доказывании выступают преступления о посредничестве во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) – 61,1% неоконченных предварительным расследованием. Немногим лучше расследуются факты получения взяток (ст. 290 УК РФ) – 60,6% на остатке, и дачи взяток (ст. 291 УК РФ) – 55%. Меньше всего нерасследованных преступлений о мелком взяточничестве (51,1%), отнесенных к компетенции дознавателей ОВД.

Таким образом, при имеющемся в современных условиях уровне объективных приостановлений предварительного расследования взяточничества (максимальный – 43,1% в 2016 г.) для оптимизации взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, Следственного комитета и подразделений дознания ОВД назрела необходимость в разработке межведомственной инструкции о порядке организации работы по осуществлению ОРД и предварительному расследованию преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ.

Библиографический список

1. Данько, В.А. Положительный опыт выявления коррупционных преступлений в сфере закупок лекарственных препаратов учреждениями здравоохранения / В.А. Данько // Экономическая безопасность личности, общества, государства, проблемы и пути обеспечения : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. г. Санкт-Петербург, 5 апреля 2019 г. / сост. Н.В. Мячин. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 100-103.
2. Комиссаров, В.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2010. – N 9.
3. Кузьмин, Н.А. Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет / Н.А. Кузьмин, И.А. Завьялов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – N 2 (94). – С. 141-148.
4. Обидин, К.В. К вопросу о введении понятия мелкого взяточничества / К.В. Обидин // Адвокатская практика. – 2017. – N 1.
5. Обидин, К.В. Особенности предмета доказывания по делам о взяточничестве / К.В. Обидин // Уголовное судопроизводство. – 2017. – N 4.
6. Павличенко, Н.В. Современное состояние методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности / Н.В. Павличенко, П.И. Иванов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – N 3 (39). – С. 110-115.
7. Родичев, М.Л. Негласная аудио- и видеозапись при проведении оперативно-розыскных мероприятий: типичные ситуации и особенности оформления / М.Л. Родичев, Н.К. Пчоловский // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. г. Санкт-Петербург, 28 мая 2021 г. / сост. М.Л. Родичев. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 235-242.

Радик Минивалеевич КАШАПОВ,
заведующий научно-исследовательским отделом
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
kashapovr@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

TO THE ISSUE OF THE CONCEPT AND TYPES OF COUNTERACTION TO THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

В статье проведен анализ понятия, сущности противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Рассмотрены различные существующие в криминалистике взгляды по данному вопросу. Актуальность обусловлена тем, что противодействие раскрытию и расследованию преступлений на протяжении последних десятилетий превратилось в опасное негативное явление, требующее пристального внимания как ученых, так и правоприменителей. Противодействие, осуществляемое различными лицами, влияет на раскрываемость преступлений, на качественное и объективное расследование уголовных дел, в конечном счете на осуществление правосудия. С учетом приведенных различных определений и мнений ученых автором сформулировано понятие противодействия раскрытию и расследованию преступлений, а также понятие норм, содействующих раскрытию и расследованию преступлений. В заключение выделены виды поведения, противодействующие раскрытию и расследованию преступлений, как предусмотренные уголовным законом, так и не нашедшие законодательного закрепления, но встречающиеся в практической деятельности правоохранительных органов.

In the article, the author analyzes the concept and the essence of counteraction to the disclosure and investigation of crimes. Various views on this issue existing in criminology are considered. The relevance is due to the fact that counteraction to the detection and investigation of crimes over the past decades has turned into a dangerous negative phenomenon that requires a close attention of both scientists and law enforcement officers. The counteraction carried out by various persons affects the detection of crimes, the qualitative and objective investigation of criminal cases, and ultimately the administration of justice. Taking into account the various definitions and opinions of scientists, the author formulated the concept of counteraction to the detection and investigation of crimes, as well as the concept of norms that facilitate the detection and investigation of crimes. In conclusion, types of behavior that counteract the detection and investigation of crimes are highlighted, both those provided for by criminal law and those that have not found a legislative support, but are encountered in the practical activities of law enforcement agencies.

Ключевые слова: противодействие, раскрытие и расследование преступлений, правосудие, сокрытие, уклонение от следствия и суда, самооговор, оговор заведомо невиновного, инсценировка.

Keywords: counteraction, detection and investigation of crimes, justice, concealment, evasion of investigation and trial, self-incrimination, slander of the obviously innocent person, staging.

В 2018 г. в России зарегистрированы 1991532 преступления, из них раскрыты 1087983 преступления (-2,7%); в 2019 г. – 2024337, из них раскрыты 1052441 (-3,3%); в 2020 г. – 2044221, из них раскрыты 1031987 (-1,9%); в 2021 г. – 2004404, из них раскрыты 1030708 (-0,1%); в 2022 г. – 1966795, из них раскрыты 1035496 (0,5%); за 6 месяцев 2023 г. – 983674, из них раскрыты 534818 (-2,1%)¹. В среднем половина зарегистрированных преступлений остаются нераскрытыми.

На наш взгляд, наряду с различными причинами одним из основных факторов низкой раскрываемости является противодействие правоохранительным органам, что затрудняет раскрытие и расследование преступлений и, как следствие, рассмотрение судами уголовных дел, негативно сказывается на сроках расследования, затрудняет сбор и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, и т.д.

Г.С. Горшкова, анализируя зарегистрированные преступления, пишет: «Данные статистики свидетельствуют не только о необходимости повышения уровня раскрываемости преступлений, но и о том, что существует объективная потребность в повышении качества досудебного производства» [6, с. 42-47].

Проблема противодействия расследованию преступлений далеко не нова и существует с тех пор, как зародился сам процесс расследования и судебного разбирательства.

Одной из причин этого является активное противодействие, создание помех как со стороны должностных лиц, так и граждан, участвующих в уголовном процессе. По вине лиц, противодействующих раскрытию и расследованию преступлений, установлению истины, затягиваются сроки расследования, снижается его качество, затрачиваются огромные средства и силы.

Проблема противодействия расследованию преступлений до 70-80-х годов XX века фактически находилась вне поля зрения кри-

миналистов, хотя противодействие является постоянным элементом противоправной деятельности как преступников-одиночек, так и организованных преступных формирований.

Согласно результатам анкетирования, проведенного Р.Ш. Осипяном, о противодействии расследованию преступлений со стороны заинтересованных лиц заявили: регулярно встречаются с теми или иными формами противодействия – 12% сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры и суда, принявших участие в анкетировании, эпизодически – 78%, никогда не сталкивались лишь 10% [17, с. 4].

На протяжении последних лет противодействие раскрытию и расследованию преступлений является предметом широкого обсуждения [напр.: 1; 7; 11; 25]. Оно требует комплексного анализа и рекомендаций по его преодолению.

Термин «противодействие» раскрывается как действие, препятствующее другому действию². Что понимается под противодействием раскрытию и расследованию преступлений? Под противодействием можно понимать любую противоправную деятельность обвиняемого (подозреваемого) и содействующих ему лиц с целью уклонения от уголовной ответственности или необоснованно максимального ее смягчения [24, с. 26-27].

В.Н. Карагодин противодействием предварительному расследованию признает умышленные действия (систему действий и бездействия), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению других задач предварительного расследования [10, с. 16].

Несколько иное определение предлагает С.Ю. Журавлев. Под противодействием расследованию он также понимает систему действий (или бездействия), направленную на достижение цели сокрытия преступления путем недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве судебных доказательств [8, с. 27].

1 Состояние преступности в России за 2018-2022 гг. и 6 месяцев 2023 года. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения 10.08.2023).

2 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 624.

Представляется, что первое определение несколько полнее охватывает перечень форм противодействия, так как иногда противодействующие и не преследуют цели сокрытия преступления, напротив, надеются, что с помощью других лиц органы расследования придут к истине (иногда это происходит из-за боязни мести со стороны преступников и их окружения за правдивые показания; из-за опасения того, что «затаскают» ...).

А.Ф. Волынский и В.П. Лавров считают, что противодействие раскрытию и расследованию преступлений есть совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений [5, с. 95]. К противодействию они относят дачу ложных показаний, уничтожение следов преступления, сокрытие похищенного имущества, инсценировки, сокрытие в тайниках орудий совершения преступления, выдвигание ложного алиби, изменение преступником внешности перед совершением или после совершения преступления, уклонение от следствия, отказ от дачи показаний, обезображивание или расчленение трупа убитого и т.д.

В более поздних работах В.П. Лавров несколько иначе определяет понятие «противодействие» расследованию преступлений – как совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний [11, с. 13; 18, с. 18].

Все акты противодействия могут быть прежде всего классифицированы на операции и приемы, состоящие в изменении, уничтожении, маскировке информации о совершенном преступлении, и не связанные с каким-либо воздействием на информацию о преступном деянии [10, с. 16].

К первой группе относится сокрытие, под которым понимают умышленные действия (бездействие), направленные на воспрепятствование установлению объективной исти-

ны о преступлении и уклонение виновного от уголовной ответственности, путем воздействия на информацию о криминальном деянии или ее носители. Некоторые виды противодействия могут оказываться и тогда, когда никакого преступления не совершалось вообще. Например, при заведомо ложном оговоре невиновного. Подобные акты противодействия отнесены ко второй классификационной группе [10, с. 16-17].

Что еще относится ко второй группе, В.Н. Карагодин не раскрывает. Но это, скорее всего, воздействие на субъектов раскрытия и расследования преступлений и так называемые помехи «управления» (процессуальные, служебно-административные, организационные и бытовые) [8, с. 44].

Несколько иначе сформулировал понятие противодействия расследованию преступлений А.М. Кустов. Он считает, что противодействие предварительному расследованию – это «система противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия различными лицами, заинтересованными в уклонении от ответственности виновного» [13, с. 54-55].

Л.В. Лившиц предлагает определять противодействие предварительному расследованию как «действие (бездействие), систему действий (деятельность) или поведение лица (группы лиц), направленных на воспрепятствование или препятствующих установлению объективной истины по уголовному делу, решению других задач предварительного расследования» [15, с. 18].

Е.О. Москвин пишет, что противодействие предварительному расследованию – это противоправные или иные по своему характеру действия (бездействие), комплекс действий или поведение лица (лиц), направленных или способствующих смягчению и (или) уклонению виновных от уголовной ответственности и наказания за совершенное общественно опасное деяние [16, с. 140].

Противодействие раскрытию и расследованию преступлений в самом общем виде

понимается Р.Р. Рахматуллиным как противоправная и иная умышленная деятельность лиц, заинтересованных в воспрепятствовании установлению объективной истины по уголовному делу, и направленная в целом на уклонение виновных от уголовной деятельности или смягчения наказания [19, с. 9; 20, с. 8].

Профессор Р.С. Белкин определяет противодействие расследованию как «умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и в конечном счете установлению истины по уголовному делу» [3, с. 129].

Э.У. Бабаева считает, что понятие противодействия уголовному преследованию отличается от противодействия предварительному расследованию по своему объему. Сущность противодействия (воспрепятствования) заключается в создании помех и преград при осуществлении уголовного преследования на каждой стадии уголовного судопроизводства. Результаты изучения уголовных дел, формализованного опроса следователей и помощников прокуроров, поддерживающих обвинение в суде, а также интервьюирования следователей и прокуроров подтверждают, что воспрепятствование осуществляется на всех стадиях уголовного преследования. По целому ряду умышленных преступлений противодействие начинается уже при их подготовке [2, с. 65].

По данным Э.У. Бабаевой, в процессе формализованного опроса следователей, противодействие предварительному расследованию знакомыми и близкими подозреваемого, обвиняемого проявляется в традиционных формах и с различной частотой встречаемости:

- 1) дача ложных показаний (68%);
- 2) направление в различные инстанции необоснованных жалоб и ходатайств (68%);
- 3) изменение показаний (65%);
- 4) сокрытие следов и орудий преступления (52%);
- 5) отказ от дачи показаний (48%);
- 6) невыполнение требований следователя (47%);
- 7) клевета в отношении следователя или лица, производящего дознание (46%);
- 8) уничтожение вещественных доказательств (42%);

9) действия по отстранению следователя от расследования (41%);

10) подкуп свидетелей, потерпевшего, эксперта в целях дачи ложных показаний, заключения (35%);

11) принуждение этих лиц к даче ложных показаний, заключения (32%);

12) дача взятки или провокация взятки следователю с целью вынесения им незаконного решения или более мягкого законного решения (29%);

13) фальсификация доказательств (28%);

14) угроза или насильственные действия в отношении следователя, лица, осуществляющего дознание, или их близких (23%);

15) фабрикация ходатайств об освобождении обвиняемого (15%);

16) посягательство на жизнь следователя, лица, производящего дознание, а равно их близких (3%) [2, с. 120-121].

Сущность любого противодействия состоит в умышленном (не исключено и неосторожном) создании препятствий при производстве предварительного расследования и судебного следствия.

С учетом приведенных различных определений и мнений ученых можно сказать, что под противодействием раскрытию и расследованию преступлений нами понимается противоправная умышленная деятельность лиц, заинтересованных в воспрепятствовании установлению относительной истины по уголовному делу, и направленная, как правило, на уклонение виновных в совершении преступления лиц от уголовной ответственности либо на привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности.

На сегодняшний день одна из актуальных проблем – это проблема качества и эффективности расследования преступлений, в связи с чем у государства должно быть мощное орудие в виде уголовно-правового запрета определенного поведения людей, противодействующего раскрытию и расследованию преступлений, затрудняющего установление истины по уголовным делам. И тогда истина будет достигаться чаще, чем сейчас и посредством меньших затрат.

Количество зарегистрированных в последние годы преступлений против правосудия,

совершенных в отношении установленного порядка производства предварительного расследования, невелико.

Каждый год в России регистрируются порядка 12-13 тыс. преступлений против правосудия, а осуждаются около 6-7 тыс. человек [21, с. 446].

В то же время данные криминологических исследований свидетельствуют, что подавляющая часть этих преступлений не выявляются, а лица, их совершившие, не привлекаются к уголовной ответственности [4].

Значимость общественных отношений, возникающих при отправлении правосудия, обуславливает необходимость их охраны уголовно-правовыми средствами. В связи с этим автор выделяет виды поведения, противодействующие раскрытию и расследованию преступлений, как предусмотренные уголовным законом (ст. 303, 304, 306-311, 316 УК), так и не нашедшие законодательного закрепления, но встречающиеся в практической деятельности правоохранительных органов непроступные виды – сокрытие преступления, сокрытие преступника, уклонение от следствия и суда, самооговор, оговор заведомо невиновного, инсценировку.

Обобщая изложенное, можно сформулировать понятие норм, содействующих раскрытию и расследованию преступлений. Это совокупность уголовно-правовых норм,

содержащихся в Общей и Особенной частях уголовного закона, которые направлены на содействие раскрытию и расследованию преступлений путем установления уголовной ответственности за воспрепятствование их раскрытию и расследованию преступлений, освобождение от уголовной ответственности либо смягчение наказания [12, с. 16].

Уголовный закон использует интересы лиц, совершивших преступление, а также лиц, прикосновенных к преступлению, в качестве рычага регулирования общественных отношений. В настоящее время термин «стимулирование» употребляется в различных аспектах и вопрос о стимулировании социально полезного поведения является довольно дискуссионным [22, с. 483-493; 23, с. 168-188; 9, с. 70-92].

Не вдаваясь в дискуссию, затрагивающую вопросы стимулирования, будем исходить из положения о том, что в основе стимулирования лежит учет потребностей и интересов. Эти интересы выражают стремление лиц, которым адресовано правовое предписание, избежать уголовной ответственности либо смягчить наказание. Уклонению от следствия и суда, противодействию раскрытию и расследованию преступления законодатель противопоставляет возможность наступления негативных последствий и создает тем самым альтернативу в выборе поведения.

Библиографический список

1. Алмаз, М.Э. Понятие и сущность противодействия расследованию преступлений следственной группой / М.Э. Алмаз // Теория и практика общественного развития. – 2013. – N 12.
2. Бабаева, Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию : монография / Э.У. Бабаева. – М., 2006.
3. Белкин, Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами / Р.С. Белкин // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М., 1997.
4. Волошина, О.П. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против правосудия, совершаемых в отношении свидетелей и потерпевших : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.П. Волошина. – М., 2010.
5. Вольнский, А.Ф. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) / А.Ф. Вольнский, В.П. Лавров // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы научно-практической конференции. (29-30 октября 1996 г., г. Руза). – М., 1997.

6. Горшкова, Г.С. Законодательные реформы в целях повышения качества досудебного производства / Г.С. Горшкова // Вестник Пермского университета. – 2009. – Выпуск 3(5).
7. Дубоносов, Е.С. Формы противодействия криминальной среде исполнению функции государственной защиты участников уголовного судопроизводства и меры по его нейтрализации / Е.С. Дубоносов, О.А. Петрухина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – N 4 (30).
8. Журавлев, С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Журавлев. – Н. Новгород, 1992.
9. Звечаровский, И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование / И.Э. Звечаровский. – Иркутск, 1993.
10. Карагодин, В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.Н. Карагодин. – Екатеринбург, 1992.
11. Карнаухова, О.Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук / О.Г. Карнаухова. – СПб., 2015.
12. Кашапов, Р.М. Уголовно-правовая оценка поведения лица, противодействующего раскрытию и расследованию преступлений : монография / Р.М. Кашапов. – Хабаровск, 2017.
13. Кустов А.М. Механизм деятельности по противодействию расследованию / А.А. Кустов // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений : труды Академии МВД РФ. – М., 1996.
14. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций / В.П. Лавров. – М., 2011.
15. Лившиц, Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних / Л.В. Лившиц. – Уфа, 2001.
16. Москвин, Е.О. Противодействие предварительному расследованию: понятие и классификация / Е.О. Москвин ; под ред. О.Я. Баева // Воронежские криминалистические чтения. – Воронеж, 2002. – Вып. 3.
17. Осипян, Р.Ш. Криминалистические аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений как составная часть следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / Р.Ш. Осипян. – Калининград, 2009.
18. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. – М., 2019.
19. Рахматуллин, Р.Р. Криминалистические проблемы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений : научно-практическое пособие / Р.Р. Рахматуллин. – Екатеринбург, 2006.
20. Рахматуллин, Р.Р. Криминалистические проблемы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений в сельской местности : монография / Р.Р. Рахматуллин ; под науч. ред. засл. деят. науки РФ проф. Л.Я. Драпкина, засл. деят. науки РФ проф. В.П. Лаврова. – Екатеринбург, 2007.
21. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учебник: в 3 т. Т. 3. Особенная часть / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2014.
22. Сабитов, Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации : научно-практическое пособие / Р.А. Сабитов. – М., 2013.
23. Сабитов, Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) / Р.А. Сабитов. – Томск, 1985.
24. Стулин, О. Как препятствовать противодействию расследованию / О. Стулин // Законность. – 2000. – N 2.
25. Фахрутдинов, Р.Р. Проблемы нейтрализации противодействия расследованию преступлений, связанных с торговлей людьми / Р.Р. Фахрутдинов // Вестник ЮУрГУ. – 2010. – N 38.

Кирилл Владимирович МУРАВЬЕВ,
заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова (по научной работе),
доктор юридических наук, доцент
murki@list.ru

Елизавета Юрьевна ЗАМУРУЕВА,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук
kibalina1456@yandex.ru

**НАЛИЧИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА О ДЕЯНИИ,
ЗАПРЕЩЕННОМ УК РФ, – ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ**

**THE EXISTENCE OF CRIMINAL PROCEEDINGS REGARDING
AN ACT PROHIBITED BY THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A GENERAL CONDITION FOR THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES**

В УПК РФ отсутствует четкое указание на то, что меры пресечения должны применяться только после возбуждения уголовного дела. При этом начатое предварительное расследование может быть приостановлено, прекращено, возобновлено. Такие же решения предусмотрены и в судебном разбирательстве. После вступления судебного приговора в законную силу возможно наступление «исключительных» стадий (производств), в которых вновь возникает необходимость возвращаться к вопросу о применении мер принуждения. В статье авторы аргументируют вывод, что не столько состоявшееся возбуждение уголовного дела, сколько наличие процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ, является условием, позволяющим применять меры пресечения.

There is no clear indication in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that preventive measures should be applied only after the initiation of a criminal case. At the same time, the initiated preliminary investigation may be suspended, terminated, or resumed. The same decisions are provided for in court proceedings. After the entry of the court sentence into legal force, «exceptional» stages (proceedings) may occur, in which there is again a need to return to the issue of the use of coercive measures. In this regard, the authors come to the conclusion that not so much the initiation of a criminal case, as the existence of procedural proceedings on an act prohibited by the Criminal Code of the Russian Federation, is a condition that allows the use of preventive measures.

Ключевые слова: меры пресечения, общие условия, возбуждение уголовного дела, приостановление, прекращение, возобновление, уголовно-процессуальное производство.

Keywords: preventive measures, general conditions, initiation of a criminal case, suspension, termination, resumption, criminal procedural proceedings.

В соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство включает в себя досудебное и судебное производство по уголовному делу. При этом досудебное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 ст. 5 УПК РФ) и включает «предварительную» деятельность по установлению основания для возбуждения уголовного дела (главы 19 и 20 УПК РФ).

По большому счету, процессуальная деятельность по приему, проверке и разрешению сообщения о преступлении «не встраивается» в систему основного производства, осуществляемого в связи с предварительным расследованием и судебным разбирательством уголовного дела о преступлении [4, с. 13; 11, с. 281-282]. Предполагается, что до вынесения постановления о возбуждении дела к участникам процесса не могут применяться меры принуждения, а должна вестись деятельность, по своей сути не связанная с ограничением прав и свобод человека. В числе прочего это предполагает отсутствие возможности осуществления большинства следственных действий. В качестве исключения законодатель допускает в случаях, не терпящих отлагательства, проведение осмотра, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования, назначение и производство экспертизы (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202 УПК РФ). При этом перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ средства предварительной проверки сообщений о преступлениях (следственные и иные процессуальные действия) касаются именно способов познания (собираания доказательств). Они не исключают другие возможности доказывания, в том числе, предусмотренные ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Фе-

дерации», а также ведомственными нормативными правовыми актами [20, с. 190].

В главах 19 и 20 УПК РФ, равно как и в главе 13 УПК РФ «Меры пресечения», возможность применения принудительных мер, обеспечивающих нормальный ход рассмотрения сообщений о преступлениях, не регламентирована. В законе не предусмотрено исключений (как по отдельным следственным действиям), позволяющих избирать меры пресечения, однако нет и прямого запрета на их применение. При этом стоит обратить внимание на то, что глава 13 находится в части первой УПК РФ («Общие положения»). Следовательно, все нормы, содержащиеся в ней, действуют на протяжении всего производства по уголовному делу [21, с. 37]. Каждое ее положение должно относиться ко всем или, по крайней мере, последующим частям УПК РФ [22, с. 38-39] (то есть к части второй «Досудебное производство» и части третьей «Судебное производство»).

В связи с этим показательным является то, что почти 13% опрошенных нами правоприменителей указали возможным применение мер пресечения на начальной стадии процесса в случаях, не терпящих отлагательства¹.

Следует отметить, что уголовно-процессуальное право – это отрасль, где основным методом правового регулирования является императивный метод, при котором полномочие субъекта на совершение определенных процессуальных действий возникает по властному велению закона [16, с. 25]. Базовым для уголовного процесса является правило, в соответствии с которым «разрешено только то, что прямо прописано в законе». Для интересующего нас случая, это означает следующее: поскольку в главах 13, 19 и 20 УПК РФ не регламентированы полномочия по избранию мер пресечения в рамках проверки сообщений о преступлениях, то, значит, соответствующих полномочий у компетентных органов не имеется.

1 При подготовке статьи проведено анкетирование 418 респондентов – следователей, дознавателей территориальных органов внутренних дел Белгородской, Брянской, Иркутской, Калужской, Новгородской, Омской, Орловской, Псковской, Смоленской, Тамбовской областей, Красноярского края и Республики Крым, работников прокуратуры Воронежской, Орловской и Смоленской областей, судей Красноярского края, Омской и Орловской областей, а также адвокатов Курганской, Омской и Свердловской области.

При этом нельзя исключать пробелы в законодательстве, недостаточное нормативное регулирование отдельных вопросов. Например, при общем законодательном дозволении об освидетельствовании на этапе возбуждения уголовного дела остается не разрешенной проблема о том, как привлекать к данному следственному действию указанных в ст. 179 УПК РФ участников – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. И это, в частности, инициирует следующий вопрос: может ли лицо, в отношении которого имеются сведения о причастности к совершению преступления, быть поставлено в соответствующий статус подозреваемого посредством применения таких мер принуждения, как задержание или меры пресечения (п. 2, п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) уже на первоначальном этапе? Причем ряд авторов прямо допускают задержание до возбуждения уголовного дела [8, с. 526; 18, с. 56].

Обратимся также и к регламентации производства неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ). В данном случае в законе нет прямого разрешения на проведение помимо следственных иных процессуальных действий, мер уголовно-процессуального принуждения. Однако в доктрине возможность задержания, применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения в рамках данного вида деятельности под сомнение не ставится [подр.: 9, с. 89; см. также: 17, с. 99].

Таким образом, действующее нормативное регулирование (ст. 97 УПК РФ и другие нормы), согласно которому меры пресечения избираются к обвиняемому, подозреваемому, т.е. участникам стадии предварительного расследования и последующих этапов уголовного судопроизводства, не должно рассматриваться в качестве единственного весомого аргумента, запрещающего применение мер пресечения до возбуждения уголовного дела, равно как и, собственно, отсутствие прямого указания в законе на такую возможность.

Полагаем, что центральным аспектом здесь является назначение первоначального этапа российского уголовного процесса. В

рамках данной деятельности предполагается разрешение вопроса о наличии материально-правовых предпосылок для дальнейшего производства. Возбуждение уголовного дела относится к промежуточным решениям, предваряющим всестороннее исследование обстоятельств совершенного деяния. При вынесении соответствующего постановления компетентные органы осуществляют предварительную квалификацию преступления, отражая ее в резолютивной части процессуального документа.

Согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. УК РФ устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Поэтому акт о возбуждении дела, в котором впервые дается юридическая квалификация деяния как преступления, представляет собой определенный фильтр, благодаря которому в сферу уголовно-процессуальных отношений, носящих наиболее жесткую форму государственного принуждения, не попадают события, не носящие уголовно наказуемый характер¹. Не случайно в современной уголовно-процессуальной политике данному акту придается гиперболизированное значение, он, пусть и небесспорно, отождествляется с проявлением уголовного преследования [1, с. 154]. Так или иначе до момента вынесения данного постановления интенсивная обвинительная деятельность должна быть ограничена. Считаем, что в УПК РФ следует четко закрепить правило о возможности применения меры пресечения только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Обратим внимание на мнение ученых-процессуалистов, которые наличие возбужденного уголовного дела включают в систему ус-

1 Безотказное следствие // Закон. 2012. N 11. С. 34-35.

ловий применения мер пресечения [2, с. 77; 3, с. 120]. С учетом изложенных выше суждений, такая позиция авторов представляется вполне логичной. Вместе с тем полагаем, что требование о состоявшемся возбуждении дела не в полной мере характеризует возможность применения мер пресечения. Дело в том, что после начатия предварительного расследования оно при наличии к тому условий приостанавливается, прекращается, возобновляется. Такие же решения предусмотрены и в судебном разбирательстве. Кроме того, после вступления судебного приговора в законную силу могут наступать «исключительные» стадии и производства, в которых вновь возникает необходимость возвращаться к вопросу о целесообразности применения мер принуждения. В этой связи следует признать, что не столько состоявшееся возбуждение дела, сколько наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ¹, является общим условием², позволяющим применять обсуждаемые средства процессуального воздействия.

Рассмотрим возможности применения мер пресечения в случаях приостановления, прекращения и возобновления производства по уголовному делу.

В соответствии со статистическими данными в 45,7% случаев³ предварительное расследование приостанавливается по основаниям, предусмотренным п.п. 1-4 ст. 208 УПК РФ. Такие решения предполагают запрет на осуществление ряда процессуальных действий и принятие процессуальных решений до воз-

обновления производства. В соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного расследования проведение следственных действий не допускается. Вместе с тем эта установка не предполагает, что должна исключаться непроцессуальная (розыскная, оперативно-розыскная) деятельность, направленная на устранение обстоятельств, повлекших временный перерыв в производстве (розыск лиц, установление фактического местонахождения подозреваемого, обвиняемого и тому подобное).

Интересной представляется позиция респондентов по вопросу о возможности применения меры пресечения после приостановления производства. Мнения разделились. Около 71,4% правоприменителей считают это недопустимым, 22,5% отмечают возможность применения отдельных мер пресечения в период перерыва в расследовании, еще 6,1% опрошенных затруднились с ответом.

Правильным нам видится подход, при котором наличие в отношении обвиняемого оснований для применения в отношении него мер пресечения является обстоятельством, исключающим решение о приостановлении предварительного расследования [13, с. 34]. В случаях, когда имеются основания для временного перерыва в процессуальной деятельности в отношении обвиняемого (подозреваемого), но при этом нет возможности неисполнения в отношении него мер пресечения, стоит использовать процессуальные инструменты, которые не влекут приостановление производства: продление срока

1 В рамках особого производства о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ) отсутствует запрет на применение мер пресечения к лицу, совершившему запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или к лицу, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. На это, в частности, указывает ч. 2 ст. 443 УПК РФ, регламентирующая, что при отказе в применении принудительных мер медицинского характера по результатам рассмотрения дела выносится постановление, в котором должен решаться вопрос об отмене меры пресечения. Вместе с тем по общему правилу уголовное дело возбуждается, расследуется и разрешается для установления обстоятельств совершенного преступления. В этой связи мы используем категории «деяние, запрещенное УК РФ» и «преступление» как равнозначные.

2 Под общими условиями применения мер пресечения мы понимаем закрепленные в законах, определяющих порядок уголовного судопроизводства, и основанные на принципах уголовного процесса единые требования, которые предъявляются ко всем процессуальным актам, содержащим решения об избрании, изменении или продлении сроков применения каждой из мер пресечения по отношению к любому подозреваемому, обвиняемому, осужденному в различных стадиях процесса и в уголовно-исполнительном судопроизводстве [6, с. 12].

3 Состояние преступности в России за 2022 г. URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/sb_21_12.pdf (дата обращения: 29.06.2023).

предварительного расследования, выделение уголовного дела в отношении соучастников.

Одной из проблем является возможность избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении скрывшегося подозреваемого, обвиняемого. Предварительное расследование может быть приостановлено в этой связи (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). В данном случае объявляется розыск – он может быть оформлен до или одновременно с приостановлением дела (ч. 1 и ч. 2 ст. 210 УПК РФ). При наличии оснований в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения, в том числе в случаях, предусмотренных ст. 108 УПК РФ, – заключение под стражу (ч. 4 ст. 210 УПК РФ). По общему правилу принятие судебного решения об избрании указанной меры пресечения в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления его в международный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). При других масштабах розыска возможность «заочного» ареста отсутствует. С этим связано появление нормы (ч. 3 ст. 210 УПК РФ), регламентирующей процессуальное задержание обвиняемого. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск фактическое исполнение меры пресечения осуществляется после возобновления производства по делу.

Решение о приостановлении производства может приниматься и в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 238 УПК РФ). Причем если совершил побег обвиняемый, находящийся под стражей, то суд возвращает дело прокурору, которому поручается обеспечение розыска обвиняемого. Если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, то судья избирает ему самую строгую меру пресечения и поручает прокурору обеспечить его розыск (ч. 2 ст. 238 УПК РФ).

Суд вправе рассмотреть вопрос об аресте скрывшегося обвиняемого и в его отсутствие,

при условии, что данный факт с достоверностью установлен¹. Следует согласиться с предложением Т.К. Рябининой о необходимости дополнения ст. 234 УПК РФ с тем, чтобы проведение предварительного слушания по вопросу о приостановлении производства по уголовному делу в соответствующих случаях также осуществлять без скрывшегося обвиняемого [13, с. 9]. Однако акцентируем внимание на спорности положения о необходимости немедленно избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, если он отсутствует. Такая установка чрезмерно категорична. Защита личности от незаконного ограничения его свободы может обеспечиваться приводом обвиняемого, который скрылся, и направлением дела прокурору для его розыска. Избрание обеспечительной меры должно осуществляться после доставления обвиняемого в суд. Это объясняется тем, что бывают случаи, когда данный субъект уголовного процесса не может своевременно предупредить об изменениях места жительства, сообщить о причинах своего «исчезновения» [6, с. 57; 14, с. 57].

Значимым с позиции назначения уголовного судопроизводства является прекращение уголовного дела. Об этом выносится постановление, где самостоятельно должно быть отражено решение об отмене меры пресечения (п. 8 ч. 2 ст. 213, п. 2 ч. 2 ст. 239 УПК РФ).

В законе не урегулирована ситуация возобновления действия меры пресечения в случаях отмены постановления о прекращении уголовного дела в связи с признанием его незаконным или необоснованным и возобновления производства (ст. 214 УПК РФ).

По мнению П.Е. Кондратова, с отменой акта о прекращении дела связано только возобновление производства, с восстановлением юридической силы постановления о привлечении в качестве обвиняемого и ранее собранных по делу доказательств. Такая отмена не приводит автоматически к возобновлению действия отмененных мер процес-

1 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий (п. 14) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. N 41 (ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

суального принуждения. Поэтому новое применение мер пресечения допускается только по вынесенному прокурором специальному постановлению, возобновляющему предварительное следствие по делу, или следователем, принявшим дело к своему производству, а в случаях, предусмотренных ст. 29 УПК РФ, – судом [10, с. 668]. Подобным образом рассуждает и Д.П. Чекулаев. Он отмечает, что при отмене незаконного или необоснованного постановления о прекращении уголовного дела в отношении конкретного лица возобновляется ранее имевшийся у него статус подозреваемого, обвиняемого. Однако вопрос по избранию меры пресечения необходимо рассматривать заново, так как могли измениться обстоятельства для применения обеспечительных мер (ст. 97, 99 УПК РФ) [19, с. 565].

Следует признать верным, что отмена акта о прекращении производства не должна влечь автоматического восстановления всех правоотношений, которые были прекращены или изменены в результате прекращения дела.

Важно также учитывать, что в соответствии с ч. 3 ст. 110 УПК РФ мера пресечения отменяется с согласия руководителя следственного органа, прокурора. И могут возникать ситуации, когда статус субъекта, уполномоченного избрать меру пресечения, и субъекта, отменяющего решение о прекращении уголовного дела, не совпадает. Более того, после возобновления производства, даже при наличии к тому оснований, избрание таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, запрет выхода из жилого помещения и залог, может происходить только по судебному решению. Для этого нужно повторить процедуру, закрепленную в ст. 108 УПК РФ. Если же при возобновлении производства требуется принять решение о менее строгой мере пресечения (например, о подписке о невыезде), то полагаем, что в «отменяющем» постановлении в описательно-мотивировочной части

допустимо аргументировать, что основания для применения меры пресечения остались неизменными, а в резолютивной части постановления указать самостоятельное решение о том, что конкретная мера пресечения вновь начинает действовать, после чего ознакомить заинтересованных лиц с данным документом. Считаем, что для формирования единообразной правоприменительной практики в УПК РФ следует закрепить требование о необходимости вынесения самостоятельного постановления о применении меры пресечения по возобновленному делу, или по отношению к обеспечительным мерам, не требующим судебного решения, допустить возможность отражения отдельного решения о возобновлении действия меры пресечения в «отменяющем» постановлении.

В отличие от этапа предварительного расследования УПК РФ не содержит норм об основаниях и порядке возобновления производства в судебных стадиях. Однако в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ «основанием для возобновления производства по уголовному делу служит сообщение суду о том, что причины, по которым оно было приостановлено, отпали (местонахождение обвиняемого установлено, и он задержан либо обвиняемый по состоянию здоровья может участвовать в судебном заседании). В таком случае судья единолично без участия сторон выносит постановление о возобновлении производства по делу и назначении судебного заседания либо при наличии к тому оснований, предусмотренных ст. 229 УПК РФ, назначает предварительное слушание. Если в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, решение о дальнейшем содержании его под стражей или под домашним арестом принимается с участием сторон»¹.

По возобновленному производству мера пресечения действует до принятия итогового решения, если при этом не истекли сроки ее применения (ч. 2 и ч. 3 ст. 255 УПК РФ). При

1 О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 (ред. от 15.05.2018), п. 18 // СПС «КонсультантПлюс».

постановлении приговора суд в числе прочих разрешает вопрос о том, следует ли отменять или изменять меру пресечения в отношении подсудимого (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Решение о мере пресечения отражается в резолютивной части оправдательного (п. 3 ч. 1 ст. 306 УПК РФ) или обвинительного (п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ) приговоров, а также в апелляционном определении, постановлении (п. 9 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ). При этом закон предусматривает, что мера пресечения может применяться до вступления приговора в законную силу. Реально же она действует еще 3 суток до обращения приговора к исполнению (ч.ч. 3 и 4 ст. 390 УПК РФ) [15].

В уголовно-исполнительном судопроизводстве предусматривается возможность заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания (п. 18 и п. 18.1 ст. 397 УПК РФ). Законодатель вновь возвращается к обеспечительным мерам в соответствующих ситуациях, что позволяет утверждать о единстве сущности мер пресечения, применяемых при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполни-

тельном судопроизводстве, а также о необходимости консолидации общих условий мер пресечения в Общей части УПК РФ [подр.: 5, с. 48; 8, с. 150]. Направление в суд представления о заключении под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения наказания, предполагает возобновление уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, наличие возбужденного производства по делу отражает лишь один из аспектов, при котором допускается реализация обеспечительных мер. Одно из общих условий применения мер пресечения должно обозначаться следующим образом – «наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ». Такая формулировка предполагает, что применение мер пресечения не допускается до установления наличия материально-правовых условий для расследования уголовного дела, но вместе с тем демонстрирует, что для их реализации требуется незавершенное (а также неприостановленное) производство по уголовному делу или уголовно-исполнительное судопроизводство.

Библиографический список

1. Абрамова, Л.Л. Современные стандарты достаточности основания принятия решения о начале предварительного расследования / Л.Л. Абрамова, К.В. Муравьев, Н.А. Николаева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – N 2 (95). – С. 151-157.
2. Андроник, Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Андроник. – Екатеринбург, 2023. – 222 с.
3. Буланова, Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : научно-методическое пособие / Н.В. Буланова ; под ред. докт. юрид. наук М.Е. Токаревой. – М., 2005. – 254 с.
4. Деришев, Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ / Ю.В. Деришев. – Омск, 2003. С. 257 с.
5. Замуруева, Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Замуруева. – Орел, 2023. – 248 с.
6. Калинин, Ю.А. Производство в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию по УПК РФ: вопросы теории и практики / Ю.А. Калинин, А.В. Шигуров. – Саранск, 2006. – 191 с.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М., 2016. – 1276 с.

8. Муравьев, К.В. Модель синхронизации нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.В. Николюка) / К.В. Муравьев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – N 3 (98). – С. 145-155.
9. Муравьев, К.В. Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания : учебно-практическое пособие / К.В. Муравьев, А.В. Писарев, И.С. Смирнова. – Омск, 2007. – 100 с.
10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 1209 с.
11. Николюк, В.В. Системно-структурные проблемы современного российского уголовного процесса / В.В. Николюк // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов международной научно-практ. конф. 20-21 октября 2016 г. – Орел, 2016. – С. 280-286.
12. Павлов, А.В. Деятельность следователя по делам, предварительное расследование по которым приостановлено на основании пунктов 3, 4 части 1 статьи 208 УПК РФ / А.В. Павлов // Законодательство и практика. – 2014. – N 1 (32). – С. 33-35.
13. Рябинина, Т.К. Надзор за законностью содержания обвиняемого под стражей при передаче уголовного дела в суд / Т.К. Рябинина // Законность. – 2011. – N 8. – С. 8-11.
14. Рябинина, Т.К. Особенности приостановления производства по уголовному делу в стадии назначения судебного заседания / Т.К. Рябинина // Законность. – 2016. – N 4. – С. 55-57.
15. Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова // Документ официально опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2023).
16. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: авторский курс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М., 2022. – 368 с.
17. Супрун, С.В. Понятие и система неотложных следственных действий / С.В. Супрун // Уголовное право. – 2007. – N 4. – С. 98-102.
18. Томин, В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: вводный / В.Т. Томин, М.П. Поляков, А.С. Александров. – М., 2002. – 378 с.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М., 2015. – Вып. III-IV. – 912 с.
20. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – 4-е изд., пер. и доп. – М., 2014. – 630 с.
21. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2000. – 574 с.
22. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А.П. Гуськовой, Ф.К. Зиннурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 653 с.

Сергей Сергеевич ЛУКЬЯНОВ,

адвокат Адвокатской палаты

г. Санкт-Петербурга

s.s.lukianov@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАДЛЕЖАЩЕЙ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**ON THE ISSUE OF DETERMINING THE COMPETENCE
OF THE COURT TO ENSURE THE PROPER PROCEDURE OF JUDICIAL CONTROL
AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL TRIAL**

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения компетенции суда по обеспечению надлежащей процедуры судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Предлагается унификация данной процедуры с разделением ее на ключевые этапы. Затрагивается вопрос действия принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства при осуществлении судебного контроля.

The article discusses problematic issues of determining the competence of the court to ensure the proper procedure of judicial control at the pre-litigation stages of the criminal procedure. It is proposed to unify this procedure by dividing it into key stages. The issue of the operation of the principles of criminal procedure and the general conditions of judicial proceedings in the exercise of judicial control is raised.

Ключевые слова: судебный контроль, досудебное производство, компетенция суда.

Keywords: *judicial control, pre-litigation procedure, competence of the court.*

Процедура осуществления различных видов судебного контроля должна быть урегулирована в законодательстве таким образом, чтобы судебное познание обстоятельств уголовно-процессуального конфликта и его разрешение были эффективными, способствовали достижению целей судебного контроля как такового.

В научной литературе отмечается, что процедура осуществления различных судеб-

но-контрольных производств регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом РФ лишь схематично [5, с. 106-107]. При этом порядок осуществления отдельных видов судебного контроля (например, дача судом разрешения на производство отдельных следственных действий) закреплен лишь постановлением Пленума Верховного Суда РФ¹.

Анализ положений УПК РФ (ст. 108, 125, 214.1, 463 и других) позволяет при-

1 О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 // СПС «КонсультантПлюс».

ти к выводу, что в процедуре различных судебно-контрольных производств выделяются общие элементы: объявление, какая жалоба/ходатайство подлежит рассмотрению, разъяснение явившимся лицам их прав и обязанностей, исследование представленных материалов, заслушивание выступлений явившихся лиц, что напоминает общую структуру судебного разбирательства. Верно отмечает О.Ю. Цурлуй, что, например, процедура рассмотрения судьей жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ обладает рядом признаков судебного разбирательства в общем порядке [8, с. 74].

Даже к таким видам судебно-контрольных производств, которые, как пишет С.В. Бурмагин, «формально вовсе не имеют законодательно установленной процедуры и осуществляются в порядке, сложившемся на основании судебной практики», например временное отстранение обвиняемого от должности в порядке ст. 114 УПК РФ [1, с. 261-262], наукой предлагается применять элементы общей структуры судебного разбирательства: при рассмотрении ходатайства об отстранении от должности в порядке ст. 114 УПК РФ в начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению. Затем прокурор либо лицо, возбудившее ходатайство, обосновывают его, после чего заслушиваются участники процесса [3, с. 88-89].

При рассмотрении уголовного дела по существу подготовительная часть судебного заседания начинается с того, что председательствующий открывает судебное заседание и объявляет, какое уголовное дело подлежит разбирательству (ст. 261 УПК РФ); председательствующий разъясняет участникам их права и ответственность (ст. 263, 267-270 УПК РФ); исследование материалов дела составляет существо судебного следствия (глава 37 УПК РФ); участники уголовного судопроизводства выступают в судебных прениях (глава 38 УПК РФ).

Таким образом, следует прийти к выводу, что судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса должен осуществляться, а зачастую и осуществляется,

в процедуре, приближенной по структуре к процедуре рассмотрения дела по существу (хоть и с ограничениями, связанными с предметом и целями судебно-контрольных производств и особенностями действия принципов уголовного процесса на указанном этапе).

Данный вывод обусловлен в том числе тем, что в ходе любого уголовного производства, включая и судебно-контрольное, осуществляется единое по своим задачам и средствам уголовно-процессуальное доказывание.

Учитывая вышесказанное, необходимо выделить следующие этапы осуществления судебного контроля: подготовительная часть судебного заседания, судебное следствие, выступление участников судебного заседания.

Рассмотрим каждый из названных этапов отдельно.

Подготовительная часть судебного заседания должна состоять из следующих основных действий, которые характерны и для соответствующего этапа стадии судебного разбирательства:

- открытие судебного заседания и объявление его предмета;
- объявление состава суда;
- установление личности явившихся в судебное заседание лиц и удаление свидетелей (в случае их явки) из зала судебных заседаний;
- разъяснение участникам судебного заседания их процессуальных прав, в том числе права на отвод;
- решение вопроса о возможности продолжить судебное заседание в отсутствие не явившихся лиц;
- разрешение ходатайств, не связанных с существом соответствующего судебно-контрольного производства (ходатайство об отложении судебного заседания, ходатайство о возвращении заявителю поданного ходатайства/жалобы в связи с наличием процессуальных препятствий к их рассмотрению; ходатайство о направлении материала по подсудности и т.д.).

В науке уголовного процесса высказываются мнения о судебном следствии как о содержательной части судебного контроля. В частности, С.И. Конева отмечает, что «су-

дебное следствие имеет место при различных формах судебного контроля. Судебное следствие – это установление обстоятельств дела, имеющих значение для принятия правомерного судебного акта. Правоприменение невозможно без доказывания, а значит, без следствия, являющегося процессуальной оболочкой доказывания» [4, с. 25].

Указывает на самостоятельность судебного следствия как этапа процедуры судебного контроля и А.О. Машовец [6, с. 112].

Судебное следствие начинается с выступления заявителя (если он участвует в судебном заседании), которое формирует пределы судебного-контрольного производства подобно тому, как изложение государственным обвинителем обвинения формирует пределы судебного разбирательства при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции (ст. 273 УПК РФ), а доклад председательствующего – в суде апелляционной инстанции (ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ).

Непосредственно исследование доказательств должно осуществляться только после выступления заявителя.

Возникает вопрос о содержании такого выступления: должно ли оно отражать лишь общую позицию заявителя по возбужденному судебному-контрольному производству (поддерживает, возражает, оставляет вопрос на усмотрение суда и т.д.) или содержать и обоснование такой позиции.

В ч. 3 ст. 214.1 УПК РФ и п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» указано, что изучение судом представленных материалов осуществляется после того, как лицо, подавшее жалобу/ходатайство, «обосновывает их».

По нашему мнению, подобный подход следует признать ошибочным, поскольку обоснование как элемент аргументации заключается в подтверждении приводимых доводов конкретными материалами дела, что невозможно в случае, если соответствующие материалы еще не были исследованы судом.

В связи с этим выступление заявителя в начале судебного следствия должно содержать лишь его отношение к поданной жалобе/ходатайству.

Необходимо также определить, могут ли иные участники судебного заседания выступить сразу после заявителя, либо им это право должно быть предоставлено после исследования доказательств.

В суде первой инстанции такое право предоставляется только стороне защиты (ч. 2 ст. 273 УПК РФ), в суде апелляционной инстанции – всем участникам процесса (ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ).

Часть 3 ст. 214.1 УПК РФ и п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» содержат положение, согласно которому иные, помимо заявителя, лица заслушиваются лишь после исследования представленных материалов.

Такой подход также следует признать ошибочным, поскольку единая логика познавательного процесса предполагает, что его наиболее эффективное протекание может быть обеспечено предоставлением его участникам возможности донести до суда свою позицию, в преломлении которой и будут впоследствии исследоваться представляемые доказательства.

Таким образом, после выступления заявителя право выразить свое отношение к поданной жалобе/ходатайству должно быть предоставлено иным участникам судебного заседания. Возможность же выступления по существу предмета судебного-контрольного производства должна быть предоставлена участникам после исследования доказательств.

После кратких выступлений участников судебного заседания суд переходит непосредственно к исследованию доказательств.

Вначале суд должен огласить представленные ему материалы, после чего решить вопрос об их дополнении, разрешить ходатайства о необходимости производства след-

ственных и иных процессуальных действий с учетом пределов его компетенции по участию в процессе доказывания.

Проверка и исследование доказательств происходит по общим правилам доказывания с разъяснением участникам процесса их прав, обязанностей и ответственности. Например, допрашивая обвиняемого, суд должен разъяснить ему в том числе право на отказ от дачи показаний, право не свидетельствовать против себя и своих близких родственников (ст. 51 Конституции РФ). Н.А. Колоколов применительно к ходатайству о заключении лица под стражу справедливо полагает, что по смыслу п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ судья должен выяснить, знает ли доставленный к нему обвиняемый, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при последующем отказе от этих показаний [2, с. 174]. Данная позиция, по нашему мнению, подлежит распространению на любые судебные контрольные производства, что обусловлено единой природой уголовно-процессуального познания.

При допросе свидетеля суд должен предупредить его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, при участии в процессе специалиста или эксперта – разъяснить им соответствующие права, обязанности и ответственность.

Говоря о рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, Н.А. Колоколов отмечает, что в целях уточнения позиций сторон судья предоставляет участникам процесса право задавать друг другу вопросы, при необходимости вопросы могут быть заданы и судом [3, с. 144].

Мы поддерживаем данную идею не только потому, что при осуществлении различных форм судебного контроля на практике подобные вопросы действительно задаются, но и потому что получение ответа на них в определенных ситуациях является процессуально необходимым и отвечает целям судебного контроля. Так, решая вопрос о продлении

срока содержания под стражей, суд обязан исследовать, не была ли по делу допущена волокита¹, для чего следователю могут быть заданы вопросы о причинах, по которым запланированные процессуальные действия не были произведены, а также о времени, необходимом для их выполнения. При рассмотрении, например, уведомления следователя о произведенном в случаях, не терпящих отлагательства, обыске, следователю могут быть заданы вопросы, касающиеся процедуры произведенного следственного действия, учитывая, что суд обязан проверить его законность.

Следует признать, что вопросы следователю могут быть заданы не только судом, но и иными участниками судебного заседания, что проистекает из принципа состязательности.

В науке и на практике возникает проблема статуса даваемых следователем пояснений. Например, С.И. Конева, говоря о рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, отмечает: «очность судебного следствия предполагает, что по любым актам досудебного производства, предъявляемым в качестве доказательств стороной обвинения, объяснения давали должностные лица, их составившие. Это касается протоколов следственных действий, но также и других документов, входящих в материалы уголовного дела. Следователь, дознаватель могут быть допрошены по существу сведений, изложенных в подобных документах» [4, с. 26].

Мы не можем согласиться с подобной позицией. Так, дача следователем суду пояснений не может быть облечена в процессуальную форму показаний, поскольку это будет приводить к смешению в одном лице различных процессуальных статусов, а также исключать возможность для следователя продолжать расследование. Таким образом, по исследуемым судом материалам судебного контрольного производства следователь вправе давать лишь пояснения.

В то же время следователь не вправе отказать отвечать на поставленный перед

1 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41, п. 22 // СПС «КонсультантПлюс».

ним вопрос в случае, если суд признает получение такого ответа процессуально необходимым. Исключение могут составлять пояснения следователя о наличии в материалах дела и о содержании доказательств, которые не предъявлялись и не должны были быть предъявлены иным участникам уголовного судопроизводства, что обусловлено необходимостью соблюдения тайны предварительного расследования.

После завершения исследования доказательств суд предоставляет участникам судебного заседания возможность выступить по существу предмета судебного-контрольного производства.

Возникает вопрос о последовательности таких выступлений.

По нашему мнению, в рамках таких видов судебного контроля, как избрание и продление срока действия меры пресечения, дача согласия на производство следственных действий, подобно прениям сторон при рассмотрении уголовного дела по существу (ч. 3 ст. 292 УПК РФ) последними должны выступать участники судопроизводства со стороны защиты, что обусловлено направленностью соответствующих производств на ограничение конституционных прав подозреваемого/обвиняемого, который вынужден защищаться от поданного ходатайства.

Схожая логика применима и к ситуации, когда судебно-контрольное производство затрагивает интересы лица, не выступающего на стороне защиты, например при проверке законности обыска у свидетеля. В таких случаях право последнего выступления должно принадлежать такому лицу.

Применительно к рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ Н.А. Колоколов указывает, что «последними из явившихся участников процесса заслушиваются руководитель следственного органа (вышестоящий руководитель следственного органа), прокурор (вышестоящий прокурор), поскольку указанные участники судоговорения наделены правом оперативного устранения любых процессуальных нарушений, допущенных дознавателем, следователем либо нижестоящим прокурором» [3, с. 144].

Мы не вполне можем согласиться с данной позицией, поскольку именно должностное лицо (орган), чьи решения, действия (бездействие) обжалуются, обязано доказать законность и обоснованность своих решений, действий (бездействия) [7, с. 32].

Учитывая, таким образом, что бремя доказывания лежит на должностных лицах стороны обвинения, именно они (в том числе лицо, осуществляющее ведомственный контроль за расследованием уголовного дела, – руководитель следственного органа) должны выступать первыми в обоснование своей позиции, только после этого должны быть заслушаны доводы подавшего жалобу лица.

Вопрос же о моменте выступления в ходе судебного заседания прокурора является более сложным. Так, на законодательном уровне данный вопрос разрешен лишь применительно к обжалованию решения Генерального прокурора РФ об экстрадиции: из ч. 5 ст. 463 УПК РФ следует, что последним по жалобе выступает прокурор.

Пленум Верховного Суда РФ сформулировал свою позицию по данной проблеме лишь применительно к даче судом разрешения на производство отдельных следственных действий: из п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» следует, что последним до удаления суда в совещательную комнату должен выступать прокурор.

По нашему мнению, ответ на вопрос о моменте выступления прокурора зависит от того, давал ли он согласие на возбуждение соответствующего судебно-контрольного производства или нет, что определяется формой осуществления предварительного расследования: согласие прокурора требуется, если предварительное расследование осуществляется в форме дознания, и не требуется, если по делу производится предварительное следствие (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Дача прокурором согласия, охватывающего мотивы и основания соответствующего ходатайства, предполагает, что прокурором

изучены материалы, легшие в основу такого ходатайства. Данное обстоятельство делает прокурора полноценным субъектом судебного состязания и допускает его возможность выступить первым. Кроме того, по итогам исследования материалов прокурор может отозвать данное им согласие, что повлечет прекращение судебного-контрольного производства.

Наоборот, в случае если соответствующее ходатайство заявлено следователем, прокурор фактически выступает с заключением по итогам судебного-контрольного производства, таким образом, он должен выступить после иных участников судебного заседания. При этом расхождение позиции прокурора с позицией следователя не влечет за собой прекращения судебного-контрольного производства.

В этой связи следует признать ошибочным положение ч. 6 ст. 108 УПК РФ о том, что при решении судом вопроса об избрании меры пресечения прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица (ч. 6 ст. 108 УПК РФ). Такая возможность может быть предоставлена прокурору лишь при рассмотрении судом ходатайства дознавателя.

В случае осуществления судебного контроля в форме рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства прокурору надлежит выступать до заявителя, наряду с иными участниками стороны обвинения, вне зависимости от формы предварительного расследования, поскольку в порядке прокурорского надзора прокурор уполномочен признать обжалуемые действия (бездействие) или решения незаконными на любом этапе рассмотрения судом поданной жалобы, что также будет влечь, по общему правилу, прекращение производства по ней.

Из действующего уголовно-процессуального регулирования не ясно, имеют ли участники судебного заседания право выступить с репликой. Законодатель разрешает данный вопрос лишь применительно к рассмотрению

жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ: заявителю предоставляется возможность выступить с репликой (ч. 4 ст. 125 УПК РФ).

Как следует из п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ»¹, право на участие в судебном заседании включает в себя и право «знакомиться с позицией других лиц, давать по этому поводу объяснения», что само по себе предполагает возможность каждого участника выступить по существу как минимум дважды: первый раз непосредственно по существу предмета судебного-контрольного производства, второй – относительно сказанного другими участниками (с репликой).

Приведенный порядок следует распространить на любые виды судебного-контрольных производств, что обусловлено как необходимостью обеспечения принципов состязательности и равноправия, которые предполагают возможность высказать возражения относительно приводимых противной стороной доводов. Причем правом выступления с репликой участники судебного заседания должны по тем же основаниям обладать и после выступления прокурора по заявленному следователем ходатайству об ограничении конституционных прав и свобод лица.

С учетом того, что на судебного-контрольные производства распространяемы общие условия судебного разбирательства (ограниченные лишь предметом и целями судебного контроля), в ходе судебного заседания действует и принцип гласности (ст. 241 УПК РФ).

Судебно-контрольное производство может быть осуществлено в закрытом судебном заседании по тем же основаниям, по которым подлежит закрытию и рассмотрение дела по существу. В частности, судебное заседание подлежит закрытию в связи с необходимостью соблюдения охраняемой законом тайны, к которой относится и тайна предварительного расследования (ст. 161, п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). При этом, по нашему мнению, суд не должен обладать полномочием закрывать судебное заседание в связи с необходимо-

1 О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 // СПС «КонсультантПлюс».

стью обеспечения тайны предварительного расследования по собственной инициативе, так как это означало бы принятие судом на себя не свойственной ему функции уголовного преследования, поскольку, как следует из системного толкования ст. 38 и ст. 161 УПК РФ, определение пределов действия указанной тайны находится в исключительной процессуальной власти следователя.

Таким образом, суд при осуществлении судебного контроля может закрыть судебное заседание по названному основанию полностью или в части только по ходатайству участвующих в нем лиц.

В то же время регулирование предусмотрено ст. 165 УПК РФ порядка разрешения судом ходатайств о производстве следственных действий подлежит изменению.

Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» указано: «судам следует иметь в виду, что по общему правилу ходатайства о производстве следственных действий рассматриваются в открытом судебном заседании».

В научной литературе высказываются противоположные мнения. В частности, Н.А. Колоколов отмечает, что ходатайство о получении разрешения на производство следственного действия подлежит рассмотрению в закрытом судебном заседании [3, с. 17].

Данная позиция видится нам в целом обоснованной, поскольку необходимым для

производства ряда следственных действий, разрешение на которые дает суд, является обеспечение тайны подготовки соответствующего следственного действия, а также неожиданность его проведения для заинтересованных лиц, что призвано исключить возможность данных лиц воспрепятствовать получению доказательственной информации в условиях их осведомленности, например, о грядущем обыске.

В этой связи суд должен принимать решение о закрытии судебного заседания, проводимого по такого рода ходатайствам, по своей инициативе, а законодательство в данной части подлежит изменению.

В то же время в ситуации, когда следственное действие уже произведено, а значит, тайна его проведения раскрыта, суд должен, по общему правилу, рассмотреть вопрос о законности такого следственного действия в открытом судебном заседании.

При осуществлении любых судебного-контрольных производств должен вестись протокол судебного заседания в порядке ст. 259 УПК РФ.

Приведенные в настоящей статье предложения направлены на унификацию компетенции суда по обеспечению надлежащей процедуры осуществления различных судебного-контрольных производств, на оптимизацию этой процедуры, что позволит повысить эффективность судебного контроля как такового, а также избежать противоречий в практике применения данного института.

Библиографический список

1. Бурмагин, С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия / С.В. Бурмагин. – М., 2021. – 720 с.
2. Колоколов, Н.А. Методика проведения основных судебного-контрольных действий в стадии предварительного расследования: в 2 ч. / Н.А. Колоколов. Ч. 1. – М., 2015. – 404 с.
3. Колоколов, Н.А. Методика проведения основных судебного-контрольных действий в стадии предварительного расследования: в 2 ч. / Н.А. Колоколов. Ч. 2. – М., 2015. – 456 с.
4. Конева, С.И. К вопросу об участии судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании / С.И. Конева // Российский судья. – 2014. – № 4. – С. 23-26.

5. Марковичева, Е.В. Защита прав участников процесса при осуществлении судебного контроля за процессуальным усмотрением следователя / Е.В. Марковичева, П.М. Стольников // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – N 35. – С.103-111.

6. Машовец, А.О. О получении судебных доказательств в рамках процедур судебного контроля в ходе досудебного производства / А.О. Машовец // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – N 4. – С.110-114.

7. Носкова, Е.В. Пределы судебного разбирательства в особом производстве по жалобам, рассматриваемым судом в порядке ст.125 УПК РФ / Е.В. Носкова // Уголовная юстиция. – 2013. – N 2. – С. 31-37.

8. Цурлуй, О.Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О.Ю. Цурлуй. – М., 2013. – 197 с.

Светлана Александровна СТУПИНА,

доцент кафедры судебной экспертизы
Сибирской пожарно-спасательной академии
ГПС МЧС России (г. Железногорск),
кандидат юридических наук, доцент

sstupina@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШЕННОГО
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**CERTAIN ISSUES OF QUALIFICATION OF EXTORTION COMMITTED WITH USING
INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET**

В статье на основе комплексного изучения, оценки и обобщения судебной практики по статье 163 Уголовного кодекса Российской Федерации определены и рассмотрены современные проблемы, возникающие при квалификации вымогательства, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, предложены пути их разрешения. Акцентируется внимание на том, что при таком преступном посягательстве обязательно появляется такой дополнительный объект, как личные отношения, связанные с нематериальными, неимущественными благами: честь, достоинство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, что оказывает влияние на квалификацию содеянного. Выработаны критерии установления такого объективного признака состава вымогательства, как реальность угрозы, передаваемой посредством социальных сетей и мессенджеров.

The article, based on a comprehensive study, evaluation and generalization of judicial practice under Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation, defines and examines modern problems arising while qualifying extortion committed with using information and telecommunications networks, including the Internet; the ways to resolve them are proposed. Attention is focused on the fact that with this criminal encroachment, such an additional object as personal relationships associated with non-material and non-property benefits: honor, dignity, business reputation, privacy, which affects the qualification of the deed, necessarily appears. Criteria for establishing such an objective feature of the composition of extortion as the reality of the threat transmitted through social networks and messengers are developed.

Ключевые слова: преступление, вымогательство, шантаж, угроза, частная жизнь, тайна переписки, неправомерный доступ к компьютерной информации.

Keywords: crime, extortion, blackmail, threat, privacy, secrecy of correspondence, unauthorized access to computer information.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2022 г. по ст. 163 УК РФ, предусматри-

вающей уголовную ответственность за вымогательство, осуждены 1444 человека, за 2021 г. – 1502, за 2020 г. – 1457, за 2019 г.

– 1818, за 2018 г. – 2061, за 2017 г. – 1890, за 2016 г. – 2026, за 2015 г. – 2165¹.

Для понимания изменений в динамике вымогательства в России обоснованно привести статистику почти двадцатилетней давности. Так, по итогам 2003 г. по рассматриваемой статье были осуждены 4341 человек, 2004 г. – 5115, 2005 г. – 5802, 2006 г. – 5890, 2007 г. – 5350. Таким образом, количество осужденных за вымогательство в 2022 г. по сравнению с 2003 г. снизилось на 66,7%, т.е. на две трети сократилось количество лиц, подвергнутых мерам государственного принуждения на основании приговора по ст. 163 УК РФ.

Конечно, следует учитывать, что и в целом за двадцать лет количество осужденных по всем составам УК РФ уменьшилось. Однако такое снижение составило почти 25%. Так, если в 2003 г. таковых фиксировалось 773920 человек, то в 2022 г. – 578751 (-25,2% по отношению к 2003 г.).

В соответствии же с данными МВД России² практически аналогично снижение и по количеству зарегистрированных преступлений: в 2002 г. были зарегистрированы 2756398, а по итогам 2022 г. – 1966795 (-28,7% по отношению к 2003 г.).

Вместе с тем количество зарегистрированных преступлений по ст. 163 УК РФ в 2022 г. составило 8195, что на 23,5% меньше показателей 2003 г., когда были зафиксированы 10715 фатов вымогательства. Однако по итогам 2022 г. количество зарегистрированных вымогательств по сравнению с 2021 г. увеличилось на 25%.

В целом начиная с 2019 г. появляется стойкая тенденция к росту такого вида преступлений. Так, 8,2% составил прирост по итогам 2021 г. (6556), 12,5% – 2020 г. (6058), 5,6% – 2019 г. (5384). Количество регистрируемых фатов вымогательства растет и при наметившихся темпах прироста может вернуться к показателям двадцатилетней давности. Однако независимо от такой тенденции количество осужденных за эти преступления существенно снижается.

Отчасти это коррелирует с количеством лиц, выявленных за совершение вымогательства. Так, в 2022 г. выявлены 2586 человек, в 2021 г. – 2599, в 2020 г. – 2874, в 2019 г. – 2864, в 2018 г. – 3155. Соответственно, по зарегистрированным фатам совершения вымогательства выявляется виновный только в каждом третьем случае, либо ситуация может быть определена тем, что на одного виновного приходится в среднем до трех фатов совершения вымогательства.

Однако в любом случае из приведенных официальных данных следует, что за десять совершенных вымогательств уголовной ответственности подвергнуты в среднем не более двух человек.

Следует отметить, что уголовно-правовые нормы ст. 163 УК РФ за весь период действия УК РФ относительно мало изменялись. Федеральными законами 2003 г.³, 2009 г.⁴, 2011 г.⁵ в статью были внесены лишь некоторые изменения, в большей мере относящиеся к санкциям нормы.

Таким образом, при практически неизменном содержании признаков состава вы-

1 Основные статистические показатели состояния преступности в России за 2003-2007 годы и 2008-2022 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.06.2023).

2 Состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.06.2023).

3 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 2003. N 50. Ст. 4848.

4 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федеральный закон от 27.12.2009 N 377-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 2009. N 52 (1 ч.). Ст. 6453.

5 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. N 11. Ст. 1495; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. N 50. Ст. 7362.

могательства количество осужденных по этой статье за двадцать лет снизилось на две трети.

Конечно, можно говорить о том, что изменилась и уголовно-правовая политика и социально-экономические условия общественного развития, что в комплексе повлияло на снижение такого рода преступлений. Действительно, массовый рэкет канул в прошлое вместе с «лихими» девяностыми прошлого столетия и последствиями разгула преступности. Однако не следует не учитывать и современные реалии развития не только общества и экономики, но и изменения преступности.

Основным триггером трансформации развития как позитивных, так и негативных сторон общественной жизни становится широкое распространение цифровых, информационных технологий. При этом традиционные виды преступлений приобретают новые формы, а также получают возможность мимикрировать под внешне законную деятельность, что существенно осложняет их выявление, а также обуславливает увеличение и без того высокой степени латентности таких деяний [3, с. 205].

Что касается состава вымогательства, то этот вид преступлений против собственности также подвергся трансформации и, к сожалению, начинает приобретать новую актуальность в современном преступном мире, на что указывают специалисты [1; 2; 4; 6].

Вымогатели активно используют современные технологии в качестве как средства совершения преступлений, так и способа подготовки к нему.

Так, наиболее часто вымогатели используют информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также социальные сети как средство совершения вымогательства.

При этом информационно-телекоммуникационную сеть, как справедливо отмечает Д.А. Овсяков, в случае предъявления требования под угрозой распространения

сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, следует рассматривать лишь как средство коммуникации, передачи информации на расстоянии [4, с. 141].

Вместе с тем такие сети могут выступать и способом подготовки к совершению вымогательства, когда виновный шантажирует сведениями, полученными из таких сетей. Например, Шарыповским городским судом Красноярского края гражданин был осужден по ч. 1 ст. 163 УК РФ за то, что, получив доступ к странице потерпевшей в социальной сети, где были размещены фотографии интимного характера, а также содержалась личная переписка последней, стал шантажировать потерпевшую, требуя передачи десяти тысяч рублей и угрожая распространением посредством социальных сетей незаконно полученной информации (сведений, позорящих потерпевшую и порочащих ее честь, достоинство и подрывающих репутацию) среди ее родственников и знакомых. Потерпевшая восприняла угрозу как реальную и перевела часть суммы виновному. Однако последний, не получив все требуемые деньги, стал и дальше угрожать потерпевшей, которая обратилась в правоохранительные органы¹.

Полагаем возможным осветить отдельные вопросы квалификации вымогательства, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров.

Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»² для целей

1 Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 07.02.2022 по делу N 1-21/2022 (N 12101040011000028) 24RS0057-01-2021-002618-53. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7UTgZ4SdBAHW/> (дата обращения: 10.06.2023).

2 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. N 3.

уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются. Интернет является одним из их видов.

В рамках состава вымогательства требование, доведенное до потерпевшего, независимо от способа и формы его предъявления (устно, письменно, путем сообщений через мессенджеры, в социальных сетях, в форме просьбы или категорического приказа лично или через посредника и т.д.), само по себе не причиняет вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам.

Поскольку содержание общественно опасного действия в объективной стороне вымогательства обусловлено его направленностью не только на отношения собственности как основной объект, но и на ряд обязательных дополнительных объектов, которыми могут выступать не только жизнь и здоровье, но и такие нематериальные, неимущественные блага, как честь, достоинство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и т.п. [подр.: 5], то обязательно, чтобы вымогательское требование было подкреплено указанными в ч. 1 ст. 163 УК РФ видами угрозы, которая должна быть всегда внешне выражена, т.е. обозначена различными формами действия: устно, письменно, конклюдентными действиями, и при этом быть реальной, способной, во-первых, по мнению вымогателя, оказать соответствующее воздействие на потерпевшего, а, во-вторых, у последнего должны иметься реальные и достаточные основания опасаться осуществления такой угрозы.

При совершении вымогательства с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров все большее значение приобретает факт посягательства не только на отношения собственности, но и на такие личные неимущественные блага, как деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, тайна переписки.

Анализ современной правоприменительной практики отражает такую формирующуюся криминальную реальность.

Так, Бердским городским судом Новосибирской области гражданин был осужден за вымогательство, совершенное при следующих обстоятельствах¹: житель Бердска был недоволен ответом государственного органа на его запрос, вследствие чего пригрозил руководителю учреждения, что опозорит его в соцсетях, опубликовав компрометирующие материалы. Для подтверждения реальности своих угроз мужчина разместил на своих страницах в сети фотографию должностного лица и недовольный отзыв. В последующем мужчина стал звонить должностному лицу, требуя деньги и угрожая писать постоянные жалобы на ненадлежащую работу государственного служащего, а также угрожал разместить в социальных сетях якобы имеющийся компромат на госслужащего.

Приведенный пример показывает, что такая угроза, как шантаж жалобами на действия государственного служащего, весьма эффективна для виновного, достаточно реально воспринимается потерпевшим, явно несет в себе угрозу причинения вреда неимущественным интересам, но при этом не является уголовно наказуемой с позиции законодательной регламентации состава вымогательства.

Проблема защиты репутации при вымогательстве выступает вопросом для научной дискуссии о квалификации этого преступления.

Как отмечает Д.В. Жмуров, вымогатели в современном обществе нередко на профессиональной основе собирают компрометирующую информацию (интимный контент, факты правонарушений жертвы) или создают поводы сами [1, с. 88].

Следует заметить, что в современных реалиях виновными используется и такая форма угрозы, как угроза удаления информации, размещенной в сети Интернет. При этом сама такая информация, как правдивая, так и ложная, касающаяся частной жизни потерпевше-

1 Новосибирца осудили за вымогательство денег и коньяка у чиновника // Российская газета, 11.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/11/reg-sibfo/novosibirca-osudili-za-vymogatelstvo-koniaka-u-chinovnika.html> (дата обращения: 10.06.2023).

го, может быть размещена в сети Интернет и третьими лицами, и самим виновным.

С позиции законодателя вымогатель должен угрожать именно распространением определенных сведений.

А в случае, когда они уже размещены, т.е. распространены в сети Интернет, через социальные сети, мессенджеры, насколько обоснованно говорить о том, что угроза удаления такой информации выступает той угрозой, которая по смыслу закона предусмотрена в ст. 163 УК РФ? Если речь идет о размещенной ложной информации о совершении лицом преступления, то в ст. 15.1-2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ установлен порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина (физического лица) в совершении преступления. Защита нематериальных благ и неимущественных прав определена ст. 150-152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В контексте рассматриваемого представляет интерес уголовное дело о вымогательстве средств у представителя госкорпорации, рассмотренное Хамовническим районным судом г. Москвы². Трое граждан, являясь фактическими владельцами и администраторами двух Telegram-каналов, опубликовали статьи о потерпевшем, в которых негативно освещалась работа и личная жизнь. После публикации таких материалов, виновные потребовали за удаление данной информации деньги, продолжая при этом также угрожать размещением новых порочащих потерпевшего сведений.

Полагаем, что в случае наличия угрозы удаления уже размещенной информации

состав вымогательства отсутствует. В приведенном же случае размещения псевдоинформации о частной жизни лица выступило подтверждением реальности будущей угрозы, подкрепляющей требования вымогателей. Сам факт размещения такой информации является гражданским правонарушением.

Однако заметим, что в случае, когда лицо незаконно получает сведения о частной жизни потерпевшего в целях его последующего шантажа и вымогательства, в обязательном порядке следует ставить вопрос о квалификации при наличии всех признаков состава преступления по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». В случае неправомерного получения доступа к личной информации в социальных сетях, мессенджерах следует также рассматривать вариант квалификации по ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки».

Обращение к разъяснениям, изложенным в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»³, свидетельствует, что акцент сделан только на факте именно распространения в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и (или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну и т.п., что образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 128.1, 137 и 163 УК РФ.

Однако в ряде случаев распространению, к примеру, сведений о частной жизни лица предшествуют действия по их незаконному сборанию, что уже выступает самостоятельным составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ.

1 Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3448.

2 Суд вынес приговор владельцам Telegram-каналов, вымогавших деньги у Тины Канделаки // Российская газета, 29.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/29/sud-vynes-prigovor-vladelcam-telegram-kanalov-shantazhirovavshimtinu-kandelaki-i-ee-muzha.html> (дата обращения: 10.06.2023).

3 О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 2.

В целом в отношении составов преступлений по ст. 137 и 138 УК РФ правоприменительная практика, к сожалению, не изобилует примерами неизбежности уголовной ответственности за такие деяния. Однако есть и положительные примеры. Так, в Удмуртии суд вынес приговор в отношении 35-летнего жителя Глазова, признанного виновным в нарушении тайны переписок граждан и неправомерном доступе к компьютерной информации (ч. 1 ст. 138 УК РФ, ч. 2 ст. 272 УК РФ). Установлено, что в период с 2020 г. по март 2021 г. мужчина в сети Интернет получил доступ к страницам четырех пользователей одной из социальных сетей, где без их согласия ознакомился с личной перепиской. Мужчина также произвел спам-рассылку сообщений и информации рекламного характера, получив без их согласия деньги, которые в дальнейшем были зачислены на его банковский счет. Данная рассылка повлекла блокирование пользователей со стороны администрации социальной сети¹. В целом по ст. 137 УК РФ по итогам 2022 г. осуждены 265 человек, по ст. 138 УК РФ – 78. В 2021 г. соответственно 235 и 62 человек, в 2020 г. – 171 и 33, в 2019 г. – 171 и 29, в 2018 г. – 127 и 41.²

Таким образом, независимо от широкого распространения информационных, цифровых технологий и их активного использования преступниками, в том числе и для получения данных о частной жизни лица или иных, составляющих содержания переписки, в судебной практике такая категория дел не является распространенной.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1,

139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»³ наступление уголовной ответственности по ст. 138 УК РФ не обусловлено тем, что передаваемые в переписке, переговорах, сообщениях сведения должны обязательно составлять личную или семейную тайну гражданина.

При этом под иными сообщениями, за нарушение тайны которых установлена уголовная ответственность, в ст. 138 УК РФ понимаются, например, такие сообщения граждан, как СМС и ММС, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети Интернет мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом.

Обращение к судебной практике по уголовным делам в сфере компьютерной информации свидетельствует, что за последние пять лет прирост количества осужденных за совершение преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), составил 279%. Так, в 2018 г. были осуждены 50 человек, в 2019 г. – 85, в 2020 г. – 84, в 2021 г. – 133, в 2022 г. – 179⁴. Однако даже такое увеличение количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации, не отражает всей реальной картины такого асоциального явления.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» преступление квалифицируется как совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая

1 В г. Глазове местный житель осужден за нарушение тайны переписки и неправомерный доступ к компьютерной информации // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Удмуртской Республике. URL: <https://udm.sledcom.ru/news/item/1676086/> (дата обращения: 10.06.2023).

2 Основные статистические показатели состояния преступности в России за 2003-2007 годы и 2008-2022 годы.

3 О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. N 2.

4 Основные статистические показатели состояния преступности в России за 2003-2007 годы и 2008-2022 годы.

сеть Интернет, независимо от стадии совершения преступления, если для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону, лицо использовало такие сети.

В п. 4 этого постановления отмечено, что под копированием компьютерной информации понимается перенос имеющейся информации на другой электронный носитель при сохранении неизменной первоначальной информации либо ее воспроизведение в материальной форме (в том числе отправка по электронной почте, распечатывание на принтере, фотографирование, переписывание от руки и т.п.).

Приведем пример из судебной практики, где судом дана всесторонняя оценка действий виновного, который использовал социальные сети как средство совершения вымогательства и как способ подготовки к его совершению. Так, К.А.И. был осужден по ст. 272, 137, 138 и 163 УК РФ за каждый факт вымогательства, сопряженного с неправомерным доступом к сведениям о частной жизни пользователей социальной сети «ВКонтакте» (всего им были совершены 17 фактов неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, незаконных собраний сведений о частной жизни лиц, составляющих их личную тайну, без их согласия, нарушений тайны переписки и иных сообщений граждан и 11 установленных фактов вымогательства)¹. При этом вследствие того, что в ст. 163 УК РФ не предусмотрено такое отягчающее обстоятельство, как совершение вымогательства с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, каждый из совершенных эпизодов квалифицирован по ч. 1 ст. 163 УК РФ.

Полагаем, что явно назрела необходимость во введении такого квалифицированного состава вымогательства.

В составе вымогательства в рамках объективной стороны обоснованно расширить перечень угроз путем указания не только угрозы распространения предусмотренных ч. 1 ст. 163 УК РФ сведений, но и угрозы причинения вреда деловой репутации, а также угрозы совершения действий, направленных на причинение вреда частной жизни лица.

Кроме этого в свете развития современных информационных, цифровых технологий обоснованно поставить вопрос о дополнении соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ в части разъяснений по квалификации вымогательства, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Критерии реальности угрозы, доводимой до потерпевшего с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет или социальных сетей, следует определять через совокупность таких признаков, как субъективное восприятие реальности потерпевшим, анализ текста размещаемых виновным для потерпевшего сообщений, факты размещения, демонстрирования конкретной информации, распространение которой создает угрозу интересам потерпевшего, анализ контента самой сети, которая используется для доведения требования и угрозы до потерпевшего.

Также следует учитывать и занимаемую потерпевшим должность или специфику профессиональной деятельности, особенно в случаях, когда одним из критериев возможности дальнейшего продолжения службы или осуществления деятельности потерпевшим выступает морально-нравственный регулятор такого поведения.

¹ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 08.12.2022 по делу N1-1014/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/72823432> (дата обращения: 10.06.2023).

Библиографический список

1. Жмуров, Д.В. Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве / Д. В. Жмуров // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – N 2. – С. 85-98.
2. Зацепина, В.А. Вымогательство, совершенное с помощью информационных технологий / В.А. Зацепина, И.В. Миронюк // Уральский научный вестник. – 2022. – Т. 1. – N 11. – С. 108-110.
3. Колесникова, Т.В. Выявление вымогательства / Т.В. Колесникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – N 2(151). – С. 204-208.
4. Овсяков, Д.А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства / Д.А. Овсяков // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – N 2(123). – С. 140-145.
5. Ступина, С.А. К вопросу об объекте вымогательства / С.А. Ступина // Евразийский юридический журнал. – 2021. – N 2(153). – С. 260-261.
6. Турутина, Е.Э. Интернет-вымогательство как проблема информационного общества / Е.Э. Турутина // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. – 2021. – Т. 17. – С. 391-395.

УДК 343.241

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_79

Сергей Евгеньевич СУВЕРОВ,

старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук

s.suverov95@mail.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ**

**APPLICATION OF THE NORMS OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM
CRIMINAL LIABILITY WHEN RELEASING FROM PUNISHMENT**

В статье рассматривается значение категории совершенного лицом преступления при рассмотрении вопроса об его освобождении от уголовной ответственности. Делается акцент на различии смысла и содержания институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. Проводится критический разбор позиции Верховного Суда Российской Федерации с примерами из судебной практики, отстаивающего допустимость использования норм, освобождающих от уголовной ответственности, после вынесения судом обвинительного приговора. Предлагается вариант решения исследуемой проблемы.

The article the significance of the category of a crime committed by a person when considering the issue of his/her exemption from criminal liability is considered. The author focuses on the difference between the meaning and content of the institutions of exemption from criminal liability and exemption from punishment. A critical analysis of the position of the Supreme Court of the Russian Federation is carried out with examples from judicial practice, which defends the admissibility of the use of norms exempting from criminal liability after a guilty verdict is passed by the court. A solution to the problem under study is proposed.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, изменение категории преступления, согласованность уголовно-правовых институтов.

Keywords: *exemption from criminal liability, exemption from punishment, change in the category of the crime, coherence among the criminal law institutions.*

Уголовный закон представляет собой сложную систему, объединяющую множество правовых норм. В целях единого понимания таких юридических предписаний, а также их применения на практике общее действие норм УК РФ раскрывается сквозь призму установленных задач и принципов.

Вместе с тем принятие таких связующих начал, равно как и детализация отдельных вопросов, возникающих в судебной деятель-

ности, проводимая Верховным Судом Российской Федерации, не могут предупредить все возможные противоречия уголовного законодательства, а в некоторых случаях детерминируют появление новых проблем.

Отдавая должное некоторой необходимости постепенного уменьшения репрессивности уголовного законодательства [10, с. 3-4], следует напомнить о внутреннем взаимодействии различных правовых институтов

УК РФ, а также о самой сущности отдельных уголовно-правовых конструкций. Более того, настораживает и желание законодателя необоснованно внедрять идею экономии уголовной репрессии, несмотря на действие базовых принципов уголовного закона.

Подчеркнем, что взгляды на допустимость использования норм, освобождающих от уголовной ответственности, в научной среде различны. Вместе с тем следует констатировать, что на сегодняшний день институт освобождения от уголовной ответственности нашел воплощение в УК РФ, занял свою нишу в правоприменительной деятельности [9, с. 582].

Одним из основных требований, установленных нормами данного института (ч. 1 ст. 75 УК РФ, ст. 76 УК РФ, ст. 76.2 УК РФ, ст. 90 УК РФ), является совершение лицом преступления, относимого к категории небольшой или средней тяжести. Примечательно, что до 2003 г. реализация ч. 1 ст. 75 УК РФ и ст. 76 УК РФ была возможна лишь в случае совершения лицом преступления небольшой тяжести. Данный факт представлялся некоторым исследователям недостатком отечественного уголовного закона, препятствующим расширению принципа «экономии уголовной репрессии», что требовало корректировки сферы действия норм, освобождающих от уголовной ответственности [1, с. 86; 4, с. 138]. В конечном итоге высказанное предложение было реализовано на законодательном уровне.

Думается, что при определении подхода к действию института освобождения от уголовной ответственности была установлена черта между такими общественно опасными деяниями, при совершении которых оправданно достижение компромисса, и такими, при совершении которых следовало бы использовать более репрессивные меры уголовного воздействия, исключающие полное игнорирование негативных следствий преступной деятельности.

В результате приведенного нами изменения уголовного закона произошел существенный сдвиг в практике применения института освобождения от уголовной ответственности.

В частности, И.Ш. Галстян указывает, что к 2007 г. применение ст. 76 УК РФ, как наиболее востребованной нормы, стало возможным к 68,15% от всех составов преступлений, предусмотренных в уголовном законе. До законодательных изменений эта доля равнялась всего лишь 36,9% [3, с. 3-4].

Дальнейшее изменение перечня норм, составляющих собой исследуемый уголовно-правовой институт, осуществлялось в рамках их приоритетного применения при совершении лицами преступлений небольшой или средней тяжести. Этому способствовало и то, что большинство уголовно наказуемых деяний, закрепленных в УК РФ, относятся к преступлениям обозначенных категорий тяжести [7, с. 27]. В этом контексте абсолютно справедливы рассуждения исследователей о мерах по изменению практики массового освобождения от уголовной ответственности [8, с. 19].

Не углубляясь в дискуссию относительно допустимости рамок реализации института освобождения от уголовной ответственности за счет включения в него тяжких преступлений (закрепления данного условия непосредственно в нормах уголовного закона), сфокусируем внимание на фактическом его использовании в случае совершения лицами таких преступных посягательств. В данном случае мы имеем в виду понимание положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, которым суды наделяются полномочием по изменению тяжести фактически совершенного общественно опасного деяния и последующему освобождению лиц от наказания.

Такое видение было высказано Верховным Судом РФ в данном разъяснении относительно реализации судами ч. 6 ст. 15 УК РФ, поскольку изменение категории тяжкого преступления на менее тяжкое позволяет применить нормы, освобождающие от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 78, ст. 84 УК РФ), при этом суд выносит приговор, в котором указывает, что подсудимый освобождается от отбывания назначенного ему наказания. Важно, что лицо, которое было освобождено от отбывания наказания по указанным основаниям, считается несуди-

мым (ч. 2 ст. 86 УК РФ)¹. Подчеркнем, что в приведенном Верховным Судом РФ перечне оснований освобождения от уголовной ответственности отсутствует судебный штраф.

Возможные причины такого отсутствия могут быть обнаружены при изучении процессуальных актов. В частности, при рассмотрении уголовного дела по факту совершения лицом преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с банковского счета), суд пришел к выводу о целесообразности уменьшения категории совершенного преступления (с тяжкого на преступление средней тяжести), однако отказал в дальнейшем освобождении от отбывания наказания с назначением судебного штрафа, сославшись на следующее соображение: «Вопреки доводам защитника, по смыслу требований закона изменение категории преступления допустимо лишь при назначении лицу, признанному виновным в совершении преступления, уголовного наказания, что само по себе исключает возможность освобождения от уголовной ответственности, поскольку судебный штраф не является наказанием, а относится к мере уголовно-правового характера, возможность освобождения лица от отбывания наказания в связи с применением положений ст. 76.2 УК РФ законом не предусмотрена, вне зависимости от изменения категории преступления». В результате лицо было освобождено от отбывания наказания на основании ст. 76 УК РФ².

Примечательно, что в дальнейшем Верховный Суд РФ подтвердил избранную ранее позицию, указав, что лицо, освобожденное от наказания с использованием ч. 6 ст. 15 УК РФ и приведенных ранее норм, освобождающих от уголовной ответственности, считается несудимым³. К настоящему моменту отсутствуют

какие-либо признаки, которые могут указывать на изменение принятой высшей судебной инстанцией точки зрения по данному вопросу.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация приводит к уменьшению значения установленного законодателем требования о категориях небольшой или средней тяжести, поскольку суды используют предоставленное им право и освобождают лиц от отбывания наказания со ссылкой на нормы, освобождающие от уголовной ответственности, даже когда последние совершают тяжкие преступления. Представленное искусственное расширение возможности освобождения от уголовной ответственности разделяется и иными учеными [6, с. 32]. Сама же идея о возможном изменении категории фактически совершенного лицом преступления не находит поддержки у исследователей относительно использования непосредственного основания освобождения от наказания (ст. 80.1 УК РФ) [5, с. 298].

Более того, очевидно прямое нарушение принципа законности, поскольку судами при освобождении от наказания используются нормы совершенного иного по смыслу и содержанию уголовно-правового института.

Исходя из ранее представленной позиции Верховного Суда РФ, а также положения ч. 6 ст. 15 УК РФ судами реализуется полномочие по использованию норм, освобождающих от уголовной ответственности, даже после вынесения обвинительного приговора⁴. Более того, судами при обращении к ч. 6 ст. 15 УК РФ чаще всего изменяется именно категория тяжких преступлений на категорию средней тяжести, что открывает потенциальную возможность для использования норм института освобождения от уголовной ответственности [11, с. 79].

1 О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 10, п. 10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2023).

2 Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 17.02.2022 по делу N 1-13/2022. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

3 О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7.06.2022 N 14, п. 3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2023).

4 Приговоры Шилкинского районного суда Забайкальского края от 24.02.2022 по делу N 1-73/2022; Энгельского районного суда Саратовской области от 30.12.2019 по делу N 1-884/2019; Братского районного суда Иркутской области от 30.12.2019 по делу N 1-306/2019 URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

Согласно данным, приведенным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, использование норм главы 11 УК РФ при освобождении от отбывания наказания не выделяются своей масштабностью¹. В частности, в 2018 г. от уголовной ответственности всего были освобождены 183 507 лиц, среди которых со ссылкой на ч. 6 ст. 15 УК РФ: по ч. 1 ст. 75 УК РФ – 73 лица, по ст. 76 УК РФ – 294 лица, по ст. 76.1 УК РФ – 1 лицо; в 2019 г. от уголовной ответственности всего были освобождены 180 170 лиц, среди которых со ссылкой на ч. 6 ст. 15 УК РФ: по ч. 1 ст. 75 УК РФ – 130 лиц, по ст. 76 УК РФ – 824 лица, по ст. 76.1 УК РФ – 13 лиц; в 2020 г. от уголовной ответственности всего были освобождены 175 594 лица, среди которых со ссылкой на ч. 6 ст. 15 УК РФ: по ч. 1 ст. 75 УК РФ – 173 лица, по ст. 76 УК РФ – 1 199 лиц, по ст. 76.1 УК РФ – 11 лиц; в 2021 г. от уголовной ответственности всего были освобождены 156 812 лиц, среди которых со ссылкой на ч. 6 ст. 15 УК РФ: по ч. 1 ст. 75 УК РФ – 388 лица, по ст. 76 УК РФ – 3 161 лицо, по ст. 76.1 УК РФ – 7 лиц; в 2022 г. от уголовной ответственности всего были освобождены 143 806 лица, среди которых со ссылкой на ч. 6 ст. 15 УК РФ: по ч. 1 ст. 75 УК РФ – 517 лиц, по ст. 76 УК РФ – 4 891 лицо, по ст. 76.1 УК РФ – 14 лиц².

Продемонстрированные нами статистические данные отражают тенденцию постепенного увеличения применения судами норм главы 11 УК РФ при освобождении лиц от отбывания наказания.

Важно, что указание на допустимость использования ст. 76.1 УК РФ при обозначенной нами процедуре в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. N 10 отсутствует, что не препятствует ее использованию судами.

При этом наиболее распространенные случаи, когда лиц освобождают от наказания после изменения категории совершенного

ими преступления, относятся к корыстным деяниям (кражам) [9, с. 138].

Считаем верным позицию ученых указывающих, что предложенное Верховным Судом РФ видение прямо противоречит смыслу института освобождения от уголовной ответственности, поскольку обращение к нему возможно лишь в отсутствии вынесения судом обвинительного приговора, в противном случае это приводит к смешению с институтом освобождения от уголовного наказания [8, с. 20]. В связи с этим видится целесообразным поддержать точку зрения Е.В. Благова, который указывает, что после назначения лицу наказания возможно лишь освобождение от него [2, с. 48].

Несмотря на избранную Верховным Судом РФ точку зрения и ее последующее подтверждение, мы не находим достаточных аргументов в пользу изменения уголовного закона путем включения нового основания освобождения от наказания при изменении категории преступления.

Видится, что развитие идеи о расширении сферы применения института освобождения от уголовной ответственности должно происходить в русле признания примата принципа законности, следствием чего может являться лишь внесение соответствующих изменений в отечественный уголовный закон. Исходя из изложенного, думается, что редакции требует содержание вышеприведенных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, поскольку:

а) обозначенные виды освобождения от наказания не предусмотрены действующим уголовным законом;

б) при таком подходе необоснованно расширяется сфера действия норм, освобождающих от уголовной ответственности, за счет включения деяний, обладающих значительной общественной опасностью;

в) снижается значение законодательного регулирования действия института освобо-

1 Форма N 10.2. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2018-2022 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

2 В связи со сложностью объективного подсчета нами умышленно не отображаются данные о применении ст. 78 УК РФ и ст. 84 УК РФ относительно исследуемой процедуры освобождения от наказания.

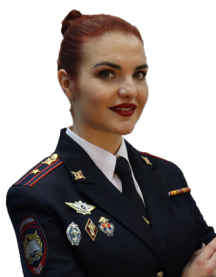
ждения от уголовной ответственности посредством делегирования правоприменителю дополнительных полномочий.

В завершение изложения авторской мысли заметим, что разработка содержания правовых норм должна происходить при учете общего вектора развития уголовной политики, определении рамок допустимого компро-

мисса в борьбе с преступностью. В этом контексте очевидно прослеживается взаимосвязь как между уголовно-правовым институтом освобождения от уголовной ответственности и категоризацией преступлений, так и уголовно-процессуальным институтом уголовного преследования и отказа от него.

Библиографический список

1. Антонов, А.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Антонов. – Томск, 2000. – 192 с.
2. Благов, Е.В. О совершении преступления как условия освобождения от уголовной ответственности / Е.В. Благов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2019. – № 3. – С. 45-29.
3. Галстян, И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Ш. Галстян. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
4. Давыдова, Е.В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Давыдова. – Ставрополь, 2001. – 150 с.
5. Ефремова, И.А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике : дис. ... докт. юрид. наук / И.А. Ефремова. – Саратов, 2018. – 504 с.
6. Зорина, Е.А. Освобождение от уголовной ответственности : теория и практика : монография / Е.А. Зорина, А.Г. Антонов, С.И. Вахмистрова. – СПб., 2022. – 180 с.
7. Кулева, Л.О. Значение категоризации преступлений в институте освобождения от уголовной ответственности / Л.О. Кулева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 26-30.
8. Нечепуренко, А.А. Перспективы законодательного регулирования института освобождения от уголовной ответственности / А.А. Нечепуренко // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов. Вып. 14.– Омск, 2019. – С. 15-26.
9. Пудовочкин, Ю.Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности / Ю.Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 581-592.
10. Степашин, В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.М. Степашин. – Омск, 2019. – 39 с.
11. Шарапов, Р.Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – № 1. – С. 77-89.

Алина Олеговна ГАЛИМОВА,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
ao_astakhova@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ

CURRENT ISSUES QUALIFICATIONS OF ENCROACHMENTS ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Информатизация общества и развитие технологий влекут постоянное изменение существующих средств обмена данными, появление новых технических и правовых инструментов, каждый из которых проходит свой путь развития от нового, непонятного, сложного к обыденному, повседневному и доступному. Новые явления такого рода постепенно получают нормативное закрепление, встраиваются в систему действующего законодательства в зависимости от отношения к ним со стороны государства.

Одним из безусловных новшеств современного информационного общества являются криптовалюты и криптоактивы. Однако на сегодняшний день эти явления не получили должного нормативно-правового регулирования в нашей стране, что влечет за собой большое количество проблем, связанных не только с контролем за рассматриваемым видом деятельности и его налогообложением, но и с «преступной» составляющей данного вопроса, поскольку криптовалюты и криптоактивы могут стать и зачастую становятся как предметом преступных посягательств, так и средством совершения ряда преступлений. В статье автор рассматривает отдельные вопросы квалификации деяний в сфере посягательств на цифровые финансовые активы.

The informatization of society and the development of technologies entail a constant change in the existing means of data exchange, the emergence of new technical and legal instruments, each of which goes its own way of development from the new, incomprehensible, complex to the ordinary, everyday and accessible. New phenomena of this kind are gradually gaining regulatory consolidation, being integrated into the system of current legislation, depending on the attitude of the state towards them. One of the absolute innovations of the modern information society are cryptocurrencies and crypto assets. However, to date, these phenomena have not received proper regulatory regulation in our country, which entails a large number of problems related not only to the control of the activity in question and its taxation, but also to the «criminal» component of this issue, since cryptocurrencies and crypto assets can and often become the subject of criminal encroachments, and as a means of committing a number of crimes. In the article, the author examines certain issues of qualification of acts in the field of encroachments on digital financial assets.

Ключевые слова: криптовалюта, криптоактивы, посягательства на цифровые финансовые активы, биткоин, майнинг.

Keywords: cryptocurrency, crypto assets, encroachments on digital financial assets, bitcoin, mining.

Ввиду сложности, объемности и многоаспектности рассматриваемого вопроса полагаем, что его изучение необходимо начать с «азов» и дать характеристику понятиям «криптоактивы», «криптовалюта», а также процессу их создания и использования. На сегодняшний день в России основным нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения в рассматриваемой сфере, является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ЦФА»).

Вместе с тем основы правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в Российской Федерации были заложены до принятия указанного закона – изменениями, внесенными в Гражданский кодекс РФ в результате принятия Федерального закона от 26 июля 2017 г. N 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», поскольку они были направлены на модернизацию современного гражданского права, а также подготовку правовой базы для перехода гражданско-правовых отношений в цифровую среду. Но на тот момент процесс цифровизации экономики России находился на начальном этапе, и внесенных изменений оказалось явно недостаточно. Все это повлекло дальнейшую последовательную модернизацию российского законодательства.

Так, изменениями, внесенными в ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федера-

ции», были урегулированы цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ).

В дальнейшем законодателем был принят ряд специальных законов, посвященных отдельным аспектам цифровых правоотношений. В частности, речь идет о Федеральном законе от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральном законе от 20 июля 2020 г. N 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы». Логичным промежуточным итогом указанной деятельности стало принятие указанного ранее ФЗ «О ЦФА».

В июле 2023 г. были приняты два федеральных закона, которые существенным образом дополнили нормативную базу цифровых финансовых активов и ввели в правовой оборот понятие «цифровой рубль»¹. Первый (Федеральный закон от 24 июля 2023 г. N 339-ФЗ) содержит поправки к ГК РФ, а второй (Федеральный закон от 24 июля 2023 г. N 400-ФЗ) – масштабные изменения нескольких законодательных актов, включая Закон о национальной платежной системе. Начало действия документов – 1 августа 2023 г., за исключением отдельных положений.

Гражданское законодательство устанавливает (ст. 128 ГК РФ), что цифровой рубль – это вид безналичных денежных средств. Ими можно рассчитываться только путем перевода на специальной платформе Банка России (п. 4 ст. 861 ГК РФ, ст. 82.10, 82.11 Закона о Банке России²). Правила платформы установлены в Положении Банка России от 3 августа 2023 г. N 820-П «О платформе цифрового рубля». Они размещаются на его

1 О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 N 339-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 31.07.2023. N 31 (Ч. III). Ст. 5765; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 N 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 31.07.2023. N 31 (Ч. III). Ст. 5766.

2 О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 15.07.2002. N 28. Ст. 2790.

сайте (ч. 1, 4 ст. 30.7 Закона о национальной платежной системе¹).

Пользователями платформы могут быть физические, юридические лица и индивидуальные предприниматели (п. 40 ст. 3 Закона о национальной платежной системе, п. 2.5 Положения о платформе цифрового рубля). До 31 декабря 2024 г. круг пользователей платформы, которые вправе совершать операции с цифровыми рублями, перечень видов операций, пороговые значения сумм операций определяет Совет директоров Банка России по согласованию с Росфинмониторингом (п. 4 ст. 8 Закона от 24 июля 2023 г. N 340-ФЗ).

Установлен законодательный запрет на привлечение цифровых рублей во вклады или депозиты; кредитование таких счетов и начисление процентов на остаток цифровых рублей; заключение совместного счета цифрового рубля и счета в драгметаллах.

Рассмотрим понятие криптоактивов. По нашему мнению, в контексте вопроса под термином «криптоактивы» понимаются цифровые финансовые активы (далее – ЦФА), которыми в соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О ЦФА» признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Одним из элементов ЦФА выступает цифровая валюта. *Цифровой валютой* признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося

денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (ч. 3 ст. 1 ФЗ «О ЦФА»).

Применительно к рассматриваемой сфере необходимо рассмотреть термин «токен», под которым понимается единица учета, не являющаяся криптовалютой, предназначенная для представления цифрового баланса в некотором активе, иными словами, выполняющая функцию «заменителя ценных бумаг» в цифровом мире. Токены представляют собой запись в регистре, распределенную в блокчейн-цепочке. Управление токеном обычно реализуется с помощью смарт-контракта [6, с. 126-147; 2, с. 51-62], в котором записаны значения остатков на счетах держателей токенов, и который предоставляет возможность перевода токенов с одного счета на другой. Получить доступ к токenu можно через специальные приложения, которые используют схемы электронной подписи.

Соответственно, к ЦФА мы относим токен, а к цифровой валюте – криптовалюты; на данном этапе рассмотрения вопроса можно сказать, что они соотносятся между собой как ценные бумаги и денежные средства, которые соответствуют стоимости таких бумаг и могут быть получены при их реализации (исполнении).

Для того, чтобы наиболее полно уяснить правовую природу криптоактивов, необходимо кратко охарактеризовать процесс их создания и рассмотреть основные их виды.

Криптовалюты представляют собой децентрализованные системы, в которых не существует оператора или доверенного лица,

1 О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.07.2011. N 27. Ст. 3872.

которое гарантировало бы корректность учета состояния всех счетов. База данных, содержащая историю всех операций с криптовалютой, хранится сразу на множестве компьютеров (как минимум – у каждого создающего криптовалюту, а в пределе – на компьютере каждого пользователя данной криптовалюты). В таких условиях нужен специальный механизм обеспечения целостности и согласованности экземпляров подобной базы данных, хранящихся у разных пользователей. Таким механизмом служит технология блокчейн [12, с. 594-597], у которой существуют несколько вариаций.

Майнинг – деятельность по созданию новых блоков в блокчейне для обеспечения функционирования криптовалют. За создание очередного блока предусмотрено вознаграждение за счет новых (эмитированных) единиц криптовалюты и/или комиссионных сборов. Обычно майнинг сводится к серии вычислений с перебором параметров для нахождения хеша с заданными свойствами [19, с. 256-265].

Форжинг – создание в различных криптовалютах новых блоков в блокчейне на основе подтверждения доли владения с возможностью получить вознаграждение в форме новых единиц и комиссионных сборов [14, с. 44-45].

Майнинг основан на концепции «доказательства выполненной работы». Данная концепция используется в наиболее распространенных и известных криптовалютах – Bitcoin и Ethereum [13, с. 186-196]. Вторая вариация (доказательство доли владения) встречается на практике реже.

Рассмотрим далее структуру транзакции и процесс осуществления перевода на примере криптовалюты Bitcoin. В других криптовалютах перевод реализуется аналогично. У каждого кошелька криптовалюты есть открытый ключ (по сути – номер счета) и секретный ключ (пароль для доступа к этому счету), связанные друг с другом по специальному алгоритму. Открытый ключ можно распространять по открытым каналам связи, так как восстановление секретного ключа по открытому является неразрешимой на сегодняшнем

уровне развития науки и техники задачей. Заметим, что изменение и восстановление пароля невозможно, так как связь между секретным и открытым ключом алгоритмическая. Следовательно, утрата секретного ключа равносильна потере всех средств, а его раскрытие любому лицу равносильно предоставлению этому лицу права распоряжаться данным кошельком.

Для передачи Bitcoin их текущий владелец создает транзакцию, содержащую номер кошелька получателя, и подписывает данную транзакцию электронной подписью, сформированной с использованием секретного ключа. Подписанная транзакция может передаваться по открытым каналам майнерам для включения в блокчейн. Восстановление секретного ключа по электронной подписи и открытому ключу даже на самых современных компьютерах займет слишком много времени, чтобы быть практически осуществимым. При этом любое заинтересованное лицо (получатель средств, майнер или любой другой пользователь) может проверить, что данная транзакция была инициирована именно тем, кому принадлежит открытый (а значит, и секретный) ключ кошелька отправителя.

Концепция «Доказательство доли владения». Доказательство доли владения – метод защиты в криптовалютах, при котором вероятность формирования участником очередного блока в блокчейне пропорциональна доле, которую составляют принадлежащие этому участнику расчетные единицы данной криптовалюты от их общего количества. Это напоминает получение дохода по вкладу в традиционных банках. При использовании этого метода алгоритм формирования блока не зависит от мощности оборудования, но с большей вероятностью блок будет сформирован той учетной записью, у которой текущий баланс больше. Например, участник, владеющий 1% от суммарного количества, в среднем будет генерировать 1% новых блоков [15, с. 63]. В некоторых криптовалютах, таких как Ethereum63, Nxt и BlackCoin, концепция «Доказательство доли владения» используется на всех этапах. На практике встречаются смешанные варианты формирования новых

блоков. Например, обе рассматриваемые концепции используются в криптовалютах Emercoin, NovaCoin, YaCoin.

В рамках рассматриваемого вопроса остановимся на такой краткой характеристике процедуры создания и использования криптоактивов и криптовалюты, поскольку дальнейшее углубление в суть этого направления деятельности хоть и приблизит к общему пониманию процесса, но отвлечет от основной рассматриваемой проблематики.

Вместе с тем можем сделать промежуточный вывод о том, что одной из проблем квалификации преступных посягательств на криптоактивы может стать сама по себе сложная и еще недостаточно введенная в практику процедура их создания и оборота.

Далее следует остановиться на вопросе о признании криптовалют денежными средствами. Действительно, они выполняют денежные функции, и прежде всего функцию средства платежа¹. Более того, Европейский суд справедливости в решении от 22 октября 2015 г. по делу N 264/14 указал, что Bitcoin является виртуальной валютой, которая может быть обменена на традиционную валюту при обменных операциях, и не отвечает характеристикам материальной ценности, в связи с чем по своей цели может быть исключительно средством платежа [1, с. 5-7]. Тем не менее следует согласиться с позицией, что система Bitcoin лишь имитирует функции платежной системы, ее нельзя отнести ни к электронным деньгам, ни к платежным системам.

Процесс создания ЦФА по своей сути является интеллектуальной деятельностью лица, поскольку представляет собой внесение определенных данных и записей в блокчейн – то есть действия, направленные не на обмен материальных ресурсов, а на создание результата интеллектуального труда. Однако в силу особенностей и самой сути ЦФА пред-

ставляется оправданным отнесение их законодателем к иной категории.

Наиболее распространено мнение об отнесении криптовалют к имуществу и на то имеются довольно веские основания. Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Именно на эту норму сослался Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017 от 15 мая 2018 г. В рамках данного дела рассматривался вопрос о включении содержимого криптокошелька, принадлежащего должнику, в конкурсную массу. Суд удовлетворил заявленные требования и указал, что действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в ст. 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. По мнению суда, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество².

С учетом такой позиции смело можно утверждать, что в отношении ЦФА и криптовалют осуществимы все составляющие права собственности по гражданскому законодательству. Однако вновь встает вопрос о законности такого права у физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями (не отвечающими условиям, изложенным в ст. 2 ФЗ «О ЦФА»).

1 Исследователи данного вопроса обнаружили возможность приобрести за криптовалюты недвижимость (Knox Group, ОАЭ), автомобили (автосалон Alza, Чехия), билеты в литовской авиакомпании Air Lituania, заплатить за обучение на Кипре, в США (Kings College) и в Великобритании (University of Cumbria), в Университете прикладных наук Люцерна в Швейцарии и т.п.

2 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukkk7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf.

Согласно ст. 209 ГК РФ, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Эти три составляющие института права собственности вправе реализовывать собственники ЦФА. Вместе с тем часть 2 рассматриваемой статьи содержит указание на то, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. Указанное положение перекликается с ч. 2 ст. 129 ГК РФ: «Законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности могут быть предусмотрены виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению».

Примером такого ограничения как раз выступают условия законности выпуска и использования ЦФА, изложенные в ФЗ «О ЦФА». Вместе с тем, несмотря на законную возможность выпуска ЦФА, обращает на себя внимание прямой запрет на использование резидентами цифровых валют в качестве платежного средства. В частности, определено, что юридические лица не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими или им товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иным способом, позволяющим предполагать такую оплату (ч. 10. ст. 4).

Вопрос законности нахождения ЦФА у лица является одним из ключевых. И, коль скоро законодатель и правоприменительная практика определили относимость ЦФА к категории «иное имущество», то, в таком случае, при незаконности владения ими на них частично распространяются положения ст. 238 ГК РФ «Прекращение права собственности лица на имущество, которое не может ему принадлежать», которая гласит, что если по основаниям, допускаемым законом, в соб-

ственности лица оказалось имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, это имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на имущество, если законом не установлен иной срок. Как указывалось ранее, криптовалюта и ЦФА не относятся к результатам интеллектуальной деятельности, и поэтому на них не могут быть распространены положения п. 4 ст. 129 ГК РФ.

Рассмотренный вопрос требует более подробной и глубокой научной проработки и может стать объектом самостоятельного исследования, поэтому, не углубляясь далее, резюмируя все изложенное, перейдем к вопросам квалификации преступных посягательств, связанных с ЦФА.

Изучение доктринальных трудов и материалов отечественной судебно-следственной практики позволяет выделить следующие основные группы преступлений, сопряженных с использованием в той или иной форме цифровых финансовых активов (криптовалют):

- преступления, в которых криптовалюта выступает предметом посягательства;
- преступления, в которых криптовалюта выступает средством их совершения;
- преступления, совершаемые в целях генерации (майнинга) криптовалюты.

Остановимся подробнее на первом варианте. Судебная практика при рассмотрении дел, связанных с оборотом криптовалюты, неоднозначна, однако в большинстве решений, в том числе принимаемых в порядке АПК РФ, отмечается, что проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты не защищены законами России¹.

Однако принципиальной чертой, отличающей криптоденги от денег как таковых, является способ их возникновения в цифровом пространстве. Так, реальные платежные средства требуется вначале внести на определенный счет или электронный кошелек, а криптовалютные единицы появляются уже в электронном виде.

1 См., напр.: постановление от 04.02.2020 по делу N А40-164942/2019 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUUpDR1666>.

Можно прийти к выводу, что криптовалюта представляет собой некоторый набор символов – знаков, содержащийся в информационной системе, при этом доступ к информационной системе осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационной сети с использованием специального программного обеспечения.

Обозначенный ранее вопрос о правовой природе криптовалют и ЦФА напрямую влияет на формирование проблемных вопросов правоприменения при квалификации посягательств на такие объекты.

Отталкиваясь от тезиса о том, что криптовалюта относится к категории «иное имущество», далее можно вести речь о квалификации незаконного перехода криптовалюты в чужое обладание по признакам хищения имущества.

В примечании к ст. 158 УК РФ обозначено, что под хищением понимается «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Местом окончания мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета¹.

Записи в блокчейне представляют собой абсолютные права и по своей природе схо-

жи с вещами, так как их количество известно, они переходят от владельца к владельцу в строго определенном порядке, не содержат каких-либо прав требования, подобно ценным бумагам. В то же время при определении предмета преступления сложности остаются.

Можно привести пример, когда предметом преступления фактически признан код (пароль) криптокошелька. Ш. и О. были осуждены Сургутским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по ч. 3 ст. 272, ч. 3 ст. 159 УК РФ. В соответствии с приговором суда Ш. и О. совершили неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший модификацию компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности, группой лиц по предварительному сговору, а также мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. В частности, Ш. и О. путем обмана, имея умысел на хищение кодов ВТС-е, ввели потерпевшего в заблуждение, пообещав ему обменять код ВТС-е на российские рубли, не намереваясь этого делать. Потерпевший, используя свою учетную запись на созданном подсудимыми сайте, с целью обмена принадлежащего ему ВТС-е кода на 10 тыс. долл. США на российские рубли в личном сообщении передал Ш. и О. ВТС-е код, рыночная стоимость которого по состоянию на момент совершения преступления, согласно заключению эксперта, составляла 821 100 руб. 00 коп. Тем самым Ш. и О. похитили указанный код и в дальнейшем распорядились им по своему усмотрению, чем причинили потерпевшему материальный ущерб в крупном размере на указанную сумму [4, с. 130-132].

Отметим, что размер причиненного ущерба по данному уголовному делу устанавливался путем проведения судебной экспертизы, однако полагаем, что эксперт все же определял не стоимость самого кода, как средства доступа к криптокошельку, а самой по себе криптовалюты.

1 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48, пункт 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2.

Существуют и другие подходы. Так, в решении Суда по интеллектуальным правам криптовалюта определена как пиринговая платежная система (т.е. основанная на соединении сетей и обмене информацией о сетевых маршрутах согласно протоколу), использующая большей частью одноименную платежную единицу [1, с. 5-8].

Анализируя понятие «имущество», для правильной юридической оценки применительно к криптовалюте как к предмету хищения органам, осуществляющим предварительное расследование, и судам необходимо устанавливать, действительно ли был причинен реальный ущерб, выраженный в денежном эквиваленте.

Так, например, сами по себе математические коды, сгенерированные компьютером в процессе майнинга, а затем похищенные с указанного компьютера путем взлома электронных сервисов, подпадают под нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации (например, ст. 272 УК РФ) [5, с. 127-129]. Однако переход криптовалюты в чужое обладание не свидетельствует о реальном ущербе собственнику, поскольку курс криптовалют, устанавливаемый частным криптовалютным сообществом, не может служить безусловным основанием и доказательством причиненного ущерба для суда.

Вместе с тем объектом преступлений в сфере компьютерной информации являются общественные отношения, обеспечивающие безопасное использование ЭВМ, компьютерных систем и сетей [10, с. 171; 5, с. 128], но никак не отношения собственности. При этом реальный ущерб, выраженный в денежном эквиваленте, не может быть оставлен без внимания при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты, поскольку именно это основание предопределяет возбуждение уголовного дела.

Очевидно, что выполнение объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, является лишь способом совершения основного преступления – хищения криптовалюты.

В связи с этим некоторые правоприменители пошли по пути квалификации соответствующих деяний по совокупности ст. 272 и ст. 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации), но и для такой квалификации необходимо наличие у виновного умысла на хищение именно имущества (денег), к каковым в настоящее время криптовалюта не относится. Практика применения ст. 159.6 УК РФ формируется в основном из хищений денежных средств с банковских карт или расчетных счетов через использование неправомерного доступа к специализированным компьютерным сервисам. Но с учетом отсутствия законодательного определения правового статуса криптовалюты и нарастающего количества преступных посягательств в сфере ее оборота необходимо полагать, что такая юридическая оценка по ст. 159.6 УК РФ является наиболее приближенной по характеристикам состава преступления.

Можно было бы рассмотреть и иную квалификацию хищения криптовалюты, например, по статье 158 УК РФ (Кража), однако согласно традиционному пониманию уголовного закона, при том, что в самом законе таких требований не содержится, предмет кражи может быть лишь осязаемая вещь, предмет материального мира [3, с. 15].

Также представляется невозможной квалификация хищения криптовалюты по ст. 159 УК РФ в совокупности со ст. 272 УК РФ, поскольку исходя из положений пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман или злоупотребление доверием возможно в отношении конкретного лица, а не компьютерной системы, взламываемой при хищении.

И, кроме того, мы вновь возвращаемся к тому, что предметом преступления при мошенничестве являются безличные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, к которым криптовалюта не относится, однако учитывая, что криптовалюта, на наш взгляд, должна в судебной практике рассматриваться как иное имуще-

ство, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества, а учитывая отсутствие в диспозиции ст. 159.6 УК РФ обмана в качестве обязательного признака объективной стороны преступления, то наиболее правильной представляется квалификация хищения криптовалюты, совершаемой путем взлома компьютерных систем. В таком случае действия виновного лица полностью охватываются ст. 159.6 УК РФ без совокупности с другими нормами.

Следует рассмотреть случаи, когда похищаются определенные виды криптовалюты, существующие в виде инвестиций, например, биткоины, приобретенные на криптовалютных биржах за определенную стоимость. В этом случае криптовалюта приобретает за вполне реальные деньги, такой ущерб имеет денежное выражение и может быть подтвержден документально (например, для обоснования гражданского иска в уголовном деле).

Так, Следственным отделом ОМВД России по Тверскому району г. Москвы 18 мая 2018 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ в отношении жителя Подмосковья, который представился потерпевшему сотрудником финансовой организации и предложил ему приобрести криптовалюту за наличный расчет. Заявитель снял со своего счета необходимую сумму и поместил денежные средства в банковскую ячейку, арендованную продавцом. Злоумышленник в подтверждение сделки представил потерпевшему изготовленные заранее скриншоты якобы поступивших на его счет электронных денег. Позже потерпевший выяснил, что криптовалюта на его счет не поступила. Вернувшись в банк, он выяснил у персонала, что продавец – не их сотрудник, а аренда ячейки аннулирована. Материальный ущерб составил свыше 11 млн рублей [5, с. 130].

В данном случае при наличии обмана лица более правильной будет квалификация по ст. 159 УК РФ, поскольку похищена была не криптовалюта, а наличные денежные

средства, которые якобы были переведены на счет финансовой организации в криптовалюту.

Таким образом, правильная квалификация хищений, совершаемых в отношении криптовалюты или с ее использованием, будет зависеть от правильного определения предмета преступления и вида причиненного ущерба.

Принимая решение о наличии либо об отсутствии в деяниях о хищении криптовалюты признаков состава преступления, следует в первую очередь устанавливать наличие и вид ущерба, причиненного преступлением. Так, в случае если похищена криптовалюта путем взлома компьютерных систем, действия надлежит квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ, в случае же хищения денежных средств, потраченных на приобретение криптовалюты в качестве инвестиций, либо перевод денежных средств виновному лицу путем обмана, то действия виновных подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ.

Действия виновных, связанные со сбытом наркотических средств и психотропных веществ за криптовалюту, и последующие действия по переводу криптовалюты в денежные средства дополнительной квалификации по ст. 174.1 УК РФ не требуют [7, с. 54-63; 8, с. 39-45].

Первоочередное направление решения проблем квалификации видится в унификации законодательства и приведении правоприменительной практики к единообразию.

Немногочисленная судебная практика по вопросу о хищении виртуальной валюты (по аналогии с криптовалютой) в рамках сетевой игры, где участники договариваются об условной стоимости персонажей и «аксессуаров» к ним, демонстрирует весьма сомнительный подход.

Так, лицо А. приобрело на некотором ресурсе логин и пароль лица Б. к адресу электронной почты, который, в свою очередь, был привязан к аккаунту онлайн-игры. Впоследствии, заблокировав доступ к обоим аккаунтам легальному пользователю посредством изменения паролей, лицо А. продало третьему лицу виртуальные игровые ценно-

сти персонажа аккаунта, принадлежащего лицу Б., а полученными от продажи денежными средствами распорядилось по своему усмотрению.

Судом действия лица А. были квалифицированы по ч. 2 ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло блокирование, модификацию компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности»). На первый взгляд, подобная квалификация, с точки зрения правильности определения объекта преступного посягательства, выглядит верной. Как известно, объектом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие правомерный доступ, создание, хранение, модификацию, использование компьютерной информации самим создателем, потребление ее иными пользователями, [17, с. 163]. Однако из приведенных обстоятельств следует, что в данной ситуации вполне очевидным является также посягательство на отношения в сфере собственности, так как предметом посягательства выступило имущество в виде виртуальных игровых ценностей, которые впоследствии были оценены в экономическом эквиваленте, то есть им в соответствии с правилами игры а ргіогі была придана ценность. Таким образом, квалификацией деяния по ч. 2 ст. 272 УК РФ само по себе хищение осталось «за бортом».

Изложенный выше пример из судебной практики позволяет проводить некоторые аналогии, связанные с потенциальным хищением криптовалюты. Представляется, что в случае с ее переходом в незаконное владение иного лица также выполняется посягательство на два объекта: отношения в сфере компьютерной информации и отношения в сфере собственности. Такое положение вещей полностью исключает квалификацию хищения криптовалюты лишь по ст. 272 УК РФ, поскольку в данном случае выполнение объективной стороны данного состава преступления является лишь способом создания условий для совершения последующего хищения [18, с. 62-63].

Единовременное посягательство на указанные объекты при условии выполнения объективной стороны путем вмешательства в функционирование систем компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, результатом которого становится хищение имущества либо приобретение права на него, вполне гармонично вписывается в конструкцию состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ.

Особенностью данного состава преступления является то, что, по сути, с его введением была образована новая самостоятельная форма хищения, которая, в отличие от классического мошенничества (ст. 159 УК РФ), не предусматривает в качестве обязательного квалифицирующего признака наличие обмана либо злоупотребления доверием. Напротив, данная форма «мошенничества» предполагает, что завладение имуществом или приобретение права на него сопряжено с проникновением в информационную среду, в которой осуществляются различного рода информационные операции, юридические последствия которых состоят в приобретении участниками оборота имущества в виде денежных средств или имущественных прав [16].

В настоящее время практика применения ст. 159.6 УК РФ сопряжена в основном с хищениями денежных средств с помощью получения неправомерного доступа к банковским онлайн-сервисам и последующим переводом денежных средств на расчетный счет лица, совершающего преступное посягательство.

Однако в контексте полного отсутствия правового регулирования оборота криптовалют и их квалификации с точки зрения объектов гражданских прав в качестве «иного имущества» подобная, в некоторой степени огрубленная, квалификация представляется наиболее точной.

Иная квалификация, например сконструированная как совокупность ч. 2 ст. 272 и соответствующего вида хищения, вызвала бы ряд возражений с точки зрения существующей догматики.

Во-первых, при квалификации данного деяния в качестве совокупности ч. 2

ст. 272 и 158 УК РФ возникает необходимость опровержения традиционного представления, что предметом кражи в уголовном праве может быть лишь осязаемая вещь, хотя это и не оговорено специально в качестве квалифицирующего признака состава кражи в законе.

Во-вторых, при квалификации указанного деяния в качестве совокупности ч. 2 ст. 272 и ст. 159 УК РФ, появляется возражение с позиции правоприменителя – квалификация деяния в качестве мошенничества возможна лишь при наличии обмана лица, а не компьютерной системы. Учитывая отсутствие обмана в качестве квалифицирующего признака ст. 159.6 УК, такой проблемы не возникает.

Помимо изложенного, можно выделить смежные проблемы, связанные с использованием криптовалют в преступных целях. Такие проблемы не относятся напрямую к посягательствам на криптоактивы, однако обладают повышенной степенью общественной опасности, в частности, из-за категорий преступлений, с которыми они напрямую связаны.

В первую очередь речь идет об использовании криптовалют при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков¹.

Почему же криптовалюта так востребована при совершении наркопреступлений? Причины могут быть следующие:

- децентрализация (нет централизованного сервера, который бы контролировал все операции. Этим одновременно «занимаются» взаимосвязанные сетью интернет-устройства);
- анонимность. Однако следует обратить внимание на то, что использование цифровых финансовых технологий характеризуется наличием специфического слепообразования, поскольку любая криптографическая транзакция образует след в виде электронной записи, что в известной степени облегчает задачу по установлению обстоятельств совершенного деяния [7, с. 54-63; 8, с. 39-45];
- транзакции совершаются в режиме P2P (равенство пользователей, транзакции осуществляются напрямую), нет посредников;

- отсутствие налогообложения;
- высокая скорость обработки транзакций;
- криптовалюты, безусловно, самые мобильные средства сбережения, которые когда-либо использовались человеком. Приватные ключи, представляющие собой сотни миллионов долларов, можно хранить на крошечном USB-накопителе и легко переносить в любое место.

Все перечисленное упрощает финансовые операции и позволяет беспрепятственно проводить транзакции в любом уголке мира.

Подводя итог, отметим, что статус криптовалюты в России до сих пор недостаточно законодательно урегулирован, что влечет риски в ее обороте и проблемы с определением ее статуса в целом.

Одним из основных подходов к определению природы криптовалюты является отнесение ее к категории имущества (в частности, такой подход устоялся в законодательстве о банкротстве и исполнительном производстве). Соответственно, ЦФА обладают подобными характеристиками. Решение указанной проблемы позволит решить, например, вопрос применения обеспечительных мер по уголовным делам, связанным с посягательствами на криптовалюты, в частности, вопрос применения такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество.

Вопрос установления ответственности за незаконный выпуск и оборот ЦФА – сложный и многоаспектный. С одной стороны, имеет место важность охраняемых таким за претом общественных отношений, однако, на современном этапе развития законодательства и правоприменительной практики (в частности, с учетом фактического отсутствия на сегодняшний день в полной мере квалифицированных кадров правоохранительных органов, которые смогут осуществлять противодействие такому виду незаконной деятельности) полагаем установление административно-правового или уголовно-правового запрета преждевременной и не проработанной мерой.

1 Под собирательным термином «наркотики» автором понимаются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры

Проблема определения правового статуса ЦФА и цифровых валют с именно с позиции объекта преступного посягательства. Несмотря на то, что ЦФА определяются как иное имущество, возникают вопросы разграничения видов хищений. Указанная проблема может быть решена путем внесения изменений в примечания к статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за посягательства на такие объекты и создание отдельного постановления Пленума Верховного Суда

РФ, разъясняющего основные аспекты квалификации совершения преступлений с использованием ЦФА и(или) совершаемых в отношении ЦФА, и позволяющего сформировать единую правоприменительную практику в рассматриваемой сфере.

В качестве смелой законодательной новеллы можно предложить отдельную норму, предусматривающую ответственность за посягательства на криптоактивы.

Библиографический список

1. Белых, В.С. Биткоин: понятие и тенденции правового регулирования / В.С. Белых, М.А. Егорова, С.Б. Решетникова // Юрист. – 2019. – N 3. – С. 4-11.
2. Гринь, Е.С. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / Е.С. Гринь, О.С. Гринь, А.В. Соловьев // Lex Russica. – 2019. – N 8. – С. 51-62.
3. Долгиева, М.М. Квалификация деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / М.М. Долгиева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – N 1(88). – С. 9-20.
4. Долгиева, М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства / М.М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – N 4(101). – С. 128-139.
5. Долгиева, М.М. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / М.М. Долгиева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. – N 4(48). – С. 125-131.
6. Зайнутдинова, Е.В. Модели правового регулирования смартконтракта: общее и особенное / Е.В. Зайнутдинова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – N 3. – С. 126-147.
7. Земцова, С.И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности / С.И. Земцова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – N 1(13). – С. 54-63.
8. Земцова, С.И. Криптовалюта как средство конспирации преступных действий при легализации наркодоходов, контрабанде и незаконном сбыте наркотических средств / С.И. Земцова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 1(38). – С. 39-45.
9. Киселев, И.М. Применение технологии blockchain в экономике / И.М. Киселев // Экономика и социум. – 2016. – N 7. – С. 594-597.
10. Лопатина, Т.М. Особенности объекта преступлений в сфере компьютерной информации / Т.М. Лопатина // Бизнес в законе. – 2006. – N 1-2. – С. 169-172.
11. Максуров, А.А. Майнинг как юридическая и информационная категория / А.А. Максуров // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – N 2 (46). – С. 256-265.
12. Мамаева, М.Н. Блокчейн как новый этап в развитии цифровой экономики / М.Н. Мамаева, Н.А. Гребеншиков // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – N 4(33). – С. 60-64.
13. Пестунов, А.И. Обзор основных принципов работы криптовалюты биткоин и возможных направлений научных исследований в данной области / А.И. Пестунов // Вестник НГУЭУ. – 2018. – N 1. – С. 186-196.

14. Пряников, М.М. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы / М.М. Пряников // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – N 6. – С. 44-45.

15. Рыбак, В.А. Восемь направлений использования криптовалют / В.А. Рыбак, Х.М. Сулайман, Г. Захрат // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. серия: естественные и технические науки. – 2018. – N 2. – С. 59-66.

16. Тамаева, К. Очерк о квалификации хищения криптовалюты / К. Тамаева. – URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/17/ocherk_o_kvalifikacii_hischeniya_kriptovalyuty.

17. Харламова, А.А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации / А.А. Харламова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – N 2. – С. 162-167.

18. Хилюта, В.В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о переформатировании предмета преступлений против собственности) / В.В. Хилюта // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – N 2(26). – С. 58-68.

19. Черешнева, И.А. К вопросу о правовой квалификации майнинга / И.А. Черешнева // Право и политика. – 2019. – N 9. – С. 48-55.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.98

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_97

Светлана Игоревна ЗЕМЦОВА,

профессор кафедры криминалистики

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск),

кандидат юридических наук, доцент

Zemsvetlana@mail.ru

НЕЗАКОННОЕ НАРКОПРОИЗВОДСТВО: РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

ILLEGAL DRUG PRODUCTION: DEVELOPMENT OF METHODOLOGY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

В статье аргументируется вывод, что незаконное производство наркотических средств в условиях цифровой трансформации преимущественно осуществляется организованными преступными группами, включающими субъектов, выполняющих функции организатора, «химика», «поставщика», «курьера», «оператора»; взаимосвязано с последующими деяниями: незаконным сбытом и легализацией наркодоходов; осуществляется с соблюдением повышенных мер конспирации (использованием учетных записей, мессенджеров со сквозным шифрованием Signal, VIPole, WickrMe, Jabber, удаленной системы прокси-серверов сетей TOR, VPN, I2P, цифровой валюты, «наркокострукторов», тайников для передачи необходимого лабораторного оборудования и получения готовой продукции); использованием предпрекурсоров и «дизайнерских» прекурсоров. Представляется комплекс выводов и предложений, направленный на формирование доказательственной базы.

The article argues that the illegal production of narcotic drugs, in the conditions of digital transformation, is mainly carried out by organized criminal groups, including entities performing the functions of an organizer, «chemist», «supplier», «courier», «operator»; is interconnected with subsequent acts: illegal sale and legalization of drug proceeds; is carried out in compliance with increased measures conspiracy (using accounts, messengers with end-to-end encryption Signal, VIPole, WickrMe, Jabber, a remote system of proxy servers of TOR, VPN, I2P networks; digital currency, «drug constructors», caches for transferring the necessary laboratory equipment and receiving finished products); using pre-precursors and «designer» precursors. A set of conclusions and proposals aimed at forming an evidence base is presented.

Ключевые слова: незаконное производство, лаборатория, наркотические средства, прекурсоры, организованная преступная группа, следственный эксперимент, цифровая валюта, интернет-магазин.

Keywords: *illegal production, laboratory, narcotic drugs, precursors, organized criminal group, investigative experiment, digital currency, online store.*

Развитие отдельных методик в сфере незаконного оборота наркотиков, в том числе и наркопроизводства, в теории криминалистики непосредственно связано с методологией решения практических задач.

В разные годы проблемы расследования данных преступлений выступали предметом исследований О.А. Есиной [6], Е.В. Ивановой [8], М.А. Гаджиева [5], Д.А. Засеева [7] и многих других ученых. В 2005 году С.А. Рогановым подготовлено фундаментальное исследование «Теория и практика расследования преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств» [12], где незаконное наркопроизводство рассматривается как составная часть криминального наркобизнеса.

Однако методику расследования данного вида (незаконного наркопроизводства) нельзя считать полностью сформированной. Несмотря на появившееся в последние годы значительное количество научных и учебных изданий по данной проблематике [1-3; 10; 13], круг вопросов, требующих научного разрешения, если и сократился, то весьма незначительно. В частности, не исследованы механизм совершения данного вида преступлений, особенности возбуждения уголовных дел, тактика производства следственных и процессуальных действий, возможности производства отдельных видов экспертиз.

При этом в современных условиях содержание указанных традиционных элементов криминалистической методики значительно отличается от разработанных почти три десятилетия назад.

Ю.В. Гаврилин, справедливо отмечает, что фактически в настоящее время «происходит процесс цифровой трансформации

преступности, состоящий в принципиальных изменениях как в механизме совершения «традиционных» преступлений, возникших в «доцифровую» эпоху, так и в возникновении новых видов преступлений, непосредственно связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и использованием технических средств сбора, обработки, хранения компьютерной информации и ее передачи по линиям связи» [4, с. 6]. С учетом этого в 2023 году авторским коллективом Сибирского юридического института МВД России совместно с коллегами из ГУНК МВД России и ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю было проведено исследование и подготовлена выходная продукция (учебное пособие) «Методика расследования незаконного производства синтетических наркотических средств, совершенного организованными преступными группами»¹.

Авторами выделены следующие тенденции.

Переориентация с контрабанды синтетических наркотических средств на их производство внутри страны. Об этом свидетельствуют и статистические данные. Количество выявленных фактов наркопроизводств за последние восемь лет увеличилось в двенадцать раз. В частности, если в 2016 г. были зарегистрированы 66 преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств, то в 2022 г. – 829². Указанная деятельность, как правило, осуществляется организованными преступными группами, способствует незаконному сбыту и легализации наркодоходов.

Смещение акцента на внутреннее производство наиболее ярко проявилось в период частичного и тотального «локдауна» во время распространения новой короновирус-

1 Автор выражает признательность за совместную деятельность при подготовке пособия заместителю начальника управления по противодействию преступлениям в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств и прекурсоров ГУНК МВД России кандидату юридических наук А.В. Морозову, адъюнкту адъюнктуры (очная форма обучения) Сибирского юридического института МВД России (СибЮИ МВД России) Д.А. Апариновой, старшему преподавателю кафедры криминалистики СибЮИ МВД России А.В. Репину, старшему преподавателю кафедры криминалистики СибЮИ МВД России Е.В. Попельничкому, заместителю начальника 11 отдела (экспертиз наркотических средств) – начальнику отделения исследований ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю кандидату технических наук Е.В. Гончарову; адъюнкту адъюнктуры СибЮИ МВД России (заочная форма обучения) Л.А. Романовой.

2 В 2016 г. зарегистрированы 66 преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств, в 2017 г. – 172 (+160,6%), в 2018 г. – 223 (+ 29,7%), в 2019 г. – 351 (+ 57,4%), в 2020 г. – 500 (+ 42,5%), в 2021 г. – 581 (+16,2%), в 2022 г. – 829 (+42,6%), за 4 месяца 2023 г. – 292 преступления.

ной инфекции. Крупные интернет-магазины («ЦУМ», «Killer Diller», «Mama24», «Chilli») с целью нивелирования указанной ситуации, замещения наркотических средств традиционно поставляемых из стран Европы или Центральной Азии (амфетамин, экстази), включили в сферу «профессиональной деятельности» дополнительную составляющую: незаконное производство (преимущественно, мефедрона, технология изготовления которого является значительно более простой, чем амфетамина). В свою очередь, это позволило снизить стоимость реализуемых наркотических средств, в том числе за счет сокращения количества посредников на различных этапах транспортировки, а также способствовало повышению конспиративности преступной деятельности.

Совершение преступлений в организованной форме. Указанная деятельность, как правило, осуществляется организованными преступными группами, включающими «варщика» (лаборанта), «консультанта» (химика), курьера, оператора (модератора), организатора. При этом задержание одного из участников (чаще всего «варщика» или курьера) крайне редко сопровождается установлением личности остальных участников в связи с четкой иерархичностью и соблюдением мер конспирации.

Организатор определяет иерархию и структуру преступной группы, выбирает площадку для размещения магазина и осуществляет действия по последующему его продвижению, разрабатывает способы оплаты, методы маскировки и сокрытия преступной деятельности. Оператор (модератор, диспетчер) координирует деятельность «варщика», «химика», поставщика и курьера и получает от них отчет о проделанной работе, представляет его организатору, контролирует начисление заработной платы указанным участникам, анализирует отзывы покупателей о качестве приобретенного средства. Поставщик организует постоянный канал для приобретения лабораторного и иного оборудования, прекурсоров, необходимых для систематического масштабного незаконного

производства особо крупной партии, предоставляет организатору через модератора-куратора информацию о местах нахождения «схронов» с перечисленными объектами. Курьер осуществляет доставку для последующего использования «варщиками» лабораторного оборудования и прекурсоров, организует тайники, координаты которых направляет оператору-модератору, забирает из тайников, организованных «варщиками», готовую продукцию и доставляет ее для последующего сбыта, предоставляет руководителю через оператора-модератора отчет о проделанной работе с подробными данными (описание, фотографии, координаты) мест, в которых оставлял и забирал объекты. «Химик» осуществляет консультирование «варщиков» с целью совершения серийного масштабного незаконного производства, предоставляет подробные инструкции о технологии незаконного производства, способах использования лабораторного оборудования. Кроме этого «химик» может выполнять и иные обязанности. «Варщик» получает тайниково-закладочным способом необходимое лабораторное оборудование (воронки Бюхнера, колбы Бунзена), материалы (противогазы, упаковочный материал), прекурсоры (серную кислоту, соляную кислоту); руководствуясь детальной инструкцией «химика», с соблюдением рецептуры смешивает различные компоненты, определяет их дозировку и качество варки, момент ее окончания, осуществляет фасовку произведенной продукции и оборудует тайники с крупными партиями, сообщает оператору-модератору координаты их расположения (иногда с прикреплением фотографий и текстовых пояснений), предоставляет через оператора-модератора организатору и «химику» отчет о проделанной работе, формулирует предложения по оптимизации работы.

Применение всеми участниками организованной преступной группы повышенных мер конспирации. С этой целью стратегически правильно осуществляется выбор места для размещения нарколаборатории (зброшенные фермы, арендованные частные дома и квартиры, гаражи, квартиры, автомойки и

т.д.), соблюдаются правила при обмене информации (использование учетных записей, мессенджеров со сквозным шифрованием Signal, VIPole, WickrMe, Jabber), применяется удаленная система прокси-серверов сетей TOR, VPN, I2P, используются тайники для передачи как необходимого лабораторного оборудования и прекурсоров на этапе, предшествующем производству, так и готовой продукции и т.д.

Так, в процессе расследования уголовного дела было установлено, что 12 февраля 2021 г. М. и Ш. арендовали помещение, расположенное в Советском районе г. Красноярска, по адресу <...>, используемое ранее в качестве автомойки, куда перевезли химические вещества и различное оборудование (колбы, стаканы, стеклянные и фарфоровые воронки, электрическую магнитную мешалку, обратный холодильник, индикаторную бумагу, бумажные фильтры, резиновые уплотнители, штативы с подставками, стержнями и кольцами с зажимами-держателями, шланги) с целью производства и дальнейшего совместного незаконного сбыта вещества, содержащего в своем составе PVP (синонимы: α -пирролидиновалерофенон, 1-фенил-2-(пирролидин-1-ил)пентан-1-он), являющегося производным наркотического средства N-метилэфедрона. Готовую продукцию планировали сбывать посредством интернет-магазинов «Сибирский Регион», «Бони и Клайд», «Лавка Остапа и Бендера» на территории Российской Федерации. Взаимодействие с вышестоящим звеном – «оператором», а также «консультантом» интернет-магазина осуществлялось с использованием учетных записей <...> и применением мессенджера WickrMe; средства для покупки прекурсоров и оборудования получали в криптовалюте, в последующем выводили на счета различных QIWI-кошельков¹.

Использование в обороте предпрекурсоров и «дизайнерских» прекурсоров. «В связи

с разработкой и внедрением новых схем синтеза, используемых в нелегальном производстве психоактивной продукции, серьезную проблему представляет расширение списка реализуемых прекурсоров и появление альтернативных прекурсоров, не подлежащих международному и внутригосударственному контролю, включая предпрекурсоры, а с недавнего времени также «дизайнерские» прекурсоры» [3, с. 117].

В Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год отмечается: «Наркотогровцы продолжают использовать интернет-платформы для поиска и приобретения химических веществ-прекурсоров и оборудования с целью незаконного изготовления наркотиков. Одновременно с этим наблюдается другое явление – использование интернета продавцами для незаконного предложения прекурсоров наркотиков. ... Шестьдесят семь стран на пяти континентах уже сообщили об изъятиях веществ, не включенных в две таблицы Конвенции 1988 года, что свидетельствует о росте глобального незаконного оборота не включенных в списки химических веществ и дизайнерских прекурсоров. Химические вещества, не включенные в списки, используются при незаконном изготовлении всех классов наркотиков, за исключением каннабиса. За последние восемь лет в таблицы I и II Конвенции 1988 года были добавлены десять новых веществ, некоторые из которых являются дизайнерскими прекурсорами без какого-либо известного законного применения»².

Прекурсоры могут входить в состав «наркоструктур» (т.е. наборов, включающих необходимое лабораторное оборудование, реагенты, защитные комбинезоны, противогазы, респираторы и т.д.) и передаваться курьером «варшику» с использованием тайников либо доставляться транспортно-экспедиционными организациями (СДЭК, «Боксберри», «Деловые линии», «Энергия» т.д.).

1 Уголовное дело N 12101040048420323 по обвинению гр. М. в совершении преступлений, предусмотренных: ч. 5 ст. 228.1; Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 228.1; В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. Направлено прокурору Красноярского края 07.02.2022.

2 Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год : материалы для прессы. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2022/Press_Kits/INCB_press_kit_rus.pdf (дата обращения: 17.07.2023).

Принятие решения о возбуждении уголовного дела на основе материалов, собранных в рамках оперативно-розыскной деятельности. Первоначальная информация о функционировании нарколаборатории может быть получена из оперативных источников, от граждан, обратившихся в правоохранительные органы, в том числе по телефону доверия, из материалов других уголовных дел (протоколов допросов подозреваемых, обвиняемых, свидетелей), в том числе возбужденных по фактам незаконного сбыта наркотических средств, контрабанды прекурсоров и иных веществ, используемых для производства наркотических средств). После ее проверки в процессе различных оперативно-розыскных мероприятий собранный материал направляется следователю для оценки и принятия последующего процессуального решения.

Специфичность производства осмотра места происшествия. Эффективное производство данного следственного действия определяется совокупностью обстоятельств: профессионализмом участников следственно-оперативной группы, включением в ее состав специалистов в области химии и информационной безопасности, видом производимого наркотического средства.

Особое внимание должно быть уделено безопасности. При незаконном производстве синтетических наркотических средств используются в качестве реактивов, прекурсоров, растворителей и вспомогательных веществ различные токсичные, ядовитые и иные вредные химические соединения [9, с. 17], например при производстве мефедрона могут использоваться более 22 химических веществ, включая прекурсоры. «Сотрудники полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в местах незаконного изготовления и производства психоактивных веществ в лабораторных условиях находятся в особой группе риска для здоровья, постоянно подвергаясь опасности. Выделяющиеся при изготовлении наркотических средств различные ядовитые вещества, зачастую не имеющие ни запаха, ни цвета, могут проникать через верхние дыхательные пути, через кожный покров и слизистые обо-

лочки, вызывая отравление всего организма человека» [11, с. 18]. При осмотре нарколаборатории необходимо работать в резиновых перчатках, использовать маски и респираторы. При попадании на открытую кожу неизвестных веществ немедленно промыть большим количеством воды. Перед началом осмотра желательно проветрить помещение [13, с. 22].

Впервые в теории криминалистики внимание на обеспечении безопасности было акцентировано С.А. Рогановым, который для нивелирования ситуаций, связанных с угрозой жизни и здоровью участников, обосновал предложение о необходимости дополнения ч. 1 ст. 58 УПК РФ, указав, что именно специалист может быть привлечен для указанной цели [12, с. 14]. С того времени истекло почти три десятилетия, однако до настоящего времени оно так и не реализовано.

Значение следственного эксперимента при формировании доказательственной базы. Анализ уголовных дел позволяет утверждать, что при расследовании фактов незаконного наркопроизводства, осуществляемого организованными преступными группами, целесообразно производство следственных экспериментов, направленных на установление возможности существования какого-либо факта (явления) при определенных обстоятельствах, а также механизма преступного события в целом или его отдельных этапов, например возможности «трудоустройства» в качестве «варщика», курьера, «химика» в определенный интернет-магазин, посредством внесения залоговой суммы. Это могут быть также установление механизма функционирования конкретного интернет-магазина (виды реализуемых наркотических средств, способы оплаты за «товар», наличие бота автопродаж, оператора и техподдержки), масштаба его деятельности (регионы, города, страны ближнего зарубежья), также установление взаимосвязи между лицом, выполняющим определенную функцию и вышестоящим звеном (например, между «варщиком» и оператором (модератором), курьером и оператором (модератором).

Последняя задача представляется наиболее значимой, поскольку позволяет установить не только осведомленность лица о реализуемой им роли и функциях, но и осознание им того факта, что оно является участником преступного сообщества или группы.

Так, в результате проведенного следственного эксперимента в приложении с интернет-сайтом «Killer Diller» установлено, что по предоставляемой ссылке «@TKD2...» неустановленным лицом предоставляется ссылка на учетную запись «@dr_23...» с именем пользователя «Федор Ток...». При обращении с аналогичным предложением к аккаунту «@dobr...» с именем пользователя «Дмитрий», предоставляется аналогичная ссылка на учетную запись «@dr_23...» с именем пользователя «Федор Ток...», что свидетельствует о том, что интернет-магазин «Killer Diller» с ссылкой «@TKD2...» и неустановленное лицо, действующее от имени «@dobr...», входят в состав одного и того же преступного сообщества¹.

Кроме того, могут иметь значение следственные эксперименты, направленные на проверку умений и навыков: а) пользоваться системой Tor для доступа к заблокированным сайтам; б) осуществлять покупку и продажу цифровой валюты; в) использовать VPN.

Ситуации, обуславливающие производство проверки показаний на месте. В процессе исследования было установлено, что данное следственное действие целесообразно производить, когда из сведений, сообщенных лицом в ходе допроса, следователь не может получить полное представление о месте совершения преступления, а именно где:

а) «варшик» забирал прекурсоры и лабораторное оборудование для последующей деятельности по производству наркотических средств;

б) «варшик» создал тайник с готовой партией синтетического наркотического средства;

в) курьер забирал готовую продукцию.

Помимо указанных вопросов в работе рассмотрена специфика механизма незаконного производства синтетических наркотических средств, тактика производства допроса участников организованной преступной группы (через призму реализуемых функций), возможности отдельных видов экспертиз, особенности контроля инструментов или оборудования, используемых при совершении преступления, и т.д.

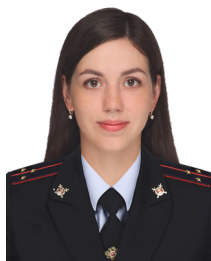
Резюмируя изложенное, отметим, что, безусловно, существует необходимость разработки методики расследования незаконного производства синтетических наркотических средств с учетом изменившихся способов совершения данных преступлений, их маскировки, сокрытия, а также применения мер конспирации с учетом цифровых возможностей. Определенные шаги в данном направлении предприняты авторским коллективом при подготовке учебного пособия «Методика расследования незаконного производства синтетических наркотических средств, совершенного организованными преступными группами». Вместе с тем за границами работы осталось значительное количество вопросов, осмысление которых должно осуществляться в рамках подготовки фундаментальных научных исследований.

¹ Уголовное дело в отношении Ж. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Направлено 30.11.2020 прокурору Республики Хакасия.

Библиографический список

1. Апарина, Д.А. Типичная информация о лицах, осуществляющих незаконное производство синтетических наркотических средств / Д.А. Апарина // Наркоконтроль. – 2023. – N 2 (71). – С. 24-28.
2. Апарина, Д.А. Структура организованной преступной группы, осуществляющей незаконное производство синтетических наркотических средств / Д.А. Апарина // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы всероссийской научно-практ. конференции. Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 года / сост. А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгардзе. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 404-412.
3. Васильева, Н.А. Современные тенденции незаконного производства наркотиков как объекта криминалистического изучения / Н.А. Васильева // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – N 3. – С. 112-126.
4. Гаврилин, В.Ю. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие / Ю.В. Гаврилин. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 72 с.
5. Гаджиев, М.А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в глобальном управлении : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / М.А. Гаджиев. – СПб., 2017. – 161 с.
6. Есина, О.А. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.А. Есина. – Уфа, 2004. – 162 с.
7. Зассеев, Д.А. Организация и правовые основы деятельности подразделений, выполняющих правоохранительные функции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Д.А. Зассеев. – Краснодар, 2018. – 187 с.
8. Иванова, Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12 / Е.В. Иванова. – Коломна, 2016. – 468 с.
9. Кузовлев, В.Ю. Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при ликвидации нарколаборатории: тактико-криминалистические аспекты : учебно-методическое пособие / В.Ю. Кузовлев. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2021. – 158 с.
10. Кузовлев, В.Ю. Криминалистическое обеспечение борьбы с незаконным лабораторным наркопроизводством : учебно-методическое пособие / В.Ю. Кузовлев. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2021. – 238 с.
11. Лисихина, Н.В. К вопросу оказания первой помощи сотрудниками полиции в местах незаконного изготовления и производства психоактивных веществ в лабораторных условиях / Н.В. Лисихина, А.В. Морозов // Научный компонент. – 2023. – N 2 (18). – С. 17-29.
12. Роганов, С.А. Теория и практика расследования преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / С.А. Роганов. – СПб., 2005. – 589 с.
13. Шеховцова, Л.С. Тактика осмотра места происшествия при расследовании незаконного производства синтетических наркотиков / Л.С. Шестакова, И.А. Неупокоева // Наркоконтроль. – 2023. – N 1 (70). – С. 21-24.

Лидия Андреевна РОМАНОВА,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)
Romanova_1103@mail.ru

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ
НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ
КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**PPREPARATORY STAGE OF ILLEGAL CULTIVATION OF NARCOTIC PLANTS
AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM OF CRIME**

В статье на основе анализа судебно-следственной практики раскрывается один из элементов механизма преступления – этап подготовки к осуществлению незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры, составляющими которого выступают приобретение семян наркосодержащих растений, приискание мест для незаконного культивирования, приобретение специального инвентаря и оборудования, получение информации, направленной на достижение запланированного результата, посредством анализа специальной литературы, общения на закрытых форумах и чатах, просмотра видеуроков, определение способов конспирации для осуществления текущей и последующей преступной деятельности.

The article based on the analysis of forensic and investigative practice, one of the elements of the crime mechanism is revealed - the stage of preparation for the illegal cultivation of plants containing narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors, its components are: the acquisition of seeds of narcotic plants, finding places for illegal cultivation, purchase of special tools and equipment, obtaining information aimed at achieving the planned result through the analysis of special literature, communication in closed forums and chats, watching video tutorials, determination of methods of conspiracy for the implementation of current and subsequent criminal activities.

Ключевые слова: наркосодержащие растения, незаконное культивирование, гидропонный метод, конопля, мак, механизм преступления, противодействие.

Keywords: narcotic plants, illegal cultivation, hydroponic method, hemp, poppy, crime mechanism, counteraction.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств на протяжении длительного времени относится к одному из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. «За период 2010-2020 годы правоохранительны-

ми органами выявлены свыше 2 млн преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, более 72% (1,5 млн) из которых – тяжкие и особо тяжкие. Раскрыты более 45 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в соста-

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

ве организованных преступных групп. Пресечена деятельность около 8 тыс. преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных. Из незаконного оборота изъято более 420 тонн наркотиков и иных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации»¹.

В результате антинаркотической политики в 2010-2020 годах наркоситуация в стране в целом стабилизировалась, однако согласно данным мониторинга, проводимого Государственным антинаркотическим комитетом, в большинстве регионов Российской Федерации она остается напряженной.

Одним из факторов, оказывающих негативное влияние на наркоситуацию, является незаконное культивирование наркосодержащих растений. В Стратегии Государственной антинаркотической политики до 2030 года этому направлению уделяется особое внимание. В частности, среди шестнадцати мер, направленных на совершенствование антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков, отмечаются «совершенствование механизмов выявления незаконных посевов и очагов произрастания дикорастущих наркосодержащих растений, фактов их незаконного культивирования, а также методов уничтожения дикорастущих наркосодержащих растений; осуществление государственного контроля за культивированием наркосодержащих растений для производства наркотиков, используемых в медицинских целях и (или) ветеринарии, а также культивированием мака в промышленных целях, не связанных с производством и изготовлением наркотиков».

О значении этого направления свидетельствуют и статистические данные. В частности, количество выявленных преступлений, связанных с незаконным культивированием наркосодержащих растений, на протяжении длительного времени остается достаточно высоким. Так, в 2019 г. были выявлены 1141 преступление (-6%), в 2020 г. – 1155 (+1%),

в 2021 г. – 1146 (-1%), в 2022 г. – 946 преступлений².

Осложняет раскрытие и расследование указанных преступлений отсутствие разработанной в теории криминалистики методики расследования таких преступлений в целом, как и исследования вопросов, заявленных автором в названии работы, в частности.

Вместе с тем следует отметить, что отдельные аспекты фрагментарно исследованы при подготовке как фундаментальных, так и учебно-методических работ. Среди них следует выделить монографию, подготовленную Л.Е. Чистовой, «Расследование незаконного культивирования наркосодержащих растений» (Юрлитинформ, 2015) и учебное пособие Е.Е. Космодемьянской и М.Г. Ермакова «Методика расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» (СибЮИ МВД России, 2017). Кроме того, отдельные вопросы освещены в научных публикациях Н.А. Архиповой и В.С. Горшковой, А.В. Гладких, Р.С. Исакова, А.С. Подолевского, О.Н. Скомоголова и других [1; 2; 4; 6; 10].

Проведенными исследованиями внесен значительный вклад в изучение криминалистического обеспечения рассматриваемых преступлений. Однако детального исследования вопросов подготовки к незаконному культивированию наркосодержащих растений как составной части механизма преступлений до настоящего времени не осуществлялось.

Сущность указанного этапа (подготовительного) заключается в моделировании преступного поведения, приискании орудий преступного посягательства, поиске объекта посягательства и значимой информации о нем, прогнозирования поведения преступника, распределении ролей между соучастниками, составлении планов и схем совершения преступления и т.д. [8, с. 45].

Владение информацией о закономерностях преступной деятельности, проявля-

1 Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 23.11.2020 N 733.

2 Главный информационно-аналитический центр МВД России: Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности», форма 1-ЕГС (491) (дата обращения: 20.03.2023).

ющихся на этапе подготовки, позволит эффективно выдвигать версии, осуществлять планирование и расследование указанных преступлений.

К элементам подготовки к совершению преступления незаконного культивирования наркосодержащих растений можно отнести следующие.

1. Приобретение семян для незаконного культивирования.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует¹, что на территории Российской Федерации наиболее часто выращиваются конопля (63%), мак (32%), а также грибы, содержащие псилоцибин и (или) псилоцин (5%).

Согласно действующему законодательству запрещены также анистериопсис каапи, голубой лотос, диплоптерис кабрерана, ибоба, кактус, содержащий мескалин, кат, кокаиновый куст, мимоза хостилис, митрагина прекрасная, психотрия зеленая, роза гавайская, шалфей предсказателей, эфедра².

Для заказа семян преступники, как правило, используют специализированные интернет-магазины. При этом общение между продавцом и покупателем с целью конспирации осуществляется посредством мессенджеров, имеющих повышенный уровень шифрования. Для оплаты используются электронные платежные системы «Qivi Wallet», «WebMoney», «Yandex-Money», «E-port», а также криптовалюты Bitcoin.

Кроме того, с целью повышения эффективности деятельности, направленной на незаконное культивирование, 87% преступников на этапе подготовки изучают литературу и/или просматривают обучающие видеозаписи, размещенные в сети Интернет. Так, Т. перед производством выращивания грибов,

содержащих в своем составе наркотические средства псилоцибин и псилоцин, изучал различные материалы, размещенные в сети Интернет, что способствовало получению 114 плодовых тел грибов, содержащих в своем составе наркотические средства псилоцибин и псилоцин, что является крупным размером³.

В наркосреде лиц, которые на профессиональной основе занимаются культивированием конопли, именуют гроверами. Стоит отметить, что на просторах сети Даркнета гровер является распространенной и высокооплачиваемой профессией.

2. Приискание места. В весенне-летний период семена или рассада наркосодержащих растений вносятся в открытый или защищенный грунт, расположенный как на земельном участке, принадлежащем преступнику (27%), так и на наделах, расположенных вдали от населенных пунктов или в лесополосе (13%).

При этом в первом случае, для того чтобы указанная деятельность оставалась не замеченной лицами, проживающими по соседству, т.е. с целью маскировки, наркосодержащие растения выращиваются одновременно с культурными – картофелем, кукурузой, томатами и т.д. Так, Б. на приусадебном участке, расположенном в Шарыповском районе Красноярского края, на грядке вместе с семенами мака снотворного посеяла кабачки и кусты картофеля⁴.

Культивирование в течение всего года может осуществляться как в собственных (29%), так и в арендованных квартирах (14%).

В последние годы отмечена тенденция выращивания наркосодержащих растений в специальных палатках, которые за отдельную плату реализуются в интернет-магазинах

1 Эмпирической основой исследования выступил анализ 68 приговоров судов различных уровней (суды общей юрисдикции, верховные суды субъектов Российской Федерации) за период с 2017 по 2022 годы.

2 Об утверждении Перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры : постановление Правительства РФ от 27.11.2010 N 934.

3 Приговор Раменского городского суда Московской области от 17.08.2017 N 1/454 URL : <https://sudact.ru/regular/doc/LOvEwfFCNoV/> (дата обращения: 10.03.2023).

4 Приговор Шарыповского районного суда Красноярского края от 23.06.2021 N 1-39/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/26jletESoUIN/> (дата обращения 06.12.2022).

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

одновременно с семенами. Так, в сентябре 2022 г. в г. Норильске был задержан М., который незаконно хранил 22 грамма конопли. В ходе обыска в его квартире в палатке, установленной в одной из комнат и оборудованной системой вентиляции и орошения, были обнаружены 31 растение конопли, произрастающие в горшках, а также удобрения, семена для выращивания еще одной партии и готовая к сбыту конопля массой 2,8 кг¹.

Разновидностью таких палаток являются гроубоксы, в которых преступники осуществляют выращивание наркосодержащих растений. Гроубокс – это небольшое сооружение, предназначенное для выращивания растений, позволяющее регулировать микроклимат и поддерживать благоприятные условия среды (почвенной или гидропонной), при этом внутренняя часть покрывается светоотражающими материалами – фольгой, белой краской и т.д. В зависимости от размеров различают стандартные гроубоксы, гроукомпакт, стелс. Стандартные гроубоксы, как правило, имеют размеры 1000x1000x2000 мм. При таких параметрах, лицо может без труда разместить в нем необходимое и специальное оборудование для успешной реализации незаконного культивирования. Указанные габариты позволяют высадить 2 и более растения. Гроукомпакт – это уменьшенный вид гроубокса. Благодаря своим габаритным особенностям, он не занимает много места, без труда встраивается в мебель, которая имеется в доме. Стелс – это мини-версия гроубокса. Такой бокс является самым сложным и искусным видом. Как правило, культивирование растений осуществляется в оборудованном корпусе от компьютера либо в акустической колонке. Можно сказать, что использование гроукомпакта и стелса позволяют замаскировать преступную деятельность, чтобы при входе в помещение, где производится культивация, посторонние люди не заметили следов преступления.

Зачастую незаконное культивирование нарकोкультур в гроубоксах осуществляется гидропонным методом.

Гидропоника – это такой способ выращивания, при котором не используется почва и растения получают все необходимые питательные вещества из влажно-воздушной, водной или твердой пористой среды (то есть используются искусственные субстраты и питательные растворы). При применении такого метода необходимо следить за тем, чтобы постоянно производился капельный полив водным раствором минеральных солей. На данный момент специалисты выделяют три основных метода гидропоники: водная культура, субстратная культура и воздушная культура (или так называемая аэропоника). Преимущество данного метода заключается в том, что в конечном счете наблюдается большой объем урожая, с лучшим качеством и за более короткие сроки, нежели чем выращивание в почвенной культуре. Так, В. в августе 2020 г. в своей квартире, расположенной в г. Красноярске, в одной из комнат оборудовал мебельный шкаф вытяжной вентиляцией, источниками освещения со специальными лампами с высокой свето- и теплоотдачей, термометром для измерения температуры и высадил семена растения конопля (растения рода *Cannabis*) в горшки с землей².

Культивирование возможно и в бане на дачном участке (3%). Например, Н. (Курагинский район Красноярского края) в бане осуществлял незаконное культивирование 29 растений конопли. В ходе обыска было обнаружено около 2 кг марихуаны и 2 свертка с гашишным маслом³.

Для этой цели могут арендоваться и нежилые помещения (склады, гаражи, сараи). Так, К. и М. арендовали складское помещение, расположенное за территорией г. Сосновоборска Красноярского края, где установили два металлических контейнера, оборудовали

1 URL: <https://24.мвд.рф/news/item/32295385/> (дата обращения 06.12.2022).

2 Обвинительное заключение по уголовному делу по обвинению В. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 231, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Уголовное дело с обвинительным заключением направлено прокурору Красноярского края в 2021 г.

3 В Курагинском районе неравнодушная женщина сообщила в полицию о незаконном хобби мужа // МВД Медиа. URL: <https://24.мвд.рф/news/item/37332657/> (дата обращения: 13.04.2023).

их, высадили в горшки семена конопли в количестве 15 шт.¹

В единичных случаях местом для осуществления незаконной деятельности может выступать ванная комната (2%). Так, К в своем доме на втором этаже оборудовал ванную комнату температурными датчиками, системами вентиляции и полива, где занимался культивированием растения «конопля» (растение рода Cannabis)².

Местами для реализации преступной деятельности могут выступать подвалы, чердаки и другие нежилые помещения (7%). Например, Г. с целью незаконного культивирования конопли преобразовал чердак жилого дома, соорудив в нем три помещения, которые разделил стенами и установил для каждого помещения двери, а также каждый сектор оборудовал вентиляцией, вмонтировав вентиляционную систему в виде пластиковых труб с вентиляторами³.

3. Приобретение оборудования, позволяющего сократить трудозатраты и максимально автоматизировать процесс ухода:

– гидропонные установки, специальное осветительное (компактная люминесцентная лампа (ЭСЛ), натриевые лампы высокого давления (ДНАТ), металлогалогеновые лампы (МГЛ), вентиляционное и терморегулирующее оборудование (гофры, вентиляторы для обдува, электронные термометры, компрессоры, лампы обогрева, увлажнители воздуха и т.д.), системы вентиляции (фильтры, вытяжки), устройства контроля микроклиматических параметров (метеостанция или гигрометр с термометром), приборы контроля уровня кислотности и насыщения солями –

pH- и TDS-метры, нейтрализаторы запахов, системы полива и т.д.

Так, Н. приискал методику выращивания конопли методом гидропоники, приобрел грунт, семена конопли, удобрения, специальное осветительное, вентиляционное и терморегулирующее оборудование, систему полива, которыми оборудовал комнату в жилом помещении, где в специально подготовленные емкости поместил грунт и посадил не менее 20 семян конопли, создав условия для искусственного полива и выращивания наркосодержащего растения конопля (растение рода Cannabis)⁴;

– инструменты и инвентарь, используемый для посадки и ухода: грабли, лопаты, мотыги, тяпки, рыхлители, культиваторы и т.д. Когда площадь земли большая, могут приобретаться различные сельскохозяйственные машины – тракторы, комбайны. Для выращивания рассады преступниками на этапе подготовки могут приобретаться горшки, ящики, ведра, стаканы, многоячеечные кассеты и иные емкости, а также предметы, необходимые для поливки растений – лейки, шланги и т.д. Для повышения урожайности приобретается специальный грунт, субстраты, удобрения.

Полагаем, что владение сведениями о подготовительном этапе к осуществлению преступной деятельности, в том числе изложенными в данной статье, будет способствовать оптимизации процесса формирования доказательственной базы по уголовным делам по фактам незаконного культивирования наркосодержащих растений.

1 Обвинительное заключение по обвинению Б и К в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 231; ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Уголовное дело с обвинительным заключением направлено заместителю прокурора Красноярского края в 2022 г.

2 Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 29.07.2020 N 1-94/2020 URL : https://sudact.ru/regular/doc/BoZHGk68bAWN/?page=14®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-date обращения: 25.03.2023.

3 Приговор Джанскойского районного суда Республики Крым от 20.07.2020 N 1-132/2020 URL : https://sudact.ru/regular/doc/InDynvaMPVdn/?page=19®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-date обращения: 10.03.2023.

4 Обвинительное заключение по обвинению Н. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 231; п. «Г» ч. 4 ст. 228.1; ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Уголовное дело с обвинительным заключением направлено заместителю прокурора г. Красноярска в 2021 г.

Библиографический список

1. Архипова, Н.А. Тактические особенности производства осмотра места происшествия по факту незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры / Н.А. Архипова, В.С. Горшкова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – N 3 (19). – С. 51-61.
2. Гладких, А.В. Особенности криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 231 УК РФ, совершенных на территории г. Красноярск и Красноярского края, и ее значение в расследовании данных преступлений / А.В. Гладких // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы международной научно-практ. конф. Часть 2. – Красноярск, 2020. – С. 514-517.
3. Ибрагимова, А.Х. Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества: по материалам Республики Дагестан : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Х. Ибрагимова. – Махачкала, 2003. – 192 с.
4. Исаков, Р.С. Противодействие незаконному культивированию конопли, осуществляемому в условиях помещений / Р.С. Исаков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV международной научно-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Красноярск, 2022. – С. 246-249.
5. Ищенко, Д.П. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным культивированием запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.П. Ищенко. – Ростов-на-Дону, 2005. – 188 с.
6. Подолевский, А.С. Особенности осмотра места происшествия при расследовании незаконного культивирования наркосодержащих растений / А.С. Подолевский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – N 4 (4). – С. 56-60.
7. Пожидаев, И.Е. Проблемы уголовно-правового противодействия незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Е. Пожидаев. – М., 2015. – 177 с.
8. Раскрытие и расследование незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : монография / А.М. Кустов [и др.]. – М., 2022. – 156 с.
9. Сазонова, Т.В. Использование специальных познаний при проведении отдельных следственных действий по делам о незаконном культивировании наркосодержащих растений методом гидропоники / Т.В. Сазонова // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы научно-практ. конф. – Иркутск, 2021. – С. 178-180.
10. Скоморохов, О.Н. Особенности фиксации данных, полученных в ходе осмотра места происшествия по делам о незаконном культивировании наркотических растений / О.Н. Скоморохов // Актуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе : материалы всероссийской научно-практ. конф. – СПб., 2017. – С. 134-137.
11. Хайков, Ф.М. Уголовная ответственность за незаконный оборот прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ф.М. Хайков. – М., 2017. – 168 с.
12. Чистова, Л.Е. Расследование незаконного культивирования наркотикосодержащих растений : монография / Л.Е. Чистова. – М., 2015. – 184 с.

Виталий Михайлович СТРУГОВЕЦ,

пресс-секретарь АО «Центральный
научно-исследовательский институт точного
машиностроения» (г. Москва),
кандидат политических наук

strugvec@rambler.ru

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ «КАНАЛ»
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**INFORMATION SUPPORT
OF THE INTERNATIONAL SPECIAL ANTI-DRUG OPERATION «CHANNEL»
IN THE FORMAT OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION**

В статье представлены результаты исследования информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции, проводимой Организацией Договора о коллективной безопасности с привлечением третьих стран и международных структур. Определены основные этапы развития информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции «Канал», их цели и задачи. Выявлены характер и тематическая направленность инфоповодов, основные темы и информационные доминанты публикаций.

В ходе исследования применялись методы изучения документов и результатов деятельности, наблюдения, контент-анализа, экспертных оценок, опросов, обобщений и др.

Исследование дает представление об общем понимании информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции, его специфики и методах организации.

Результаты исследования могут быть транспонированы для организации информационного обеспечения противодействия другим современным вызовам и угрозам: нелегальной миграции, незаконному обороту оружия и боеприпасов, наемничеству и т.д.

The article presents the results of a research of information support for an international special anti-drug operation conducted by the Collective Security Treaty Organization with the involvement of third countries and international structures. The main stages of the development of information support for the international special anti-drug operation «Channel», their goals and objectives are determined. The nature and thematic orientation of information guides, the main topics and information dominants of publications are revealed.

During the research, methods of studying documents and results of activities, observation, content analysis, expert assessments, surveys, generalizations, etc. were used.

The research gives an idea of the general understanding of the information support of the international special anti-drug operation, its specifics and methods of organization.

The results of the research can be transposed to organize information support for counteraction to other modern challenges and threats: illegal migration, illegal trafficking of weapons and ammunition, mercenary activities, etc.

Ключевые слова: информационное обеспечение, антинаркотическая операция, ОДКБ.

Keywords: information support, anti-drug operation, CSTO.

Проблематике антинаркотической деятельности, в том числе в формате Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), посвящено большое количество исследований, в которых рассмотрены законодательные, юридические, медицинские, специальные, международные, экономические и другие аспекты этой сферы¹. Но практически вне поля зрения исследователей остался вопрос информационного обеспечения антинаркотической деятельности, конкретно – информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции «Канал». Данная статья восполняет этот пробел.

Для всестороннего и объективного анализа процесса информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции «Канал» в формате ОДКБ необходимо сначала рассмотреть само понятие информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции, которое условно разделим на две составляющие: информационное обеспечение и международная специальная антинаркотическая операция.

Несмотря на значительное количество исследований, авторами которых являются Р.В. Мельник [2], И.Н. Панарин [4], В.К. Белозеров [1], Е.Г. Торсуков [6], М.В. Рыклина [5] и др., пока нет единого понимания термина «информационное обеспечение». Существующие точки зрения позволяют выделить два основных подхода к его пониманию: как совокупность информационных ресурсов и

услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения, и как создание необходимых условий, благоприятной информационной среды для принятия определенных решений и их реализации.

Государственная позиция выражена в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации², где информационное обеспечение определяется «доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни». Очевидно, что это определение тяготеет ко второму подходу.

Исходя из темы исследования возьмем за основу именно этот подход.

Гораздо меньше вопросов вызывает вторая составляющая исследуемого определения: международная специальная антинаркотическая операция. Учитывая, что операция – это один из элементов антинаркотической деятельности, а последняя – это деятельность по реализации государственной антинаркотической политики, возьмем за основу устоявшееся определение: антинаркотическая политика – это система стратегических приоритетов и мер, а также деятельность всех органов государственной власти и местного самоуправления, направленная на предупреждение, выявление и пресечение незаконного оборота наркотиков и их прекурсоров, профилактику немедицинского потребления

1 Напр.: Тетерятников Н.Ю. Региональная международная антинаркотическая операция постоянного действия «Канал» ОДКБ // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : материалы международного научно-практического семинара. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 51-56; Федоров А.В. Законодательное обеспечение противодействия наркоагрессии на пространстве СНГ: вопросы гармонизации // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2006. N 1. С. 101-105; О состоянии наркопреступности в государствах – членах ОДКБ в 2021 г.: аналитический обзор / М.Г. Мелихов и др. Домодедово, 2022; Тарханян Т.К. Борьба с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков в рамках ОДКБ // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XIII международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 2 ч. М., 2015. С. 325-338; Хатаев А.Ц. Интеграция правоохранительных систем по противодействию незаконному обороту наркотиков и обеспечение экономической безопасности : автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2007; Иванов В.П. О некоторых результатах деятельности Координационного совета руководителей компетентных органов государств – членов ОДКБ (по материалам выступления на 16-м заседании КСПОН, 26.05.2015, г. Душанбе) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. N 3 (20). С. 7-14.

2 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 N 646. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/>.

наркотиков, лечение и реабилитацию больных наркоманией¹.

Таким образом, можем выдвинуть дефиницию: информационное обеспечение международной специальной антинаркотической операции «Канал» – это скоординированная по целям и задачам специфическая информационная деятельность, направленная на создание благоприятных внешних и внутренних информационных условий для достижения целей и решения задач международной антинаркотической деятельности заинтересованных структур и общества в целом по предупреждению, выявлению и пресечению незаконного оборота наркотиков и их прекурсоров, противодействию легализации наркодоходов, профилактике немедицинского потребления наркотиков в формате Организации Договора о коллективной безопасности и присоединившихся к операции третьих стран и международных организаций.

Проведенный анализ деятельности ОДКБ дает основания назвать специальную антинаркотическую операцию «Канал» самым успешным проектом в формате Организации. За последние 18 лет проведены 35 этапов операции, в ходе которых, как сообщили автору исследования в Координационном совете руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) ОДКБ, выявлены 146 тысяч наркопреступлений, 7 589 организованных преступных групп, изъято свыше 430 тонн наркотиков и более 14 тысяч единиц огнестрельного оружия.

Антинаркотической деятельностью в формате Организации занялись в 2005 г., когда высшим органом ОДКБ – Советом коллективной безопасности, в состав которого входят главы государств-членов, было принято решение о создании Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств – членов ОДКБ, а также утверждено положение о его деятельности. Но до этого решения были сде-

ланы значимые предварительные шаги, о которых скажем ниже.

Отличительной чертой проекта стало то, что, несмотря на специфику оперативно-розыскной деятельности, положенной в основу операции «Канал», главами государств – членов ОДКБ, руководством соответствующих структур значительное внимание было уделено информационному обеспечению.

«Руководство ФСКН России, наши коллеги по ОДКБ понимали, что поставить серьезный заслон наркотрафику только силами специальных органов невозможно. Требовалась огромная разъяснительная работа по предупреждению незаконного потребления наркотиков, легализации доходов от наркотрафика», – рассказал в эксклюзивном интервью автору исследования начальник Управления по взаимодействию с общественностью и СМИ ФСКН России (2008-2015 гг.) генерал-майор полиции Николай Карташов.

На основе обобщения значительного объема материала – международных решений и соглашений, подписанных как в формате ОДКБ, так и с третьими странами и международными структурами, организационно-плановых документов, результатов деятельности КСОПН ОДКБ и национальных структур по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов и третьих стран, контент-анализа публикаций СМИ, эксклюзивных экспертных оценок и личного опыта автора во время работы пресс-секретарем ОДКБ (2005-2010 гг.) – предлагается выделить следующие основные этапы развития информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции «Канал»:

– этап институционально-организационного оформления антинаркотической деятельности Организации в информационной сфере;

– выработка позитивного образа ОДКБ как организации, эффективно противостоящей наркотрафику, и реализация в информационной сфере политики стремлений государств-членов ОДКБ к ведению между-

1 Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 23.11.2020 N 733. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74838781/>.

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

народной согласованной антинаркотической политики;

– продвижение позитивного образа ОДКБ в рамках расширяющейся антинаркотической деятельности Организации.

Этап институционально-организационного оформления антинаркотической деятельности Организации в информационной сфере берет отсчет с момента Душанбинской сессии Совета коллективной безопасности в апреле-мае 2003 г., когда решением Совета секретарям Советов безопасности государств – членов ОДКБ было предложено на базе положительного опыта проведения антинаркотической операции «Канал» в формате СНГ проанализировать ситуацию с наркотрафиком и предложить систему конкретных мер по борьбе с наркоугрозой в формате Организации.

5 сентября 2008 г. в г. Москве Советом коллективной безопасности ОДКБ было принято решение «О дополнительных мерах по усилению антинаркотической деятельности в рамках ОДКБ». Решение закрепило План мероприятий государств – членов ОДКБ на 2008-2010 гг. Пунктом 2.1 предлагалось в 2008-2009 гг. придать комплексной оперативно-профилактической операции «Канал» статус постоянной действующей Региональной антинаркотической операции ОДКБ, а также рассмотреть возможность участия в ней в качестве наблюдателей правоохранительных органов государств, не являющихся членами Организации.

В 2008 г. «Канал» получил статус постоянной действующей Региональной антинаркотической операции ОДКБ¹.

Основными информационными задачами в этот период являлись пропаганда решений Душанбинской и Московской сессий СКБ, внедрение в общественное сознание факта образования новой региональной организации безопасности, способной к объединению здоровых сил, противостоянию международной наркоугрозе и другим современным вызовам.

В целом данный этап предоставил хорошие возможности для информационного присутствия Организации в российских и зарубежных средствах массовой информации.

Основными темами публикаций стали:

– значительный рост наркопреступлений и наркоугрозы в целом. В ОДКБ вынуждены были констатировать, что после 1991 г. мировые преступные группы полноправно вошли на территорию государств – членов ОДКБ, плотно взяли под свой контроль незаконный оборот наркотических и психотропных средств, создали подконтрольные себе преступные наркогруппировки. Имея значительные денежные средства (доход от мирового наркотрафика составлял от 300 до 2000% прибыли за короткие сроки, что дало возможность ежегодно легализовать до 1,5 трлн долларов США), они получили возможность влиять на разнообразные социальные, информационные, экономические, политические, военные процессы стран;

– резкое обострение ситуации после ввода в 2001 г. в Афганистан под предлогом борьбы с терроризмом международных сил содействия безопасности во главе с США, когда, по оценке экспертов, наступил переломный момент по культивированию наркосырья, увеличению незаконного изготовления и производства, созданию условий для развития наркотрафика. В результате из Афганистана через государства – члены ОДКБ Республику Таджикистан, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику в Российскую Федерацию начались масштабные поставки наркотических средств опийной группы. Наркотрафик получил название «Северный маршрут». Возникла необходимость правоохранительным органам государств – членов ОДКБ сосредоточить основные силы и средства на данном направлении;

– создание «поясов безопасности» вокруг Афганистана, блокирование каналов нелегальной транспортировки наркотиков по «Северному маршруту», контрабандного поступления в государства Центральной Азии

1 С 1996 г. по 2003 г. операция организовывалась и проводилась МВД России, с 2003 г. по 2015 г. – ФСКН России, а с 2016 г. по настоящее время – МВД России. В 2016 г. не проводилась с учетом оргштатных изменений. С 2003 г. по 2008 г. операция проводилась и реализовывалась по указанию президентов государств – членов СНГ.

и Афганистан прекурсоров (реагенты, вещества используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических и психотропных средств), пресечение деятельности транснациональных преступных групп, причастных к этим поставкам, поставок синтетических наркотиков из Европы в государства – члены ОДКБ, легализации наркодоходов;

– организация сотрудничества на межгосударственной основе, отработка системы руководства и управления многоуровневым механизмом противодействия наркоугрозе в рамках единого оперативного замысла операции;

– закладывание основ для интеграции правоохранительных систем государств-участников в борьбе с наркоугрозой.

– демонстрация профильным международным структурам и мировой общественности возможностей КСОПН государств – членов ОДКБ и Организации в целом.

Наряду с этим операция активно использовалась как площадка для проведения консультаций представителей компетентных органов государств-участников, стран-наблюдателей и международных организаций, а также ряда двусторонних встреч по вопросам взаимодействия в сфере выявления и блокирования межрегиональных и международных каналов контрабанды наркотиков.

Если в 2003 г. в операции приняли участие только компетентные органы государств – членов ОДКБ, то в последующие годы к ним присоединились другие страны и международные организации:

в 2004 г. – Азербайджан, Узбекистан, Иран. При подведении итогов операции «Канал-2004» присутствовал заместитель Гене-

рального Секретаря ООН исполнительный директор УНП ООН А.М. Коста;

в 2005 г. – Украина, Китай, Пакистан;

в 2006 г. – Монголия, Польша, США, Финляндия и Эстония;

в 2007 г. – Афганистан и Туркменистан, а также представители Интерпола и Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Таким образом, параллельно с процессом институализации антинаркотической деятельности ОДКБ шел процесс расширения круга участников операции и ее международного признания, выход за рамки региона ответственности Организации. К 2023 г. в международной специальной антинаркотической операции «Канал» принимали участие, кроме государств – членов ОДКБ, специальные службы более чем 25 стран мира и более чем 20 межгосударственных структур¹.

С особым вниманием за процессом становления новой региональной организации на постсоветском пространстве наблюдали СМИ западных государств, регулярно и нередко ревностно обращавшиеся к теме нового военно-политического союза.

Этап выработки позитивного образа ОДКБ как организации, эффективно противостоящей наркотрафику, и реализации в информационной сфере политики стремлений государств – членов ОДКБ к ведению международной согласованной антинаркотической политики занимает целое десятилетие (2010-2019 гг.). Он характеризуется:

– выработкой новых форм реализации операции;

1 Азербайджанская Республика, Исламская Республика Афганистан, Республика Болгария, Многонациональное Государство Боливия, Боливарская Республика Венесуэла, Федеративная Республика Германия, Исламская Республика Иран, Королевство Испания, Итальянская Республика, Китайская Народная Республика, Республика Колумбия, Латвийская Республика, Литовская Республика, Республика Монголия, Республика Никарагуа, Исламская Республика Пакистан, Республика Перу, Республика Польша, Румыния, Сирийская Арабская Республика, Соединенные Штаты Америки, Турецкая Республика, Туркменистан, Украина, Финляндская Республика, Эстонская Республика. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Международная организация уголовной полиции (Интерпол), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансирования терроризма (ЕАГ), Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств (БКБОП СНГ), Комитет глав правоохранительных подразделений Совета руководителей таможенных служб государств – участников Содружества Независимых Государств (КГПП СРТС СНГ), Координационная служба Совета командующих пограничными войсками государств – участников Содружества Независимых Государств (КС СКПВ СНГ) и др.

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

- сосредоточением основных усилий на определенных направлениях;
- «специализацией» по типам наркотиков;
- особым вниманием к новым способам распространения наркотиков, в частности, через социальные сети;
- перемещением международного координационного штаба из Москвы непосредственно в регионы проведения операции.

Например, с целью сосредоточения основных усилий на определенных направлениях в кризисных регионах, вызывавших особый «интерес» антинаркотических структур, были проведены операции «Канал – Юг» (2010 г.), «Канал – Запад» (2011 г.), «Канал – Восток» (2012 г.), «Канал – Кавказ» (2013 г.), «Канал – Волжский рубеж» (2017 г.) и др., целью которых стало пресечение деятельности транснациональных наркогруппировок в Южном (Таджикистан, Казахстан, Киргизия), Западном (Республика Беларусь и Российская Федерация) и Кавказском (Республика Армения и Российская Федерация) регионах ответственности ОДКБ, на российском Дальнем Востоке и в Волжско-Каспийском регионе.

Операции «Канал – Транспорт» (2012 г.), «Канал – Синтетик – почта» (2015 г.), «Канал – Долина» (2014 г.), «Канал – Западный заклон» (2017 г.), «Канал – Восток» (2017 г.) при решении общих вопросов антинаркотической деятельности были более «заточены» на специальные задачи – перекрытие каналов контрабанды синтетических наркотиков из Европы или Китая, пресечение незаконных поставок наркотиков через различные объекты транспортной инфраструктуры – аэропорты, морские порты, железнодорожные узлы и станции, противодействие транснациональным наркогруппировкам, осуществляющим поставки новых видов синтетических наркотиков, в том числе дизайнерских, с использованием каналов почтовой связи, выявление и пресечение деятельности интернет-сайтов по продаже наркотиков и т.д.

Успешным признано и перемещение международного координационного штаба из Москвы непосредственно в регионы проведения операции. В частности, в течение

2010-2019 гг. Штаб международной специальной антинаркотической операции «Канал» работал в городах Ереван, Душанбе, Алматы, Благовещенск, Санкт-Петербург, Владивосток, Саратов, Чолпон-Ата и Ош (оба Кыргызская Республика), Шымкент (Республика Казахстан), Брест и Гродно (Республика Беларусь) и в других.

Все это стало смысловыми доминантами нового этапа информационного обеспечения международной специальной антинаркотической операции «Канал».

Положительный опыт взаимодействия со СМИ в ходе первого этапа дал возможность антинаркотическим службам перейти к более полному информированию журналистов о ходе специальных операций, порой даже с раскрытием тех или иных методов оперативно-розыскной деятельности.

По данным КСОПН ОДКБ, по итогам каждой операции «Канал» объем публикаций исчислялся тысячами, что объясняется как информационной значимостью темы, так и масштабами мероприятий, их итогами. Информация подавалась во всем спектре жанров: от кратких сообщений информагентств до телевизионных репортажей, нередко с использованием оперативной съемки и непосредственным привлечением журналистов на оперативные мероприятия, и аналитических статей в печатных СМИ. Значительное внимание уделяли новым формам наркоэкспансии. И здесь было о чем сказать: например, в ходе операции «Канал – Второй барьер» (май 2022 г.) только за один месяц зафиксировали 306 интернет-сайтов, занимавшихся распространением запрещенной информации о наркотиках. При этом КСОПН, национальные антинаркотические структуры государств – членов ОДКБ стремились вести информационную работу не периодически – только во время проведения «Канала», а поставить ее на постоянную основу, регулярно делая «вбросы» значимой информации и используя для этого не метод «рассылки всем», а точечное привлечение СМИ. В ходе этапа особое внимание уделялось работе с региональными СМИ, которые, как известно, «ближе» стоят к местному населению и потому пользуются

их большим доверием. Акцентированию внимания на региональные СМИ значительно способствовало и то, что в указанные годы операции «Канал» стали более «специализированными» как по регионам проведения, так и по направлениям деятельности.

Как отметил в эксклюзивном интервью автору исследования заместитель руководителя КСОПН ОДКБ М.Г. Мелихов, несмотря на международный статус операции никогда не возникало проблем во взаимодействии со СМИ. Понимая специфику специальной деятельности, журналисты не требовали от оперативных служб только эксклюзивной информации, не настаивали на ее «обязательном расширении», с особой тщательностью подходили к использованию специальной терминологии. Не возникало и «трудностей перевода», т.к. за прошедшие годы уже отработана соответствующая единая терминология как в формате ОДКБ, так и ООН в целом. Значимым фактором успешного взаимодействия со СМИ в ОДКБ считают и то, что немалая часть «антинаркотического пула» журналистов прошла соответствующие тренинги на базе Всероссийского института переподготовки профессиональных кадров МВД России, который является базовой организацией ОДКБ.

Третий этап – *продвижение позитивного образа ОДКБ в рамках расширяющейся антинаркотической деятельности Организации* – предлагаем считать с 2021 г. (в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса операция «Канал» не проводилась). Точка отсчета – февраль 2021 г., когда решением СКБ была утверждена Антинаркотическая стратегия государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы и дальнейшую перспективу, с некоторыми положениями которой автору исследования удалось ознакомиться в эксклюзивном порядке. Документ констатирует, что «современная наркоситуация в зоне ответственности ОДКБ характеризуется сохранением на высоком уровне масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления наркотиков, лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием, что

представляет серьезную угрозу национальной безопасности и экономике государств – членов ОДКБ, здоровью и благополучию их населения» и определяет основную цель в «достижении существенного сокращения к 2025 году масштабов незаконного оборота наркотиков, а также их немедицинского потребления в государствах – членах ОДКБ». Определенный круг задач предлагается решать с активным использованием средств массовой информации.

В частности, отмечается, что необходимо проведение информационной политики в СМИ по противодействию любым формам пропаганды немедицинского потребления наркотиков и вовлечению молодежи в распространение наркотиков. В целях выработки новых способов, методов и технологий борьбы с незаконным оборотом наркотиков и новых психоактивных веществ, профилактики наркопотребления и лечения наркомамии рекомендовано обсуждать эти вопросы в ходе медиафорумов. И в целом всю систему профилактики немедицинского потребления наркотиков государства – члены ОДКБ планируют строить на деятельности «трех китов» – органов государственной власти, институтов гражданского общества и средств массовой информации.

Подводя итоги исследования, отметим: потенциал информационного обеспечения позволяет субъектам международной антинаркотической деятельности решать с его помощью ряд важнейших задач, основными из которых являются: мониторинг и прогноз развития наркообстановки как в целом, так и в регионах, представляющих особый интерес либо угрозу национальной и коллективной безопасности; обеспечение функционирования системы управления международными силами антинаркотического реагирования, содержательное наполнение сложившихся в этой системе информационных потоков и управление ими; мобилизация широкой международной ресурсной поддержки – аккумуляция политических, специальных, материальных, информационных и людских ресурсов, необходимых для достижения целей и решения задач международной антинар-

котической деятельности; убеждение международного сообщества, населения стран-участниц, населения кризисных регионов в необходимости специального вмешательства, обоснование целей, декларируемых субъектами международной антинаркотической деятельности; оправдание в глазах мирового сообщества, населения стран-участниц и региона реагирования участия специальных и воинских контингентов, в том числе из других стран, в проведении антинаркотической операции; стабилизация информационной обстановки в зоне кризиса, создание благоприятных информационных условий для проведения антинаркотической операции,

противодействие слухам и дезинформации; формирование у населения в районе проведения операции единой точки зрения на происходящие события; содействие интеграционным процессам стран-участниц и международных структур и расширение деятельности ОДКБ в целом и государств – членов Организации в отдельности на «мировом рынке» антинаркотических услуг.

Столь обширный перечень задач, решаемых в рамках информационного обеспечения, по праву ставит этот вид деятельности в разряд важнейших инструментов международной антинаркотической деятельности.

Библиографический список

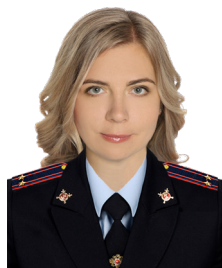
1. Белозеров, В.К. Информационное обеспечение военной политики государства / В.К. Белозеров // Власть. – 2002. – N 11. – С. 23-26.
2. Мельник, Р.В. Информационное обеспечение органов власти / Р.В. Мельник // Управление информационными ресурсами : материалы XIX международной научно-практической конференции. – Минск, 2023. – С.101-104.
3. Онищук, С.М. Информационные операции в ходе урегулирования ситуации в Боснии и Герцеговине: уроки для России / С.М. Онищук. – М., 2001.
4. Панарин, И.Н. Технология информационной войны / И.Н. Панарин. – М., 2003.
5. Рыклина, М.В. Роль средств массовой информации в освещении ЧС / М.В. Рыклина. – М., 2004.
6. Торсуков, Е.Г. Информационная работа со средствами массовой информации, общественными организациями и населением в ходе вооруженных конфликтов / Е.Г. Торсуков. – М., 2004.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.9

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_118

Надежда Афанасьевна ДУДИНА,

доцент кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних
дел Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
nadezhda.dudina.87@mail.ru

Марина Александровна АРСКАЯ,

доцент кафедры иностранных и русского языков
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат филологических наук, доцент
arma3812@yandex.ru

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ, УСТАНОВЛИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРКОПРАВОНАРУШЕНИЯ

SURVEY ON UK LEGISLATION ESTABLISHING LIABILITY FOR DRUG OFFENSES

В статье рассматриваются мировые модели противодействия наркоугрозам. Центральное место в исследовании занимает анализ наркоситуации в Великобритании, а также состояние законодательства об ответственности за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков в контексте сравнения с законодательством Российской Федерации.

The article considers the world models of countering drug threats. The study focuses on the analysis of the drug situation in the UK, as well as the state of legislation on liability for drug offences in the context of comparison with the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: Великобритания, наркоправонарушения, зарубежный опыт, опыт Великобритании, наркоситуация в Великобритании.

Keywords: Great Britain, drug offenses, foreign experience, UK experience, UK drug situation.

Международная борьба с наркотиками сегодня, как и прежде, имеет чрезвычайно важный характер. Согласно данным Всемирного доклада о наркотиках за 2022 год, в 2020 году каждый восемнад-

цатый житель Земли в возрасте от 15 до 64 лет, что соответствует 284 млн человек (5,6% населения), употреблял наркотики хотя бы один раз за последние 12 месяцев. Количество лиц, употреблявших наркотики (284 млн

человек) в 2020 году, было на 26% больше, чем в 2010 году, что отчасти объясняется приростом мирового населения¹.

Отдельные авторы отмечают, что в мире выработаны три стратегии оборота наркотиков: «запретительная (Россия), легальная (Голландия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания, Австралия) и промежуточная, или концепция «меньшего вреда» (Чехия, США, Швеция)» [1].

Другие же авторы предлагают условное деление мировых моделей противодействия наркоугрозам на четыре группы [3]. Первая – модель «жесткой политики». Антинаркотическое законодательство таких стран максимально строгое и жесткое, в том числе допускает применение смертной казни (Иран, Пакистан, Сирия, Сингапур, Китай и др.).

Вторая модель – «компромиссная стратегия». Эта модель «характерна для общества с тотальной криминальной зараженностью и предполагает установление договорных (полуофициальных) отношений с лидерами преступного мира» [3, с. 152-153].

Третья модель – «либеральная политика». Данное направление предполагает воплощение идей и законодательных инициатив о легализации наркотиков.

Четвертая модель – «модель контроля». Данная модель характерна для антинаркотической политики нашего государства. Идея рассматриваемой модели содержится в Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. N 690, а также продолжается в Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 года. Ключевым элементом данной модели является многочисленность видов и частота использования термина «контроль».

Начиная с 1961 г. страны – участники ООН, «будучи глубоко озабочены масштабами и тенденцией роста незаконного про-

изводства, спроса и оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые представляют собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества»², участвовали в различных конференциях для принятия единых нормативных правовых актов с целью обеспечить эффективный международный контроль в сфере легального и незаконного оборота наркотиков.

Каждая страна, ратифицировав основные международные договоры по контролю над наркотиками, установила в национальном законодательстве меры ответственности. Вопрос деления государств по критерию жесткости законодательства об ответственности за наркоправонарушения не получил широкого освещения в науке.

Вместе с тем отдельные авторы предлагают следующую классификацию стран:

– страны с либеральным законодательством (допускается немедицинское потребление легких наркотиков; установление уголовной ответственности за употребление тяжелых наркотиков): Испания, Швейцария, Королевство Нидерланды (Голландия);

– страны с умеренно жестким законодательством: Германия, Франция, Италия, Россия и другие, где «смертная казнь не применяется за преступления, связанные с оборотом наркотиков, но при этом предусмотрены длительные сроки лишения свободы» [6];

– страны с жестким антинаркотическим законодательством (где в качестве наказания за наркопреступления предусматривается даже смертная казнь): США, Япония, Великобритания, Испания, Австралия [6].

В проведенном в 2022 г. научном исследовании «Сравнительный анализ ответственности, предусмотренной административным и уголовным законодательством зарубежных стран за совершение противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом нар-

1 Всемирный доклад о наркотиках, 2022 год (издание Организации Объединенных Наций, 2022 год). С. 65.

2 Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 : принята Конференцией ООН на 6-м пленарном заседании 19.12.1988. Конвенция вступила в силу 11.11.1990. СССР ратифицировал Конвенцию постановлением ВС СССР от 09.10.1990 N 1711-I. Конвенция вступила в силу для СССР 17.04.1991. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf.

котиков» коллективом авторов Сибирского юридического института МВД России предложена условная классификация государств по степени жесткости антинаркотического законодательства исходя из размера максимального наказания из предусмотренных уголовным законодательством за незаконный сбыт наркотиков:

– с либеральным законодательством, где максимально возможное наказание за незаконный сбыт наркотиков устанавливается в диапазоне до 10 лет лишения свободы: Германия, Испания, Финляндия, Франция;

– с умеренно жестким законодательством, где максимально возможное наказание устанавливается в диапазоне от 10 до 25 лет лишения свободы, но не связано с пожизненным лишением свободы или смертной казнью: Беларусь, Индия, Таджикистан, Украина, Япония;

– со строгим законодательством, предусматривающим возможность применения пожизненного лишения свободы или смертной казни: Российская Федерация, Великобритания, Казахстан, Китай, США и др.

Причинами обращения к законодательству, устанавливающему ответственность за наркоправонарушения в Великобритании, послужили два фактора: гносеологический (анализ законодательства представляет познавательный и научный интерес) и практический (возможность заимствования отдельных положений законодательства Великобритании в антинаркотическое законодательство России). Подобное деление факторов ранее было предложено П.В. Тепляшиным [7].

Справедливо отмечено Н.Н. Цукановым, что «сравнение национального антинаркотического законодательства с зарубежными аналогами представляется весьма перспективным в части выявления его преимуществ и недостатков, определения путей дальнейшего совершенствования» (курсив наш. – Н.Д., М.А.) [8].

Великобритания, как и Россия, относится к странам со строгим антинаркотическим законодательством, несмотря на принадлежность к разным правовым семьям.

К числу основных законов, регламентирующих общественные отношения в сфере обо-

рота наркотиков в Великобритании, относятся следующие: Закон о злоупотреблении наркотиками (1971 г.) (Drug Misuse Act 1971), Закон о лекарственных средствах (1968 г.), Закон о психоактивных веществах (2016 г.), Закон о лекарственных средствах (Medicines Act 1968), Закон о незаконном обороте наркотиков (Drug Trafficking Act 1994).

Законодательство Великобритании не разграничивает преступления и административные правонарушения. При обозначении противоправных действий в официальных документах употребляется единый термин «offence», который может быть переведен на русский язык и как «преступление», и как «правонарушение».

Напомним, что уголовное право Великобритании состоит из следующих основных источников: «статуты» (законов) и «прецеденты» [5]. В связи с отсутствием в правовой системе Великобритании уголовного кодекса одновременно применяются сразу несколько законов, которые устанавливают не только саму ответственность за преступления, но и обстоятельства, смягчающие и отягчающие эту ответственность.

Статьи, закрепляющие нормы об уголовной ответственности, как правило, не содержат санкции. Меры уголовного наказания отмечаются отдельно как полномочия правоприменителя без привязки к конкретным квалифицирующим признакам.

Абсолютное большинство квалифицирующих признаков, характерных для российского уголовного закона, отсутствуют. Назначаемые наказания за преступления в значительной степени зависят от класса наркотиков, суда, рассматривающего дело, а также формы процедуры рассмотрения конкретного уголовного дела (в порядке суммарного производства или на основании обвинительного акта, т.е. с участием присяжных).

Закон о злоупотреблении наркотиками 1971 г. (Drug Misuse Act 1971) направлен на предотвращение немедицинского использования некоторых наркотиков. По этой причине он контролирует как лекарственные препараты (которые также включены в Закон о лекарственных средствах), так и препараты,

которые в настоящее время не используются в медицинских целях. Наркотики, подпадающие под действие этого Закона, известны как «контролируемые» наркотики. Закон о злоупотреблении наркотиками определяет ряд преступлений, в том числе незаконную поставку, намерение поставлять, импортировать или экспортировать и незаконное производство. Для обеспечения соблюдения этого закона полиция имеет право останавливать, задерживать и обыскивать людей по «обоснованным подозрениям» в том, что они владеют контролируемым наркотиком.

Закон о злоупотреблении наркотиками 1971 г. делит наркотики на три класса следующим образом.

Класс А: кокаин, крэк, экстази, МДМА, героин, ЛСД, метадон, метамфетамин (кристаллический метамфетамин), свежие и приготовленные галлюциногенные грибы.

Класс В: амфетамин, барбитураты, кодеин, кетамин, синтетические каннабиноиды, такие как спайс и каннабис, все производные катинона, включая мефедрон, метилон, метедрон и ряд других наркотиков.

Класс С: анаболические стероиды, легкие транквилизаторы или бензодиазепины, кат и др.

15 ноября 2011 г. в Закон о злоупотреблении наркотиками были внесены поправки, позволяющие министру внутренних дел помещать новое психоактивное вещество, еще не контролируемое как наркотик класса А, В или С, но вызывающее опасения, под временный контроль путем применения приказа о наркотиках временного класса.

Закон о злоупотреблении наркотиками 1971 г. (далее – Закон) содержит несколько составов, предусматривающих ответственность за противоправные действия, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Преступления, связанные с владением:

– владение – раздел 5(1) Закона;

– владение с целью поставки – раздел 5(3)

Закона.

Преступления в сфере поставок (сбыта):

– поставка контролируемого наркотика – раздел 4(3)(а) Закона;

– заинтересованность в поставках – раздел 4(3)(b) Закона;

– предложение о поставке – раздел 4(3)(а) Закона;

– заинтересованность в предложении о поставке – раздел 4(3)(с) Закона.

Преступления в сфере ввоза:

– ввоз (и вывоз) контролируемого наркотика – ст. 170 Закона о таможенном и акцизном управлении 1979 г.

Преступления, связанные с производством:

– производство контролируемого препарата – раздел 4(2)(а) Закона;

– причастность к производству – раздел 4(2)(b) Закона;

– выращивание растения каннабиса – раздел 6(2) Закона.

Раздел 8 Закона контролирует потребление (некоторых контролируемых наркотиков, а именно каннабиса и опиума), производство и продажу контролируемых наркотиков на месте. Устанавливается уголовная ответственность для владельцев, арендаторов или причастных к управлению какими-либо помещениями, которые разрешают использовать эти помещения для определенных видов деятельности, связанных с наркотиками.

К числу таких действий относятся:

(а) производство или попытка производства контролируемого наркотика в нарушение раздела 4(1) Закона;

(б) поставка или попытка поставки контролируемого препарата другому лицу в нарушение раздела 4(1) Закона или предложение поставки контролируемого препарата другому лицу в нарушение раздела 4(1);

(с) приготовление опиума для курения;

(d) курение каннабиса, смолы каннабиса или готового опия.

Преступления, связанные с опиумом:

– курение или употребление готового опиума – раздел 9(а) Закона;

– посещение места, используемого для курения опиума – раздел 9(б) Закона;

– разрешение на использование помещений для приготовления опиума для курения – раздел 8(с) Закона;

– владение трубками или другими принадлежностями в связи с приготовлением или курением опиума – раздел 9(с),(i) и (ii) Закона.

Преступления, связанные с поставкой препаратов:

– для введения контролируемых наркотиков – раздел 9А(1) Закона;

– для приготовления контролируемых препаратов для введения – раздел 9А(3) Закона.

Незавершенные преступления:

– подстрекательство к любому из вышеперечисленных преступлений – раздел 19 Закона;

– участие в преступлении (которое соответствует правонарушению в соответствии с Законом) за пределами Великобритании – раздел 20 Закона;

– попытка совершить преступление, связанное с наркотиками – Закон о преступных посягательствах 1981 г.;

– заговор с целью совершения преступления, связанного с наркотиками – Закон об уголовном праве 1977 г.;

– поддержка (стимулирование) или помощь в совершении преступления – ч. 2 Закона о тяжких преступлениях 2007 г.

Выращивание каннабиса и культивирование любой его части каннабиса является незаконным.

Наиболее часто изымаемыми наркотиками остаются каннабис (в различных формах) и кокаин (70% и 8% всех изъятий наркотиков в Англии и Уэльсе соответственно)¹.

По наблюдениям отдельных авторов, «в Великобритании наблюдается общая тенденция замены тюремного заключения за потребление и хранение каннабиса в небольших количествах на альтернативное наказание.

Этот наркотик отделяется от других препаратов как в законодательстве, так и в судебной практике» [4].

Великобритания относится к государствам с разрешенным потреблением в медицинских целях препаратов, изготовленных на основе конопли. Использование каннабиса в рекреационных целях не разрешается². Стоит отметить, что «проведенные УНП ООН исследования показали, что в регионах, где было легализовано употребление каннабиса, снизилась распространенность представлений о вреде этого наркотика. В то же время увеличилась доля лиц с психическими расстройствами и число самоубийств, связанных с регулярным употреблением каннабиса, а также число госпитализаций»³. В Великобритании различие между легальными и нелегальными наркотиками восходит к важным изменениям в социальных и политических установках [10]. Отрадно осознавать, что Российская Федерация во главе с президентом придерживается политики недопущения легализации «легких наркотиков»⁴.

Импорт и экспорт контролируемых наркотиков регулируется разделом 3 Закона о злоупотреблении наркотиками 1971 г. и разделами 50, 68 и 170 Закона о таможенном и акцизном управлении 1979 г.

Ввоз или вывоз любого контролируемого наркотика запрещен, если только он не осуществляется в соответствии с условиями лицензии, выданной министром внутренних дел, и в соответствии с любыми условиями, прилагаемыми к лицензии.

Препараты Списка 4 (ii)⁵ (например, стероиды) могут быть импортированы или экспортированы при условии, что они предназначены для личного использования и

1 National statistics Seizures of drugs in England and Wales, financial year ending 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/seizures-of-drugs-in-england-and-wales-financial-year-ending-2021/seizures-of-drugs-in-england-and-wales-financial-year-ending-2021> (дата обращения: 01.06.2022).

2 National statistics Seizures of drugs in England and Wales, financial year ending 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/seizures-of-drugs-in-england-and-wales-financial-year-ending-2021/seizures-of-drugs-in-england-and-wales-financial-year-ending-2021> (дата обращения: 01.06.2022).

3 Всемирный доклад о наркотиках, 2022 год (издание Организации Объединенных Наций, 2022 год). С. 65.

4 Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2882/>.

5 Закон о злоупотреблении наркотиками 1971 г. (Legislation (Drug Misuse Act 1971)) // UK Government. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/38/contents> (дата обращения 28.07.22).

ввозятся в страну или вывозятся лицом, намеревающимся их использовать.

Кроме того, Законом установлены следующие отягчающие обстоятельства:

1) преступление было совершено на территории школы или поблизости от нее в соответствующее время;

2) в связи с совершением преступления преступник использовал курьера, который на момент совершения преступления не достиг 18-летнего возраста.

Ключевым обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность, служит вовлечение несовершеннолетнего лица в совершение соответствующего преступления совершеннолетним лицом.

Закон о лекарственных средствах (*Medicines Act 1968*) содержит положения, касающиеся лекарственных средств, и регулирует связанные с этим ситуации. Например, ситуации, включающие контроль над лекарством для использования человеком, а также для использования в ветеринарии, что включает производство и поставку лекарств, а также производство и поставку кормов (лекарственных) для животных.

Указанный закон определяет три категории лекарственных средств:

– лекарства, выдаваемые только по рецепту, которые доступны только у фармацевта по назначению соответствующего практикующего врача;

– аптечные лекарства, отпускаемые только у фармацевта, но без рецепта;

– лекарства из общего списка продаж, которые можно купить в любом магазине без рецепта.

Документ регулирует поставку наркотиков, перечисленных в законе, но не определяет простое владение наркотиком в качестве преступления. Владение без рецепта лекарством, отпускаемым только по рецепту, является преступлением только в том случае, если препарат также контролируется в соответствии с Законом о злоупотреблении наркотиками 1971 г., в таком случае владение

квалифицируется как преступление. Поэтому, например, хранение без рецепта антибиотика, отпускаемого только по рецепту, не является преступлением.

Закон о психоактивных веществах 2016 г. (*The Psychoactive Substances Act 2016*) вступил в силу 26 мая 2016 г. и ввел запрет на производство, распространение, продажу и поставку определенных психоактивных веществ в Соединенном Королевстве для потребления человеком. Правонарушения, связанные с поставкой, усугубляются близостью к школе, использованием несовершеннолетнего в качестве курьера или совершением преступления в исправительном учреждении.

Хранение для использования в личных целях психотропных веществ не является правонарушением, если только оно не происходит в исправительном учреждении. Максимальное наказание составляет 7 лет лишения свободы по обвинительному акту или 1 год лишения свободы при суммарном осуждении.

Стоит отметить, что в Законе о психоактивных веществах хранение (*possession*) рассматривается только в двух разделах подпункта «Правонарушения» (*Offences*): раздел 7 «Хранение психоактивного вещества с целью сбыта» и раздел 9 «Хранение психоактивного вещества в исправительных учреждениях (местах содержания под стражей)».

Хранение психоактивного вещества с целью сбыта образует состав преступления, если:

(а) лицо владеет психоактивным веществом,

(б) лицо знает или подозревает, что это вещество является психоактивным веществом, и

(с) лицо намеревается предоставить психоактивное вещество другому лицу для его потребления, будь то любое лицо, которому оно поставляется, или какое-либо другое лицо, с целью получения психоактивного эффекта¹.

Хранение психоактивного вещества в исправительных учреждениях (местах содержа-

1 UK Government. Legislation (Psychoactive Substances Act 2016) / Официальный Сайт Правительства Великобритании. Законодательство (Закон о психоактивных веществах 2016 г.) URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/2/section/9> (дата обращения: 18.07.2023).

ния под стражей)¹ признается правонарушением в случае, если:

«а) лицо имеет психоактивное вещество в исправительном учреждении (месте содержания под стражей),

(b) лицо знает или подозревает, что вещество является психоактивным веществом, и

(с) лицо намеревается потреблять психоактивное вещество из-за его психоактивных эффектов»².

Интересным видится тот факт, что, несмотря на запрет хранения психоактивного вещества в исправительных учреждениях (места содержания под стражей), в Великобритании существует программа CARATS (Counseling Assessment Referral Advice and Throughcare³ (служба консультирования и патронирования страдающих от наркозависимости))[9], которая предусматривает возможность использовать некоторые психоактивные вещества в рамках реализации заместительных процедур заключенным в соответствующих тюрьмах Англии и Уэльса.

Закон о незаконном обороте наркотиков 1994 г. Закон содержит определения понятий «незаконный оборот наркотиков», «правонарушение, связанное с незаконным оборотом наркотиков». В Законе перечисляются предписания в отношении наказаний, полномочия судов и полиции по расследованию данного рода правонарушений.

Так, согласно Закону, в категорию «правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков» попадают правонарушение в соответствии со статьей 4(2) или (3) или 5(3) Закона о злоупотреблении наркотиками 1971 года (производство, поставка и хранение для поставки контролируемых наркотиков); помощь в совершении или побуждение к совершению правонарушения за пределами Соединенного Королевства, наказуемого

в соответствии с соответствующим законом), ненадлежащий ввоз или вывоз контролируемых наркотиков, изготовление или поставка вещества, указанного в приложении 2 к этому Закону, использование судна для незаконного оборота контролируемых наркотиков, правонарушение, заключающееся в попытке совершить любое из этих преступлений, а также пособничество, подстрекательство, консультирование или обеспечение совершения любого из перечисленных выше правонарушений.

Отдельный раздел Закона посвящен правонарушениям, связанным с доходами от оборота наркотиков, среди которых: сокрытие или передача доходов от незаконного оборота наркотиков, помощь другому лицу в сохранении выгоды от незаконного оборота наркотиков, приобретение, хранение или использование доходов от незаконного оборота наркотиков, а также нераскрытие сведений или подозрений в отмывании денег.

Если обвиняемый признан виновным в преступлении, связанном с незаконным оборотом наркотиков, и прокурор обращается в Королевский суд за постановлением о конфискации, суд должен определить, извлек ли обвиняемый выгоду из незаконного оборота наркотиков. Закон определяет порядок решения этого вопроса [10].

Завершая обзор законодательства Великобритании, регулирующего общественные отношения в сфере оборота наркотиков, в некотором сравнении с законодательством Российской Федерации, следует отметить, что государственная антинаркотическая политика каждой из стран имеет свои особенности и свой путь, несмотря на общность рассматриваемой глобальной мировой проблемы. Материал, который содержится в представленной работе может стать почвой для дальнейших научных изысканий.

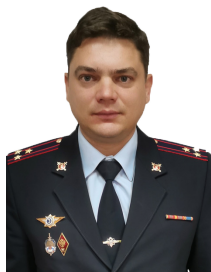
1 В соответствии с разделом 6, п. 10, к исправительным учреждениям (местам содержания под стражей) могут относиться: тюрьма, учреждение для несовершеннолетних правонарушителей, охраняемый учебный центр, охраняемый колледж, учреждение для малолетних правонарушителей, центр для несовершеннолетних правонарушителей, центр ювенальной юстиции или следственный изолятор (remand centre); центр для высылки, пункт краткосрочного содержания или жилье до отъезда; служебные помещения для содержания под стражей и др.

2 Там же.

3 Описание данной программы содержится: Integrated Drug Treatment System The First 28 Days: Psychosocial Support / Drug Strategy Unit February 2006. National Treatment Agency for Drug Abuse. URL: <https://bulger.co.uk/prison/IDTS%2028-day%20psychosocial%20FINALApril06%20v10.pdf>.

Библиографический список

1. Готчина, Л.В. О сути международного спора вокруг отказа от контроля над наркотиками / Л.В. Готчина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – N 11. – С. 15-20.
2. Лешенко, С. А. Зарубежный опыт организации работы по сопровождению заключенных, имеющих наркотическую и алкогольную зависимость / С.А. Лешенко // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2021. – N 1. – С. 184-190.
3. Мальков, С. М. Модели противодействия наркопреступности и наркомании / С. М. Мальков // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Красноярск: СибЮИ, 2018. – С. 152-158
4. Навроцкая, И.Н. Польза и недостатки превентивных мер британской полиции в борьбе с наркопреступностью // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2014. – N 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polza-i-nedostatki-preventivnyh-mer-britanskoj-politsii-v-borbe-s-narkoprestupnostyu>.
5. Осокин, Р.Б. Уголовное законодательство Великобритании об ответственности за преступления против общественной нравственности // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – N 6. – С. 125-127.
6. Синкевич, О.Н. Международный опыт противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров / О.Н. Синкевич // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: ООО «НВМ», 2015. – Ч. 2. – С. 126-127.
7. Тепляшин, П. В. Уголовный закон государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности: сравнительно-правовой анализ / П. В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – N 1(50). – С. 67-74.
8. Цуканов, Н. Н. Законодательство об ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков: опыт знакомства с зарубежными нормативными правовыми актами / Н. Н. Цуканов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – N 4(49). – С. 116-123
9. International Money Laundering Information Network. United Nations Office on Drugs and Crime Legislation/Regulations. Drug Trafficking Act 1994. URL.: https://www.imolin.org/imolin/amlid/data/uk/document/drug_trafficking_act_1994.html (дата обращения 18.07.23).
10. Philip Boland British drug policy; Problematizing the distinction between legal and illegal drugs and the definition of the «drug problem» Probation Journal 2008; 55 (2) ; 171-187. URL: https://www.researchgate.net/publication/247756009_British_drugs_policy_Problematizing_the_distinction_between_legal_and_illegal_drugs_and_the_definition_of_the_drugs_problem (дата обращения: 23.04.2023).

Илья Николаевич ЗАВАРЫКИН,

старший преподаватель отделения
организации учебно-методической работы
Учебного центра (филиала) Сибирского
юридического института МВД России
(г. Манагуа, Республика Никарагуа),
кандидат юридических наук

criminal-man@mail.ru

**К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ КОКАИНА
В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА
И ЕГО ВЛИЯНИИ НА НАРКОСИТУАЦИЮ В РОССИИ
(НА ОСНОВЕ ОБЗОРОВ ПРЕССЫ)**

**TO THE ISSUE OF COCAINE TRAFFICKING IN LATIN AMERICA
AND THE CARIBBEAN AND ITS IMPACT ON THE DRUG SITUATION IN RUSSIA
(BASED ON PRESS REVIEWS)**

В статье анализируются закономерности преступности, связанной с незаконным оборотом кокаина в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, рассматривается ее влияние на наркоситуацию в Российской Федерации, используются примеры правоохранительной практики противодействия данному негативному явлению на основе обзоров прессы. Кроме того, в статье рассмотрены вопросы сотрудничества России со странами Латинской Америки и Карибского бассейна в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Делается вывод о необходимости разработки и ратифицирования дополнительных соглашений между вышеуказанными странами в данной сфере.

The article analyzes the patterns of crime related to drug trafficking of cocaine in Latin America and the Caribbean; its impact on the drug situation in the Russian Federation is examined; examples of law enforcement practices to counter this negative phenomenon on the basis of press reviews of the States in question are used. In addition, the article considers the issues of cooperation between Russia and the countries of Latin America and the Caribbean in the field of combating illicit drug trafficking. It is concluded that there is necessity to develop and ratify additional agreements between the above-mentioned countries in the field of joint combating drug crimes.

Ключевые слова: наркоситуация, кокаин, противодействие преступности, незаконный оборот наркотиков, сотрудничество.

Keywords: drug situation, cocaine, crime counteraction, drug trafficking, cooperation.

В последнее время проблемы противодействия наркопреступности являются достаточно актуальными. Несмотря на то, что предпринимаемыми усилиями правоохранителей большинства государств ведется непрерывная борьба с наркотрафиком, показатели преступлений, связанных с неза-

конным оборотом наркотиков, остаются на достаточно высоком уровне. Естественно, мировые тенденции данного негативного явления имеют свои закономерности и в значительной мере влияют на наркоситуацию, сложившуюся в том числе в Российской Федерации.

По данным Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН), глобальный объем культивирования коки в 2021 году вырос почти на 35% после снижения, вызванного пандемией COVID-19. Сложившаяся ситуация была обусловлена как расширением посевов, так и усовершенствованием процесса химической переработки коки [15].

Несмотря на то, что основной рынок сбыта кокаина сосредоточен в странах Северной и Южной Америки, где, соответственно, проживают 30% и 24% потребителей данного наркотика, и западных государствах Европейского союза (там проживают 21% потребителей кокаина), страны Юго-Восточной Европы, а также Западной и Центральной Африки все чаще используются в качестве ключевых транзитных пунктов для его транспортировки.

По информации, представленной Международным комитетом ООН по контролю над наркотиками, в большинстве стран Латинской Америки и Карибского бассейна по-прежнему нет эпидемиологических обследований по оценке распространенности потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов за последние годы. Это затрудняет выработку подходов к решению проблемы потребления, а соответственно, и сбыта и контрабанды наркотиков в конкретных странах. За последние несколько лет данные об этом предоставили менее одной трети государств и территорий [16].

Следует также учитывать, что в ряде стран Латинской Америки, таких как Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, хранение кокаина и кокаиновой пасты для личного потребления частично декриминализовано (в зависимости от размера наркотического средства)¹.

Большинство объемов изымаемого в мире кокаина поступает из таких стран Латинской Америки, как Колумбия, Эквадор и Перу. По данным, указанным в глобальном отчете о кокаине в 2023 году, культивирование куста коки наиболее распространено в Колумбии (около 61%), Перу (около 26%) и Боливии (около 13%) [11]. Однако проблемы распро-

странения культивирования этого растения охватывают и другие государства Латинской Америки и Карибского бассейна.

Для оценки масштабов рассматриваемого явления приведем примеры из практики работы по противодействию незаконному обороту наркотиков компетентных органов данных государств.

Так, 9 марта 2023 года Национальная полиция Колумбии перехватила в порту Картахены-де-Индиас контейнер с 1,3 тонны кокаина. Операция была проведена Управлением по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, сотрудники которого проверили контейнеры на терминале Картахены и изъяли гидрохлорид кокаина, который перевозился в партии бананов, направлявшихся в Галисию, Испания. По данным колумбийской полиции, контейнер был отгружен в непосредственной близости от города Санта-Марта, где у наркокартелей есть «центры снабжения кокаином» и лаборатории по его производству, расположенные в департаментах Норте-де-Сантандер и Каука. Данная территория является неподконтрольной официальным властям государства. По оценкам полиции, примерная стоимость изъятых наркотиков превышает 48 миллионов долларов США [7].

По данным официальных властей Колумбии, территория Картахены практически превратилась в «коридор наркотрафика». Только в 2023 году там было изъято 474 килограмма кокаина, большая часть которого планировалась к сбыту в странах Северной Америки и Европы.

Последнее время значительное количество кокаина и листа коки изымают правоохранители Гватемалы.

Так, 23 апреля 2023 года в Сан-Луисе, Петен, Гватемала, были обнаружены две плантации куста коки и лаборатория по производству кокаина. Сотрудники Главного Управления по противодействию незаконному обороту наркотиков (SGAIA), Национальной Гражданской Полиции (PNC) и подразделения армии уничтожили 171 тысячу кустов [9].

24 апреля 2023 года там же Национальная полиция обнаружила еще одну подполь-

1 См.: уголовное законодательство Аргентины, Бразилии, Колумбии, Мексики, Перу.

ную лабораторию, рядом с которой были уничтожены 280440 растущих кустов коки и 12000 сорванных кустов этой культуры [10].

Неблагоприятная ситуация, связанная с культивированием куста коки, сложилась и в Гондурасе. Так, 7 апреля 2023 года правоохранители этой страны обнаружили около 297000 кустов коки и лабораторию, предназначенную для производства кокаина. Плантация и подпольная лаборатория находились в горном районе муниципалитета Трохес, департамент Эль-Параисо, в восточной части страны на границе с Никарагуа [4].

Для перевозки кокаина между государствами Латинской Америки и Карибского бассейна зачастую используются самолеты легкой авиации и небольшие погружные лодки. Подобные лодки применяются и для транспортировки кокаина в страны Северной Америки через Мексику, а также Африки, а затем Европы, Азии и Австралии.

Так, 12 марта 2023 года Национальный флот Колумбии сообщил об изъятии 2643 килограммов кокаина на борту подводного судна, где также были обнаружены безжизненные тела двух человек и двое живых. Подводная лодка перевозила наркотики по водам Тихого океана в направлении Центральной Америки, когда у нее произошел механический сбой в топливной системе, что привело к утечке токсичных газов. Два члена экипажа смогли выбраться наружу и были спасены. В ходе последующего осмотра, затрудненного из-за того, что транспортное средство было затоплено, были обнаружены два трупа и партия наркотиков, которая была доставлена к берегам Тумако в Нариньо. Стоимость обнаруженного кокаина оценивается в 87 миллионов долларов США или около 81,38 миллиона евро.

Также 12 марта 2023 года Вооруженные силы Колумбии сообщили об обнаружении трех полупогружных лодок, используемых партизанами Революционных вооруженных сил Колумбии (РВСК) для перевозки от четырех до шести тонн гидрохлорида кокаина каждая [6].

14 марта 2023 года на севере Ла-Паса, Боливия специальная группа по борьбе с

незаконным оборотом наркотиков (Felcn) обнаружила нелегальную взлетно-посадочную полосу в провинции Абель-Итурральде-де-Ла-Пас, граничащей с Перу, где также был обнаружен самолет с более чем 300 килограммами наркотиков [3].

20 марта 2023 года ВМС Колумбии обнаружила «наркосубмарину» с кокаином на сумму более 33 миллиона долларов США. На борту полупогружного судна находилось 985 упаковок гидрохлорида кокаина. Согласно информации, предоставленной ВМС Колумбии, полупогружной корабль длиной 15 метров должен был прибыть в Центральную Америку. Экипаж состоял из трех эквадорцев. Военнослужащие обнаружили внутри упаковки наркотиков, продукты питания, навигационное и коммуникационное оборудование [1].

28 апреля 2023 года в водах Карибского моря Национальный флот Колумбии, проводя совместную операцию с властями Панамы и США, изъяс около 5,5 тонн гидрохлорида кокаина. Подразделения ВМС Колумбии, Национальной авиационно-морской службы Панамы и Объединенной межведомственной оперативной группы Южного командования США обнаружили скоростное судно, на борту которого находились пять человек и наркотики [2].

28 марта 2023 года президент Республики Эль-Сальвадо Найиб Букеле сообщил о факте перехвата колумбийского судна с 1,2 тоннами кокаина. Наркотики перевозили на лодке LPV (Low Profile Vessel). Это лодки, которые представляют собой смесь быстроходных и полупогружных, способны преодолевать большие расстояния в открытом море [5].

П.В. Тепляшин отмечает, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция поступления кокаина из стран Латинской Америки. Движение наркотических средств осуществляется по трем основным маршрутам:

- по «атлантико-индийскому маршруту» через страны Западной Европы, Средиземное и Черное моря, страны Ближнего Востока;
- по «северному маршруту» по Атлантическому и Северному Ледовитому океану;

– по «тихоокеанскому маршруту» через Тихий океан [18, с. 150].

В Западной Европе незаконный оборот кокаина, который поставляется главным образом в морских транспортных контейнерах из Южной Америки, в последние годы увеличивается [13, с. 44]. Регион превращается в транзитный «хаб» для переправки кокаина в страны за ее пределами, например в Россию.

Следует сказать, что в последние 5 лет результатом контрабанды кокаина в Российскую Федерацию стало двукратное увеличение количества изъятого наркотика (с 442922 граммов до 871546 граммов). В 2022 году количество изъятого кокаина составило 231186 граммов¹. Однако только в первые 4 месяца 2023 года количество изъятого наркотика увеличилось многократно. Следовательно, сложившиеся негативные тенденции наркоситуации в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, описанные выше, в значительной мере влияют на изменение наркоситуации в том числе в России.

Так, 30 марта 2023 года российские полицейские перекрыли канал поставки кокаина из Эквадора в г. Санкт-Петербург и изъяли свыше 200 килограмм этого наркотика. Преступление совершили два неоднократно судимые гражданина Российской Федерации, которые оборудовали тайник для перевозки наркотиков в грузовике, транспортировавшем фрукты из морского порта. Ориентировочная стоимость изъятого кокаина на «черном рынке» составила 800 млн рублей [12].

10 апреля 2023 года сотрудники ФСБ России в Подмоскowie изъяли партию кокаина из Колумбии весом 699 килограмм. Наркотики из Латинской Америки были замаскированы под молотый перец чили. Ориентировочная стоимость изъятого кокаина составила 2,5 миллиарда рублей. По данным правоохранителей, партию наркотиков разместили на арендованном на подставное лицо складе. Далее, часть партии кокаина

преступники планировали отправить в одну из стран Европейского союза, другую часть наркотиков планировалось сбывать на территории России. Преступление совершили трое иностранцев, двое из которых являются гражданами Колумбии и один – гражданином государства Евросоюза [14].

Приведенные статистические данные и примеры свидетельствуют не только об эффективности работы правоохранительных органов, но и об ухудшении наркоситуации в России, связанной с незаконным оборотом кокаина.

Россия идет по пути сближения со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Так, Президент Российской Федерации Владимир Путин 29 сентября 2023 года на международной парламентской конференции «Россия – Латинская Америка» заявил, что Россия будет способствовать тому, чтобы институциональные структуры данных стран в практическом плане налаживали связи с Евразийским экономическим союзом, сверяли подходы по актуальным вопросам торговой политики, тарифного регулирования, стимулирования инвестиций и трансфера технологий. Вместе с тем, по нашему мнению, помимо укрепления торговых и экономических связей со странами Латинской Америки и Карибского бассейна следует более активно заниматься сотрудничеством в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. И положительные примеры в этом направлении есть.

Так, МВД России является наблюдателем в международной региональной организации Америкпол, основная задача которой заключается в противодействии организованной преступности, в том числе занимающейся незаконным оборотом наркотиков.

Учебный центр (филиал) СибЮИ МВД России осуществляет обучение слушателей компетентных органов из таких государств, как Никарагуа, Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Парагвай, Боливия, Бразилия, Ко-

1 Количество наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, изъятых на момент возбуждения уголовного дела в 2017-2022 гг. // Сайт единой межведомственной информационно-статистической системы ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58159>.

ста-Рика, Эквадор, Перу, Мексика, Белиз, Куба, Доминикана, по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации, направленным на совершенствование компетенций правоохранителей в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Образовательная организация проводит международные научно-представительские мероприятия, посвященные рассматриваемой проблематике, с участием дипломатического корпуса и представителей правоохранительных органов как Российской Федерации, так и стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Согласимся с мнением П.В. Тепляшина, что такое сотрудничество выступает эффективным инструментом поддержания и укрепления репрезентативных и взаимовыгодных связей, способом объединения научных площадок, на которых возможно предметное обсуждение злободневных проблем противодействия наркопреступности [17, с. 12].

Однако в целях снижения влияния негативной наркоситуации, сложившейся в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, на криминологическую обстановку как во всем мире, так и в России, следует разработать и ратифицировать дополнительные соглашения между вышеуказанными странами в сфере совместного противодействия незаконному обороту наркотиков (на примере Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом и употреблением наркотических средств и психотропных веществ, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2004 г. N 384). Это позволит интегрировать и применить как уже разработанные, так и новые модели и стратегии противодействия наркопреступности, блокирования каналов поставок наркотиков, в том числе кокаина.

Библиографический список

1. Armada hally «narcosubmarino» que transportaba mbs de 33 millones de dylares en cocsanna // Blu Radio. – URL: <https://www.bluradio.com/nacion/armada-hallo-narcosubmarino-que-transportaba-mas-de-33-millones-de-dolares-en-cocaina-rg10>.
2. Gigantesca incautiacyn de cocsanna: mbs de 13 millones de dosis dejaron de ser comercializadas, asn fue la triple operaciyn // Semana. – URL: <https://www.semana.com/nacion/articulo/gigantesca-incautacion-de-cocaina-mas-de-13-millones-de-dosis-dejaron-de-ser-comercializadas-asi-fue-la-triple-operacion/202319/>.
3. Hallan narcoavioneta y 300 kilos de droga en el norte de La Paz // Los Tiempos. – URL: <https://lostiempos.com/actualidad/seguridad/20230317/hallan-narcoavioneta-300-kilos-droga-norte-paz>.
4. Honduras halla 297.000 arbustos de coca y un laboratorio para procesar drogas // SWI swissinfo.ch. – URL: https://www.swissinfo.ch/spa/honduras-drogas_honduras-halla-297.000-arbustos-de-coca-y-un-laboratorio-para-procesar-drogas/48424162.
5. Incautan 100 kilos de cocsanna en El Salvador // teleSURtv – URL: <https://www.telesurtv.net/news/incautan-cocaina-el-salvador-20230408-0006.html>.
6. La Armada de Colombia se incauta de 2.600 kilogramos de cocsanna en un submarino // Europa Press. – URL: <https://www.europapress.es/internacional/noticia-armada-colombia-incauta-2600-kilogramos-cocaina-submarino-20230312232914.html>.
7. La Policha colombiana intercepta 1,3 toneladas de cocsanna en un contenedor de fruta // 20minutos. – URL: <https://www.20minutos.es/noticia/5108035/0/la-policia-colombiana-intercepta-1-3-toneladas-de-cocaina-en-un-contenedor-de-fruta-con-destino-vigo/>.

8. Laboratorio de drogas destruido en San Luis, Pet n // News.Eseuro. – URL: <https://news.eseuro.com/musica/1583091.html>.
9. PNC erradica cultivos ilcitos y localiza narcolaboratorio // Diario de Centroam rica. – URL: <https://dca.gob.gt/noticias-guatemala-diario-centro-america/pnc-erradica-cultivos-ilcitos-y-localiza-narcolaboratorio/>.
10. PNP destruye laboratorio clandestino de drogas // Inforegi n. – URL: <https://www.inforegion.pe/306689/monzon-pnp-destruye-dos-laboratorios-rusticos-para-procesamiento-de-pbc/>.
11. The Global Report on Cocaine 2023 // Office on Drugs and Crime – URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/cocaine/Global_cocaine_report_2023.pdf.
12. В Петербурге изъяли более 200 килограммов кокаина на 800 миллионов рублей // Новостной сайт Ria Новости (новость от 31.03.2023). – URL: <https://ria.ru/20230331/narkotiki-1862112524.html>.
13. Земцова, С.И. Тенденции наркоконъюнктуры в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в условиях COVID-19: результаты международного онлайн-семинара / С.И. Земцова, О.А. Суоров // Наркоконтроль. – 2021. – N 4. – С. 44-46.
14. Крупнейшие партии наркотиков, изъятые в России в 2018-2023 годах // Новостной сайт Ria Новости (новость от 10.04.2023). – URL: <https://ria.ru/20230331/narkotiki-1862170746.html>.
15. Нелегальное производство кокаина достигло рекордного уровня // Новости ООН. Глобальный взгляд Человеческие судьбы (новость от 16.03.2023). – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438717>.
16. О ежегодном докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации (сообщение для СМИ от 10.03.2023). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1857649/.
17. Тепляшин, П.В. Роль Сибирского юридического института МВД России в научном обеспечении антинаркотической деятельности Организации Договора о коллективной безопасности / П.В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – N 4(49). – С. 9-17.
18. Тепляшин, П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции / П.В. Тепляшин // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – N 10(131). – С. 147-157.

Юлия Викторовна ТАРАНИЮК,
доцент кафедры теории и истории государства
и права Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар),
кандидат юридических наук, доцент
FiorOrienta@bk.ru

Владимир Иванович ТРЕТЬЯКОВ,
профессор кафедры конституционного
и административного права юридического факультета
Кубанского государственного университета
(г. Краснодар),
доктор юридических наук
tret'yakov1717@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ТОЛКОВАНИЯ НОРМА ПРАВА СУДОМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

FEATURES AND SIGNIFICANCE OF THE INTERPRETATION OF THE NORMS OF LAW BY THE COURT JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION

В статье рассматривается деятельность Суда Европейского Союза как субъекта применения и толкования права. Указывается, что данный судебный орган в своей деятельности формирует основные европейские правовые принципы. Некоторые положения, сформированные в результате деятельности Суда ЕС, стали нормами учредительных договоров ЕС.

The article examines the activity of the Court of the European Union as a subject of application and interpretation of law. It is indicated that this judicial body forms the main European legal principles in its activities. Some provisions formed as a result of the activities of the EU Court have become the norms of the constituent treaties of the EU.

Ключевые слова: Суд ЕС, толкование права, реализация права, заполнение правовых пробелов, решения Суда ЕС, Европейский Союз.

Keywords: *the Court of Justice of the EU, interpretation of law, implementation of law, filling legal gaps, decisions of the Court of the EU, the European Union.*

Европейский Союз является одним из крупнейших международных «игроков», который имеет собственную систему права. Данная система состоит из так называемых «первичных» и «вторичных» источников,

а также из правовых принципов, которые не имеют нормативного закрепления и в большинстве своем являются результатом право-реализационной и правоинтерпретационной деятельности Суда ЕС. Следовательно, тол-

кование норм европейского права Судом ЕС является одной из важнейших движущих сил развития европейского права.

Суд Европейского Союза является одним из важнейших его институтов. Его статус и структура были определены Ницким договором 26 февраля 2001 г. Структурно Суд Европейского Союза состоит из Европейского суда, общего суда (трибунала, Суда общей компетенции) и специализированных трибуналов, которые утверждаются согласно регламенту Европейского парламента и Совета. В настоящее время состав суда включает в себя 27 судей и проводит заседания в Люксембурге.

Договор о функционировании ЕС в ст. 253, 254, 257 возложил на Суд Евросоюза обязанности обеспечивать соблюдение договоров ЕС в процессе их толкования и применения. Также он вправе выносить решения по искам стран – участниц ЕС, рассматривать споры, касающиеся исполнения их обязательств, установленных Уставом Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), актами Совета управляющих ЕИБ, актами Административного совета ЕИБ, а также исполнения национальными центробанками обязанностей, закрепленных в договорах и уставах Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ) и Европейского центрального банка (ЕЦБ).

В ст. 271, 280 Договора о функционировании ЕС решения Суда ЕС наделены исполнительной силой. В случае если Суд ЕС признает, что какое-либо государство – член Евросоюза не исполняет своих договорных обязательств, на виновную страну возлагается обязанность по принятию надлежащих мер по исполнению решения суда под угрозой штрафных выплат или пеней, что установлено ст. 260 Договора о функционировании ЕС¹.

В контексте данного исследования нас интересуют интерпретационные полномочия Суда Европейского Союза и влияние результатов его толкования на развитие права ЕС. По ст. 267 договора о функционировании ЕС Суд Европейского Союза наделен полномочиями выносить решения в преюдици-

альном порядке о толковании договоров, действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза. При этом под действительностью понимается правомерность акта, отсутствие в нем недостатков в отношении содержания, формы, порядка принятия и т.д., которые могут служить основанием для признания акта недействительным со стороны Суда ЕС.

Запросить толкование договоров, определение действительности и толкование актов институтов, органов или учреждений ЕС вправе юрисдикционный орган государства – участника ЕС, для которого решение по указанному вопросу является важным для разрешения дела по существу. Если дело находится на рассмотрении в юрисдикционном органе страны – участницы ЕС, решения которого не подлежат обжалованию, то обращение за толкованием или определением действительности акта является не правом, а обязанностью данного юрисдикционного органа.

Также право Суда ЕС по толкованию реализуется и посредством ст. 269 Договора о функционировании ЕС, на основании которой Суд ЕС вправе выносить решение о правомерности актов, принятых Европейским советом или Советом.

Таким образом Суд Европейского Союза выполняет задачу по толкованию правовых норм Евросоюза, а принципы и правила толкования, вырабатываемые им в процессе реализации своих функций по рассмотрению споров, имеют обязательную силу [5, с. 193]. Это является результатом определенной пассивности европейского законодателя, что вынуждает Суд ЕС брать на себя не только правореализационные полномочия, но и функции по развитию и наполнению европейского права посредством его расширительной интерпретации.

В настоящее время западные исследователи называют интерпретацию своеобразным «центром», через который проходит юридический диалог между Судом Европейского Союза и Верховным Судом США. Исследо-

1 Договор о функционировании Европейского Союза. Рим, 25.03.1957 (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 18.06.2023).

ватели также констатируют тенденцию Суда ЕС последовательно отстаивать свое особое положение в институциональной системе [4, с. 224]. Также отмечается, что посредством толкования договоров ЕС поддерживается принцип верховенства права и обеспечиваются цели правопорядка [6, с. 245-247]. Суд ЕС, как и суды нижестоящих инстанций, должны действовать целенаправленно для обеспечения правильного и точного понимания и применения законов.

Следует отметить, что принцип верховенства права ЕС был утвержден в ходе судебной деятельности, в результате принятия решения по делу *Flaminio Costa v. ENEL* (Ente Nazionale Energia Elettrica) от 15 июля 1964 г.¹ В его мотивировочной части Суд отметил, что отказ государств – членов тогда еще Европейского Сообщества от части своих полномочий в пользу Сообщества (на настоящий момент – Евросоюза) налагает на них запрет на изменение норм права ЕС при их имплементации и обязанность издавать собственные нормативные акты в соответствии с законодательством ЕС. Это, в свою очередь, свидетельствует о верховенстве европейского права над внутрисоюзным, о запрете его оспаривания национальным законодательством.

Функционирование права ЕС также основывается на принципе прямого действия, который, как и предыдущий, был сформулирован благодаря правоинтерпретационной деятельности Суда ЕС и впервые озвучен в решении Суда по делу *Van Gend en Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration* от 5 февраля 1963 г.²

Данное дело интересно тем, что оно иллюстрирует первую попытку применения европейского права по отношению к частному лицу. В результате рассмотрения дела *Van Gend en Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration* Суд тогда еще Европейского Сообщества пришел к выводу, что нормы

ЕЭС распространяют свое прямое действие и на частных лиц, наделяют их правами, обязанностями и обеспечивают их судебную защиту, что соответствует целям и задачам функционирования европейских объединений. Формирование ЕС породило новый международный правопорядок, функционирование которого возможно только в условиях ограничения государствами-членами своих суверенных прав. Кроме этого Суд подчеркнул, что в условиях нового европейского порядка субъектами европейского объединения являются не только страны, но и их граждане, и это не только обременяет их новыми обязанностями, но и предоставляет им определенные права, т.е. позволяет сформировать новое правовое состояние граждан, населяющих европейское пространство.

Специфика толкования Судом ЕС правовых предписаний имеет особенности. Прежде всего следует обратить внимание на то, что не сформировано четких подходов к толкованию основного законодательства ЕС, т.е. его договоров (в отличие от директив, постановлений и других нормативных актов, принятых европейскими институтами).

Функционирование Суда ЕС в части реализации им интерпретационных полномочий осложняется тем, что ему необходимо обеспечить единообразное понимание и применение правовых норм в условиях многоязычности Евросоюза, в существовании особой терминологии ЕС, которая не всегда совпадает с аналогичными терминами в законодательстве его участников, а также в условиях различной оценки законодательства и определения целей права в отдельных государствах-участниках и различного уровня развития в них законодательства.

Очень часто причиной для обращения в Суд ЕС за толкованием служит спор, возникший в национальном суде государства-участника, в процессе которого выявляется различное понимание норм законо-

1 Judgment of the Court of 15 July 1964. *Flaminio Costa v E.N.E.L.* URL: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi! celexplus! prod! CELEXnum doc&numdoc=61964J0006&lg=en (дата обращения: 18.06.2023).

2 Judgment of the Court of 5 February 1963. *NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration.* URL: http://eur-lex.europa.eu/Result.do?T1=V6 &T2=1962&T3=26&RechType=RECH_naturel& Submit=Search (дата обращения: 18.06.2023).

дательства национальным судебным органом и участником процесса. Примером может послужить дело 283/81, в результате рассмотрения которого Суд Евросоюза сформировал одну из своих основных позиций относительно толкования ст. 177 Маастрихского договора, которая затем была зафиксирована, в частности, в Договоре о функционировании ЕС, т.е. заполнила пробел, существовавший в европейском законодательстве.

Первоначально возник спор между итальянскими импортерами шерсти и Министерством здравоохранения Италии относительно уплаты фиксируемого сбора за проверку импортируемой шерсти. Согласно европейскому законодательству государствам – членам ЕС запрещено вводить любые сборы на продукты животноводства, эквивалентные таможенным пошлинам, кроме оговоренных специально. Согласно ст. 177 Маастрихского договора Суд ЕС обладает юрисдикцией выносить предварительные решения относительно толкования данного Договора, действительности и толкования актов института Сообщества и ЕЦБ, осуществлять толкование статутов органов, учрежденных актом Совета, если это предусмотрено данными статутами. Если данный вопрос поднимается каким-либо судебным органом государства – члена ЕС, то он может обратиться в Суд ЕС с просьбой вынести решение по этому вопросу. Данное право обращается в обязанность, если по указанному делу выносится окончательное решение инстанцией, акты которой не подлежат обжалованию¹.

Министерство здравоохранения Италии считало, что относительно смысла данной нормы отсутствуют какие-либо сомнения и нет необходимости обращаться в Суд ЕС за предварительным решением. Компания – импортер шерсти была не согласна с такой позицией и утверждала, что, поскольку вопрос о толковании был поднят Верховным кассационным Судом Италии, решения которого являются окончательными и не подлежат обжалованию, обращение в Суд ЕС является необходимым.

Верховный кассационный Суд, столкнувшись с этими противоречиями, принял решение обратиться в Суд ЕС с вопросом, соответствуют ли п. 3 ст. 177 Маастрихского договора полномочия национальных судов определять обоснованность поданного вопроса в отношении интерпретации, и если да, то какие существуют ограничения для предварительного выявления интерпретационных сомнений.

Суд ЕС подтвердил эту обязанность у верховных национальных судебных инстанций, подчеркнув, что она основана на межгосударственном сотрудничестве в целях обеспечения единообразного применения и толкования законодательства ЕЭС во всех государствах-членах. Поскольку предотвращение возникновения разногласий между национальными судами различных государств Сообщества является важным, объем обязанностей судов оценивается в соответствии с этими целями со ссылкой на полномочия национальных судов и Суда ЕС. Также необходимо и учитывать обстоятельства, при которых верховные судебные инстанции государств-членов обращаются в Суд ЕС с просьбой о толковании. Если против этих судебных инстанций нет вышестоящих средств защиты, то такая подача является их обязанностью, поскольку ч. 3 ст. 177 не предоставляет таких полномочий сторонам, участвующим в деле. Поэтому высшие судебные инстанции могут запрашивать толкование норм Судом ЕС как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе.

С другой стороны, если спор о толковании соответствующей нормы законодательства ЕС не может повлиять на исход дела, национальные верховные суды не обязаны обращаться в Суд ЕС. Если же интерпретация имеет важное значение, то можно говорить о наличии такой обязанности.

В тех случаях, когда поднятый вопрос был уже предметом разбирательства по аналогичному делу, обращение в Суд ЕС не обязательно, однако результат толкования по предыдущему делу не должен влиять на цели и

¹ Договор об учреждении Европейского Сообщества. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/> (дата обращения: 18.06.2023).

сущность рассматриваемого в реальном времени обязательства.

Если правильное толкование законодательства ЕЭС является настолько очевидным, что не оставляет места для разумных сомнений относительно способа решения поставленного вопроса, то перед принятием решения по конкретному делу судебный орган должен быть убежден, что способ решения такого вопроса является столь же очевидным и для судов других государств-членов. В этом случае национальные судебные инстанции могут воздержаться от обращения в Суд ЕС и принять полностью на себя ответственность за разрешение спора. Однако наличие такой возможности должно оцениваться с учетом характерных особенностей общеевропейского права и возможных проблем его толкования. Одна из таких особенностей – это существование европейских договоров на разных языках государств – членов ЕС, при этом необходимо помнить, что разноязычные экземпляры являются идентичными. Таким образом, толкование договором ЕС включает в себя процедуру сравнения их текстов на разных языках.

Необходимо также учитывать, что в договорах ЕЭС и ЕС используется специальная терминология, а правовые понятия не всегда имеют одинаковое значение в общеевропейском и национальном законодательств государств – членов ЕС.

Каждое положение законодательства ЕС должно рассматриваться в своем определенном контексте и интерпретироваться в свете положений законодательства ЕС в целом, с учетом его задач и состояния развития на дату принятия конкретной толкуемой нормы.

В свете изложенного Суд ЕС пришел к выводам о том, что п. 3 ст.177 Маастрихтского договора должен толковаться так, что национальный суд, против решения которого нет права обжалования на основании национального законодательства, обязан с целью правильного применения нормы права обра-

щаться за ее интерпретацией в Суд ЕС, если не установит, что поднятый вопрос не имеет существенного значения для результатов дела, или уже был предметом рассмотрения Суда ЕС ранее, или что правильное применение законодательства ЕС настолько очевидно, что не оставляет возможности для любых обоснованных сомнений.

Обязанность по запросу толкования Судом ЕС должна оцениваться с учетом особенностей права ЕС, конкретных сложностей, связанных с его интерпретацией и риском разногласий в судебных решениях внутри ЕС¹.

Для толкования норм права Судом ЕС используются 3 основных способа: буквальный, систематический и телеологический. С буквальным все относительно понятно, данный способ касается только текста и формулировок толкуемого акта. Телеологический способ толкования права Судом ЕС предполагает избрание такого понимания нормы, которое лучше всего служит цели, для достижения которой она была принята. А вот использование систематического способа толкования Судом ЕС немного отличается от того понимания, что принято в России. Если в нашей стране систематический способ толкования предполагает интерпретацию правовых норм, основанную на анализе их действия и положения в нормативном акте, институте, отрасли и системе права в целом [3, с. 361], то Суд ЕС, применяя систематический способ, предполагает такую ссылку на контекст закона, которая учитывает не только место нормы права в элементах правовой системы, но и исторические особенности принятия интерпретируемого акта. Также в систематическом толковании договоров Судом ЕС активно используется законодательство государств – участников Европейского Союза [7, с. 873].

При этом интересно, что подготовительные работы в отношении проекта договора ЕС и связанные с ней документы абсолютно не принимаются во внимание Судом ЕС для прояснения действительного смысла того или

1 Judgment of the Court of 6 October 1982. - Srl CILFIT and Lanificio di Gavardo SpA v Ministry of Health. - Reference for a preliminary ruling: Corte suprema di Cassazione - Italy. - Obligation to request a preliminary ruling. - Case 283/81. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61981CJ0283> (дата обращения: 18.06.2023).

иного нормативного положения договоров. Следует отметить, что попытки обращать внимание на подготовительные материалы у Суда ЕС были, но они оказались безуспешными (яркий пример – Директива 97/7/ЕС о защите потребителей в отношении дистанционных договоров [8]).

Ряд положений договоров ЕС фактически прямо указывают на необходимость обращения в процессе толкования к принципам, правилам и законам, общим для всех членов Евросоюза. Так, ст. 6 Договора о Европейском Союзе¹ говорит о признании ЕС прав, свобод и принципов, изложенных в Хартии ЕС об основных правах 2000 г. (адапт. 12.12.2007)². Толкование этих прав, свобод и принципов должно осуществляться в соответствии с общими положениями раздела 7 Хартии и с учетом предусмотренных в ней разъяснений. В содержание права ЕС в качестве общих принципов входят также основные права, гарантированные Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Уважение основных прав основано на их происхождении из конституционных традиций, общих для государств – членов ЕС. Это правило является результатом прецедентного характера решений Суда ЕС, обращавшегося к общим конституционным традициям государств-членов, а также к ЕКПЧ и другим европейским и международным конвенциям.

Следует отметить, что Суд ЕС не формулирует общие принципы на основе единства подхода его участников, а пытается закрепить их на основе «лучшего стандарта из возможных» [12, с. 177-178].

Деятельность Суда ЕС по толкованию норм европейского права часто выходит за рамки простого заполнения пробелов, вызванных отсутствием в европейском законодательстве необходимых терминов, понятий и положений. Одна их важных его функций – восполнение всех пробелов, которые могут служить препятствием к достижению целей правопорядка в Европейском Союзе. И, надо сказать, в этой деятельности Суд ЕС настоль-

ко преуспел, что различия между судебным толкованием и судебным правотворчеством в его же исполнении очень трудно различимы. Это связано с двумя причинами.

Во-первых, до недавнего времени обычная деятельность Суда ЕС велась с упором преимущественно на телеологическое толкование. Во-вторых, правотворческая деятельность Суда ЕС происходит в контексте осуществления им функций по толкованию в ходе вынесения решений. Таким образом, судебное толкование и судебное правотворчество сильно взаимосвязаны в ЕС, поскольку часто именно через необходимость толкования судом положений права ЕС фактически рождаются правовые предписания. Фактически прецедент существует в ЕС, хотя формально европейская правовая система не предусматривает такого источника права [11, с. 145].

В-третьих, европейское право включает в себя правила поведения, созданные в процессе деятельности Суда ЕС, которые еще не получили юридической силы в качестве норм законодательства в соответствии с принципом надления компетенции, закрепленном ст. 5 Договора о создании ЕС.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интерпретационная деятельность Суда ЕС никогда не ограничивалась рамками буквального толкования учредительных договоров. Напротив, Суд максимально учитывал цели создания изначально ЕЭС, а затем – и Евросоюза, что привело его к активному использованию расширительного способа толкования. Именно оно способствовало закреплению многих правовых принципов на европейском пространстве и, прежде всего, принципов верховенства и прямого действия права ЕС. В настоящее время эти принципы являются неотъемлемой частью права Европейского Союза.

Анализ законодательства ЕС и практики Суда ЕС позволяет сделать вывод о том, что данный судебный орган не ограничивается в своей деятельности полномочиями по реализации права, его интерпретационная де-

1 Договор о Европейском Союзе 07.02.1992. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 18.06.2023).

2 Хартия Европейского Союза об основных правах 07.12.2000. URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (дата обращения: 18.06.2023).

тельность оказывает серьезное влияние на формирование единой европейской правовой системы. Формирование и развитие основных принципов права ЕС со стороны Суда Европейского Союза производится с целью заполнения правовых пробелов, которые так или иначе свойственны учредительным договорам ЕС, и с целью сближения европейского и национального законодательства государств – членов ЕС. Реализация последней цели осложняется различием государственных язы-

ков стран Евросоюза, что может повлечь за собой различное понимание и интерпретацию норм европейского права, которые, для формирования единого европейского правового пространства, должны пониматься всеми его участниками одинаково.

Именно решения Суда ЕС должны обеспечивать единообразное толкование и применение норм европейского права и обеспечивать их точное соблюдение в государствах – членах ЕС.

Библиографический список

1. Артемьева, Ю.А. Особенности толкования налоговых норм Судом Европейского Союза и Европейским Судом по правам человека / Ю.А. Артемьева // Вопросы российского и международного права. – 2011. – N 1.
2. Дьяченко, Е.Б. Толкование с опорой на традиционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза / Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – N 4.
3. Рассказов, Л.П. Теория государства и права : учебник для вузов / Л.П. Рассказов. – М., 2008.
4. Тихоновецкий, Д.С. Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной системе Европейских Сообществ / Д.С. Тихоновецкий // Московский журнал международного права. – 2003. – N 2.
5. Цвигун, Л.А. Значение толкования норм права Судом Европейского Союза / Л.А. Цвигун // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2013. – N 2.
6. Breyer, S. Our Democratic Constitution / S. Breyer. – N.Y.U. L., 2002.
7. Lenaerts, K. Interlocking Legal Orders in the European Union and Comparative Law / K. Lenaerts. – Cambridge, 2003.
8. Lenaerts, K. Interpretation and the Court of Justice: A Basis for Comparative Reflection / K. Lenaerts. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/216908204.pdf> (дата обращения: 18.06.2023).

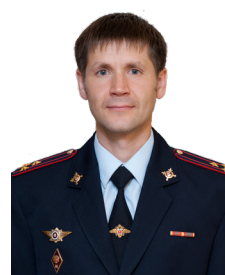
ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.5

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_139

Николай Николаевич ЦУКАНОВ,
заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России (по научной деятельности)
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
Nikolai_Zukanov@mail.ru

Алексей Николаевич ДОБРОВ,
начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Восточно-Сибирского института МВД России
(г. Иркутск),
кандидат юридических наук, доцент
Dobson@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТЕ МЕТОДА УБЕЖДЕНИЯ

ON THE ISSUE OF PRIORITY OF THE METHOD OF PERSUASION

В статье авторы обращают внимание на соотношение методов государственного управления – убеждения и принуждения. Авторы приходят к выводу о том, что воспроизводимое в учебной литературе соотношение этих терминов не имеет полноценного административно-правового наполнения и служит скорее традицией. Соответственно, отсутствуют достаточные основания для признания доминирования метода убеждения

In the article the authors draw attention to the ratio of methods of public administration that is persuasion and coercion. The authors come to the conclusion that the relationship between these terms presented in educational literature does not have full-fledged administrative and legal content and is rather a tradition. Therefore there are no sufficient grounds to recognize the dominance of the persuasion method.

Ключевые слова: методы государственного управления, государственное управление, метод убеждения, административное принуждение, меры административного принуждения.

Keywords: *methods of public administration, public administration, method of persuasion, administrative coercion, measures of administrative coercion.*

В отечественной административистике принято выделять два универсальных метода государственного управления:

убеждения и принуждения. При этом первый традиционно считается доминирующим. Этот подход, сохранившийся с советского перио-

да, находит сегодня отражение как в учебной, так и в научной литературе.

В работах советских ученых доминирование метода убеждения связывается «с предстоящей победой социализма с последующим искоренением правонарушений и устранением причин, их порождающих, с необходимостью повседневной разносторонней воспитательной работы государственных органов и общественных организаций, необходимо активно использовать средства воздействия на сознание людей, чтобы воспитать в них уважение к законам и правилам социалистического общежития» [4, с. 75]. Предполагалось, что высокий уровень правосознания советского человека в конечном итоге будет способствовать формированию среды, в которой не будет возникать необходимость применения принуждения. Однако на сегодняшний день такая концепция не считается реалистичной, тем более что предназначение мер административного принуждения вовсе не ограничивается сферой противоправных действия, они могут быть также связаны, например, с устранением обстоятельств природного, техногенного характера, угрожающих безопасности личности.

Наконец, в советской литературе дихотомия «убеждение-принуждение» касалась, как представляется, не столько самих мер, сколько действий, связанных с их реализацией. Не вызывает возражений, что почти во всех случаях целесообразнее убедить правонарушителя сложить оружие и выполнить законные требования, чем применять в отношении него огнестрельное оружие на основании Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Однако на сегодняшний день в связи с существенным увеличением объема нормативного обеспечения акцент смещен на институциональный аспект. Так, медицинское освидетельствование на состояние опьянения рассматривается как мера административного принуждения и в случае добровольного выполнения лицом предъявляемых к нему требований.

Тезис о доминировании метода убеждения должен иметь логическое и формальное обоснование. Например, отражаться объемах

и глубине проработки в учебной и научной литературе. Однако этого не происходит. На фоне сотен диссертационных исследований, посвященных различным аспектам административного принуждения, можно выделить лишь единичные работы, направленные на исследование вопросов убеждения.

Наряду с неизменно объемными разделами учебников, посвященными административному принуждению, метод убеждения, как правило, характеризуется предельно кратко: «С помощью средств убеждения прежде всего стимулируется должное поведение участников управленческих общественных отношений путем проведения воспитательных (включая правовое воспитание), разъяснительных, рекомендательных, поощрительных и иных мер преимущественно морального воздействия» [1, с. 255]; «к убеждению как методу воздействия на людей прибегают в процессе принятия разъяснительных, воспитательных, поощрительных и других мер морального значения...» [7, с. 502]; «метод убеждения предполагает воздействие на сознание и волю человека средствами нравственного характера» [8, с. 26]; «убеждение – это процесс последовательно осуществляемых действий, который включает в себя такие элементы, как овладение вниманием, внушение, воздействие на сознание, эмоции, разжигание интереса, возбуждение желания» [2, с. 358] и т.д. Такая характеристика указывает на преимущественно неюридическое содержание этого метода, что в значительной мере объясняет отсутствие к нему внимания в административно-правовой литературе. Вывод становится еще более необходимым, если принять за основу достаточно популярный в научной литературе подход, предполагающий выделение трех базовых методов: метода убеждения, метода поощрения, метода принуждения.

По мнению А.А. Косых, внешнее позитивное правовое убеждение можно рассматривать как «деятельность государства, государственных органов, должностных лиц, общественных объединений и отдельных граждан по формированию и закреплению в правовых нормах позитивных стимулов (выделено нами. – Н.Ц., А.Д.) к программиру-

емому социально необходимому поведению в виде потенциальной возможности получения материальных и идеальных ценностей за точную и неукоснительную реализацию данного поведения» [6, с. 8]. Однако при таком подходе содержание метода ограничивается отдельными аспектами нормотворческой деятельности.

Трудно не обратить внимание на некоторую несогласованность разделов стандартного учебного курса по административному праву, посвященных формам и методам государственного управления. Поскольку в предмет административного права входят в том числе вопросы организации публичного управления, среди форм государственного управления традиционно выделяются с последующей детализацией правовые и неправовые, охватывая как внешнюю, так и внутреннюю административную деятельность. Меры же административного принуждения (основное содержание раздела «методы государственного управления») почти всегда связаны с внешней административной деятельностью и ограничены вопросами взаимодействия между органами власти и гражданами (организациями). Очень аккуратно на этот счет высказываются Б.В. Россинский и Ю.Н. Стариков: «Если форму управления можно достаточно ясно продемонстрировать, показать ее правовое содержание и основное назначение, то методы управления характеризуются «размытостью» содержания, меньшей степенью правовой регламентации» [7, с. 497-498]. Действительно, если исходить из того, что метод управления обязательно находит выражение в форме управления, то какому, например, методу соответствуют принятие нормативного правового акта, проверка организации делопроизводства или проведение совещания?

Было бы трудно согласиться с предположением, что федеральный министр, издавая акт управления, в приоритете использует в отношении своих подчиненных метод убеждения. Его решение будет реализовано в силу того, что в противном случае неизбежны адресные негативные последствия правового характера. В современной административ-

но-правовой литературе не вызывает сомнений, что такой механизм связан с понятием психического принуждения, и его фундаментальное значение для организации публичной власти очевидно. Хотя стоит признать, что и на этот счет допускаются иные точки зрения. Например, по мнению А.А. Косых, разница между негативным убеждением и государственным принуждением заключается в информированности участника правоотношения: «Государственное принуждение (в чистом виде) воздействует, как правило, на правосознание лиц, не убежденных в правильности требований норм права. ... Для сознательно правопослушных граждан меры государственного принуждения будут выступать мерами внешнего негативного убеждения» [6, с. 9].

Трудно найти убедительные примеры нормативного приоритета мер убеждения над мерами административного принуждения. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О полиции» «Деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан». Однако в первом случае речь идет об исчерпании оснований для применения мер принуждения, а во втором – о заведомой бесперспективности и недопустимости применения конкретной меры принуждения. При этом о мерах убеждения ничего не говорится, и не исключается возможность применения иных мер административного принуждения.

Согласно ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если *несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей* (выделено нами. – Н.Ц., А.Д.). Норма детализирует общее правило, обязывающее сотрудника стремиться к минимизации любого ущерба (ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции»). Однако при этом ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О полиции» возлагает на сотрудника обязанность

не убеждать лицо в необходимости выполнения его требований, а предупреждать о намерении применять физическую силу, то есть оказывать психическое принуждение.

В то же время примеров, когда законодательство не допускает отказ от применения меры административного принуждения (по причине применения мер убеждения) очевидно много. Например, согласно ч. 4 ст. 53 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» должностные лица обязаны принять меры по пресечению выявленных ими административных правонарушений или преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, с культивированием наркосодержащих растений, а также по привлечению к ответственности виновных лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 27.12 КоАП РФ «Лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, а также лица, совершившие административные правонарушения, предусмотренные частями 2 и 3 статьи 11.8, частью 1 статьи 11.8.1, частью 1 статьи 12.3, частью 2 статьи 12.5, частями 1, 2 и 4 статьи 12.7 КоАП РФ, подлежат отстранению от управления транспортным средством до устранения причины отстранения». Какими бы эффективными в этом случае ни были предпринятые сотрудниками полиции меры убеждения, уклониться от применения указанной меры административного принуждения они не вправе. В крайних случаях незаконный отказ должностных лиц от применения обязательных для сложившейся ситуации мер административного принуждения может послужить основанием для их привлечения к уголовной ответственности, даже несмотря на то, что своевременно были применены меры убеждения.

На наш взгляд, действующее законодательство при определенных условиях не исключает возможности легального отказа от возбуждения дела об административном

правонарушении по причине его нецелесообразности [подр.: 9], однако это относится к сфере усмотрения соответствующих должностных лиц и не является результатом нормативно установленного доминирования мер убеждения.

Конечно, нельзя отрицать наличие в сфере государственного управления таких задач, решение которых не предполагает применения мер административного принуждения. Примеры могут иметь разноуровневый характер: от обеспечения высокой явки избирателей или решения задач в области демографии до привлечения лиц в качестве понятых и комплектования должности государственной службы. Однако во всех подобных случаях мы находим подтверждение ограниченности метода принуждения, но не его вторичности по отношению к методу убеждения.

Если принять за основу тезис о том, что убеждение и принуждение охватывают всю гамму методов государственного управления, то метод убеждения в привычном смысле этого слова (как разъяснение, воспитание и иные способы морально-нравственного воздействия) не носит правового характера. Поэтому в контексте административно-правовой тематики он не может служить полноценной альтернативой методу административного принуждения в качестве одного из двух универсальных методов. Фундаментальным оказывается метод психического принуждения, актуальный как для внутриорганизационных, так и внешних административных правоотношений. В определенных случаях такое убеждение может выступать элементом процедуры применения меры принуждения либо средством решения управленческой задачи без применения меры принуждения. В обеих вариациях мы не можем говорить о доминировании метода убеждения в административно-правовом смысле этого слова.

Если же понимать убеждение в широком смысле этого слова, как все иные опосредованные нормами административного права меры воздействия, кроме мер административного принуждения, то вывод о доминировании метода убеждения уместен, но при условии, что термин «убеждение» является

собираемым и условным, а теория административного права по непонятной причине упустила из внимания этот важнейший компонент. Так, по утверждению Д.Н. Бахраха, «правовое принуждение осуществляется в связи с неправомерным, вредным для общества деянием как реакция на вредоносное поведение» [3, с. 198]. При такой концепции в сферу убеждения следует относить меры, которые в современной учебной литературе чаще всего принято причислять к мерам предупреждения.

По мнению А.И. Каплунова, «административное принуждение как отраслевой вид государственного принуждения – это метод государственного управления, состоящий в применении субъектами функциональной власти установленных нормами административного и административно-процессуального права принудительных мер воздействия, направленных на обеспечение неукоснительного выполнения юридических обязанностей лицами, в связи с совершением ими действий, угрожающих безопасности личности или общественной безопасности» [5, с. 10]. При этом меры административного принуждения имеют непосредственное нормативное закрепление: «Под применением меры административного принуждения понимается реализация санкции или диспозиции правовой нормы, закрепляющей ту или иную принудительную меру» [5, с. 11]. Под это определение не подходят как отдельные меры правового характера (например, меры поощрения), так и многочисленные меры информационного, экономического, политическо-

го и иного характера, используемые в целях государственной управленческой деятельности и реализуемые с учетом специфики, установленной административным законодательством. Например, информирование, которое не является специфическим административно-правовым инструментом, осуществляется с учетом требований законодательства о средствах массовой информации, об информационных технологиях и защите информации, об аккредитации, чрезвычайных ситуациях, контртеррористических операциях, государственной и иной охраняемой законом тайне и т.д. Нужно признать, что некоторые из таких вопросов находят отражение в учебном курсе «Административно-процессуальное право».

Современная теория административно-го права акцентируется на вопросах применения мер принуждения. Убеждение, как правило, воспринимается в качестве необходимости осуществления разъяснительной работы, которая может осуществляться в том числе при реализации мер принуждения. Воспроизводимое в учебной литературе соотношение этих терминов не имеет полноценного административно-правового наполнения и служит, скорее, традицией. Как представляется, тезис о доминировании метода убеждения над методом принуждения в государственном управлении предполагает возможность их корректного сопоставления в системе общих административно-правовых критериев, а также наличие элемента конкуренции. В настоящий момент отсутствуют основания и для первого, и для второго утверждения.

Библиографический список

1. Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации : учебник / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1996. – 680 с.
2. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. – М.: НОРМА, 2001. – 640 с.
3. Бахрах, Д.Н. Административное право / Д.Н. Бахрах. – М.: НОРМА, 2001. – 288 с.
4. Еропкин, М.И. Избранные научные труды / М.И. Еропкин : под общ. ред. А.П. Шергина, В.Г. Татаряна. – М.: Эксмо, 2010. – 688 с.
5. Каплунов, А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / А.И. Каплунов. – М., 2005. – 58 с.
6. Косых, А.А. Убеждение в праве: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Косых. – Саратов, 2015. – 30 с.
7. Россинский, Б.В. Административное право : учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 4 изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 928 с.
8. Соколов, А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / А.Ю. Соколов. – Саратов, 2012. – 540 с.
9. Цуканов, Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях / Н. Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2008. – N 4. – С. 7-10. – EDN JVYDHF.

Сергей Леонидович МИРОЛЮБОВ,

доцент кафедры криминалистики
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
mirolubov2008@yandex.ru

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ДНК-ИССЛЕДОВАНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ**

**CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF DNA-RESEARCH IN CRIMINALISTICS**

В статье на основе статистических данных рассматриваются количественные и качественные показатели ДНК-исследований и экспертиз, проводимых экспертными подразделениями органов внутренних дел. Проанализирована эффективность данных исследований и экспертиз. Дается сравнительный анализ результатов ДНК-исследований в России и в зарубежных странах. Рассматриваются последние изменения нормативной базы, регламентирующей ДНК-регистрацию. Исследованы перспективные направления развития ДНК-идентификации и фенотипирования при расследовании преступлений.

Based on statistical data the article considers the quantitative and qualitative indicators of DNA-studies and examinations carried out by the expert divisions of internal affairs bodies. The effectiveness of these studies and examinations is analyzed. A comparative analysis of the results of DNA-studies in Russia and foreign countries is given. The latest changes in the regulatory framework governing DNA-registration are considered. The promising directions of development of DNA-identification and phenotyping in the investigation of crimes are studied.

Ключевые слова: ДНК-исследования в криминалистике, количественные и качественные показатели ДНК-исследований, оборудование для проведения ДНК-исследований, ДНК-регистрация, идентификация, фенотипирование.

Keywords: DNA-studies in forensic science, quantitative and qualitative indicators of DNA-studies, equipment for conducting DNA-studies, DNA-registration, identification, phenotyping.

Со времен английского ученого Алекса Джеффрейса – родоначальника ДНК-анализа, который в 1984 году сообщил мировой общественности о криминалистических возможностях и свойствах ДНК [2, с. 260], прошло немало времени. В России отправной точкой в развитии ДНК-анализа в криминалистике следует считать 1989 год, тогда была проведена экспертиза в рамках расследования уголовного дела. Процесс

был сложным и трудоемким, исследования проводились в ручном режиме.

Стремительное развитие науки и техники в XXI веке отразилось и на данном экспертном направлении.

Первая лаборатория криминалистического ДНК-анализа была открыта в экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ) МВД России в 1990 г. Сейчас такие лаборатории имеются в ЭКЦ МВД России и в

74 территориальных органах МВД России¹. Укрепляется кадровый потенциал подразделений. Так, если в 2017 г. право на производство ДНК исследований имели 428 экспертов, то в 2022 г. – уже 622. Все они, как правило, имеют биологическое, медицинское или химико-биологическое высшее образование.

В структуре экспертных подразделений Следственного комитета Российской Федерации с 2011 г. стремительно развивается сеть своих ДНК-лабораторий. Все ДНК-лабо-

ратории СК РФ оснащены самым современным оборудованием и реактивами ведущих мировых производителей (AppliedBiosystems, Promega, Tecan, CarlZeiss, Qiagen, Lumatec, Eppendorf и т.д.). Данное оборудование и реактивы специально валидированы для криминалистических целей. Большое внимание в организации работы лабораторий уделяется процессам автоматизации – все лаборатории оснащены роботами для выделения и нормализации ДНК, автоматизированными рас-

пывающими системами, автоматизированными системами электрофореза². Оборудование позволяет в срок от 8 до 12 часов с момента обнаружения биологических следов получить генетический профиль.

В 2022 г. зарегистрированы 1966,8 тыс. преступлений (-1,9% к показателям 2021 г.). Не раскрытыми на конец года остались 904,5 тыс. преступлений (-3,1% к показателю 2021 г.). Из этого количества тяжкие и особо тяжкие преступления – 30,0% (-3,2%). Остались нераскрытыми 245 убийств и покушений на убийство (-21,7%), 314 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-32,2%), 424,7 тыс. краж (-7,4%), 5,3 тыс. грабежей (-17,4%), 246 разбойных нападений (-34,7%)³ – это те преступления, при совершении которых характерными считаются биологические следы преступника.

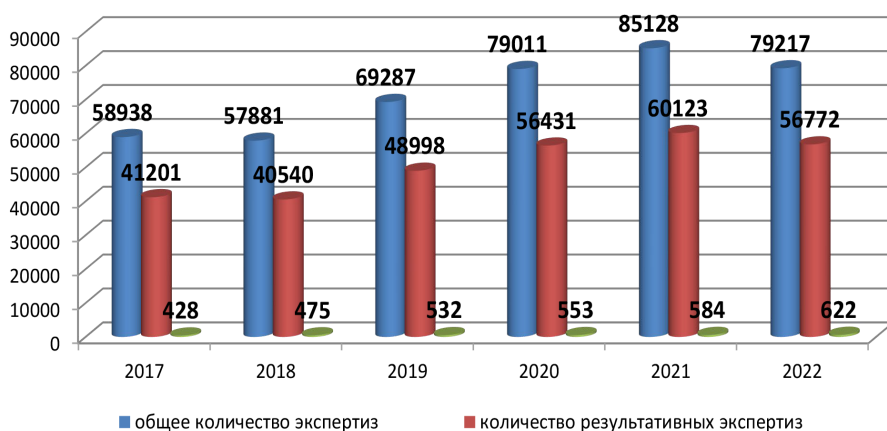

Диаграмма 1. Количество ДНК-экспертиз, проведенных экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России (2017-2022 гг.)

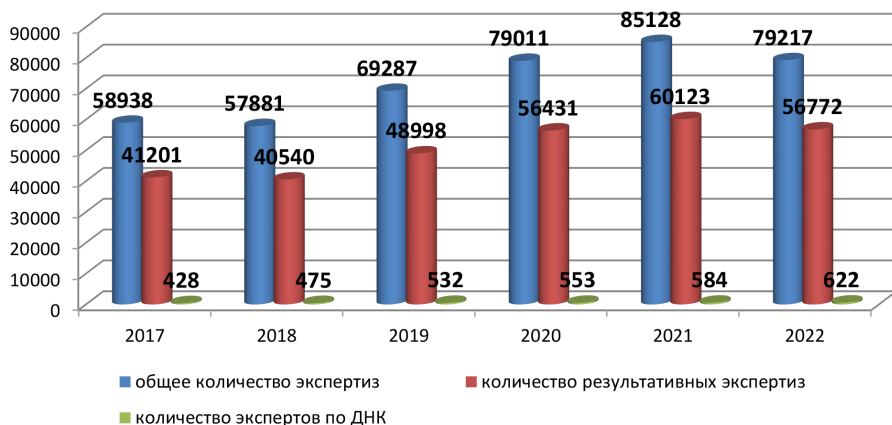

Диаграмма 2. Количество ДНК-исследований, проведенных экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России по запросам оперативных подразделений (2017-2022 гг.)

1 Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.пф/document/25314665> (дата обращения: 03.05.2023).

2 Официальный сайт СК РФ. URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507737/> (дата обращения: 01.05.2023).

3 Состояние преступности в России : сборник / ГИАЦ МВД России. М., 2022.

Генетическая диагностика и идентификация осуществляются в форме судебных экспертиз и исследований. С их помощью сегодня раскрывается огромное количество преступлений, включая преступления прошлых лет. Они характеризуются наличием высокотехнологичного инструментария, полной автоматизацией ДНК-технологий, унификацией и стандартизацией методик, оборудования и реагентов, в европейских и мировом масштабах [2, с. 155].

Динамика криминалистических исследований и ДНК-экспертиз на фоне общего поступательного снижения уровня преступности имеет положительную динамику. Кроме того, эффективность данных исследований следует оценивать исходя из того, сколько преступлений с их помощью раскрыто и расследовано. Так, за 2022 г. эффективность ДНК-исследований составила 85%, экспертиз – 71%. По Республике Татарстан получается эффективность исследований 99,7%, экспертиз – 74,2%.

Особо важное значение в рассматриваемом контексте имеет федеральная система генетической идентификации «Ксенон-2»¹, содержащая более 1 миллиона объектов ДНК, из которых более 130 тысяч – это следы и более 800 тысяч – это профили лиц, осужденных и отбывающих наказание. В 2020 г. по результатам запросов в систему «Ксенон-2» были раскрыты более 6 тысяч преступлений. Ярким примером является уста-

новление в 2020 г. личности «поволжского маньяка» – Радика Т., жителя г. Казани, которого пытались вычислить 8 лет. Исходным моментом считается глубокий анализ федеральной базы (криминалистический учет) геномной информации «Ксенон-2» и установление частичного совпадения генома с мест убийств и генома матери подозреваемого, которая добровольно сдала эпителий в связи с розыском сына. При задержании подозреваемого была проведена ДНК-идентификация, которая уже полностью изобличила последнего. В

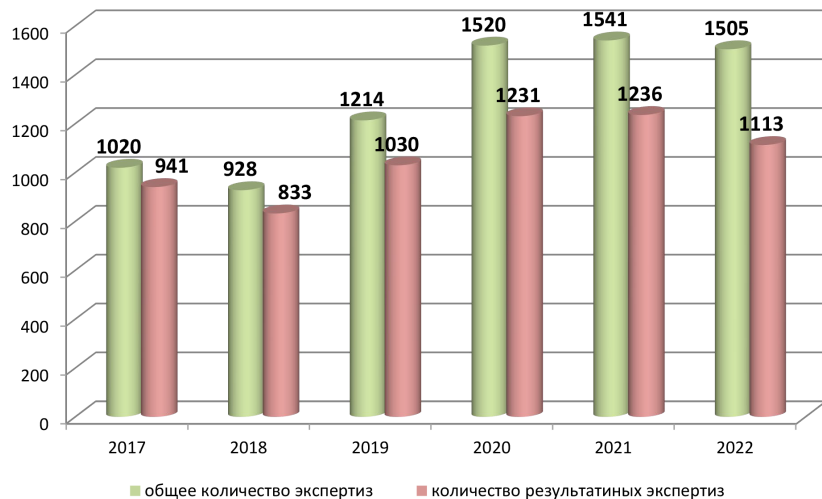

Диаграмма 3. Количество ДНК-экспертиз, проведенных экспертно-криминалистическими подразделениями МВД по Республике Татарстан (2017-2022 гг.)

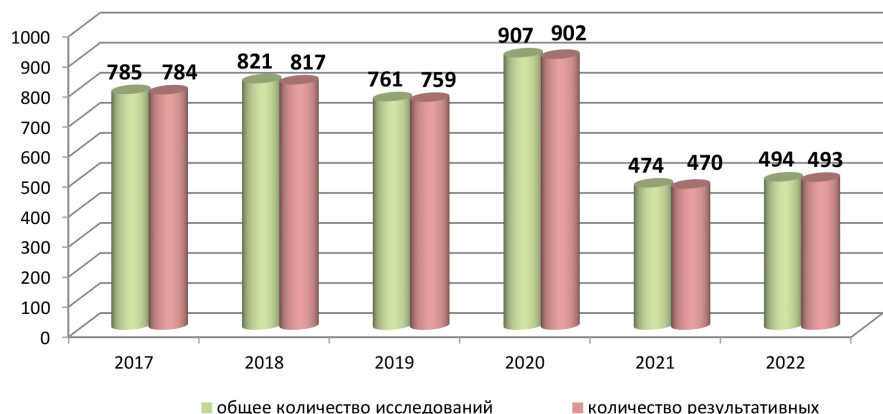

Диаграмма 4. Количество ДНК-исследований, проведенных экспертно-криминалистическими подразделениями МВД по Республике Татарстан по запросам оперативных подразделений (2017-2022 гг.)

1 Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации : приказ МВД России от 23.11. 2017 N 882.

2022 г. он был осужден с наказанием в виде пожизненного лишения свободы¹.

Для сравнения в США при Федеральном бюро расследований организована и используется ДНК-база «CODIS» (Combined DNA Index System). По состоянию на октябрь 2021 г. эта база содержала более 14 836 490 профилей правонарушителей из них 4 513 955 профилей арестованных. Основным показателем «CODIS» – «помощь в расследовании уголовных дел». По состоянию на октябрь 2021 г. система «CODIS» обработала более 587 773 запросов, оказав помощь в более чем 574 343 расследованиях².

Несомненный научный интерес вызывает проблема так называемого двойного выделения при ДНК-исследованиях. Классическим примером это явления представляется дело А. Чикатило. В 1984 г. на экспертизу направлялись образцы крови и спермы последнего с трупа одной из жертв. Согласно выводам экспертов, изъятые с места убийства следы спермы относились к группе АВ (4), Чикатило имел кровь группы А (2). В связи с этим серийный убийца был освобожден и продолжил свой «кровавый путь».

С позиции современного развития ДНК-технологий данный пример полностью опровергается законами генетики и объясняется получением некачественных образцов и ошибками эксперта при проведении экспертизы [5, с. 155].

Невозможно не согласиться с О.П. Грибуновым, который считает, что необходимо расширение базы данных ДНК, и уже сегодня следует проводить отбор проб у всех лиц, подозреваемых в совершении преступлений, что в будущем будет иметь большое превентивное значение [3, с. 106].

С этими доводами профессора О.П. Грибунова и ряда других известных ученых-криминалистов согласился законодатель, и 6 февраля 2023 г. внес дополнения в ст. 7 Федерального закона «О геномной регистра-

ции», расширив перечень субъектов обязательной геномной регистрации. Так, согласно дополнениям, сегодня субъектами обязательной геномной регистрации являются:

1) лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений;

2) неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий;

3) лица, подозреваемые в совершении преступлений, обвиняемые в совершении преступлений.

Особо высокая эффективность ДНК-учета подтверждается еще одним ярким примером. Так, в Казани в 2021 г. с помощью современных возможностей ДНК-идентификации удалось установить и задержать серийного преступника П., более известного как «маньяк с озера Глубокое». Жертвами насильника стали три девушки, четверым потерпевшим удалось выжить, двое из них остались инвалидами. Серия преступлений длилась с 2009 г. по 2017 г. В 2022 г. осужден к пожизненному лишению свободы³.

За сутки человек теряет около миллиона отмерших клеток кожи, которые содержат ДНК. За год это составляет около 3,5 килограмма. Таким образом, следы ДНК мы оставляем на всем, к чему прикасаемся и где бываем. Поэтому помимо ДНК-идентификации личности научный интерес и практическую значимость приобретает ДНК-фенотипирование, сущность которого состоит в исследовании биологических следов с места преступления и прогнозировании физических характеристик преступника. Определение пола, примерного возраста и других внешних параметров. Метод восстановления внешности по генам может стать идеальным ДНК-инструментом для следствия, что подтверждается примерами из практики.

Так, эксперты ДНК-лаборатории Новосибирского Следственного управления СКР

1 Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/22/reg-pfo/sledovateli-prediaivil-obvinienie-povolzhskomu-maniaku.htm> (дата обращения: 06.02.2023).

2 URL: <https://le.fbi.gov/science-and-lab-resources/biometrics-and-fingerprints/codis/codis-ndis-statistics>.

3 Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/10/28/reg-pfo/v-kazani-vynesli-prigovor-serijnomu-nasilniku.html> (дата обращения: 30.04.2023).

помогли вычислить серийного педофила. При расследовании уголовного дела проблема состояла в том, что несовершеннолетние жертвы плохо запомнили внешность маньяка, но все утверждали, что он внешне похож на «нерусского». Эксперты, изучив биологические следы с места преступления, типировали профиль преступника и указали, что мать преступника русская, а отец – уроженец Бурятии. Данное обстоятельство позволило сузить круг подозреваемых с миллиона до 64 лиц¹.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что ДНК-анализ в криминалистике масштабно развивается в количественном и качественном аспекте. Неуклонно растет эффективность. Результаты исследований и экспертиз активно используются при раскрытии и расследовании пре-

ступлений «прошлых лет», насильственных преступлений против личности, а также иных преступлений. Это происходит благодаря высокой точности результатов ДНК-анализа, значительного снижения себестоимости за счет перехода экспертных подразделений на использование отечественных реактивов на фоне экономических санкций со стороны западных стран. До начала СВО применялись преимущественно импортные расходные материалы.

Перспективным направлением развития ДНК-исследований представляется увеличение количества экспертиз по линии ДНК-фенотипирования, а также проведение генной идентификации при расследовании по имущественных преступлений: краж, мошенничеств, грабежей и т.п.

¹ Официальный сайт СК России. URL: <http://sledcom.ru/press/smi/item/1010290/?print=1> (дата обращения: 25.06.2023).

Библиографический список

1. Баженова, Л.В. Перспективы развития генетической идентификации / Л.В. Баженова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – N 2-3. – С. 155-161.
2. Быстряков, Е.Н. Особенности назначения и производства генетических экспертиз вещественных доказательств биологического происхождения при расследовании убийств / Е.Н. Быстряков, А.А. Базарова // Вестник современных исследований. – 2017. – N 6. – С. 260-263.
3. Грибунов, О.П. Совершенствование правового регулирования геномной регистрации в контексте предупреждения преступности / О.П. Грибунов // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – N 1. – С. 101-110.
4. Перепечина, И.О. Эффективность ДНК-анализа при раскрытии и расследовании преступлений / И.О. Перепечина // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – N 2. – С. 80-82.
5. Попов, В.В. Двойное выделительство: научный факт или вымысел / В.В. Попов, В.М. Литвиненко // Юрист-Правовед. – 2018. – N 4(87). – С. 152-156.

Яна Михайловна ПЛОШКИНА,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск),

кандидат юридических наук

ploshkina_yana@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

LEGAL NATURE OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Статья посвящена исследованию проблемы правовой природы российского уголовного процесса. УПК РФ эклектичен, сформирован под влиянием советского, континентального и некоторых элементов англосаксонского типов (моделей) уголовного процесса. Происходившие после принятия УПК РФ реформы в современном российском уголовном судопроизводстве свидетельствуют о поиске вектора его развития. В результате анализа основных типов (моделей) уголовного процесса и с учетом истории зарождения и становления процесса в России, системы стадий и институциональных основ автор аргументирует вывод, что, несмотря на эклектичность современного российского уголовного процесса, составляющую его специфику, российское уголовное судопроизводство относится к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса и имеет много общего с германским уголовным процессом.

The article is devoted to the study of the problem of the legal nature of the Russian criminal procedure. The Code of Criminal Procedure of the RF is eclectic, formed under the influence of the Soviet, continental and some elements of the Anglo-Saxon types (models) of criminal procedure. The reforms that took place after the adoption of the Code of the Criminal Procedure of the RF in the modern Russian criminal procedure indicate a search for a vector of its development. As a result of the analysis of the main types (models) of criminal procedure and taking into account the history of origin and formation of the process in Russia, the system of stages and institutional foundations, the author came to the conclusion that despite the eclecticism of the modern Russian criminal procedure, which constitutes its specificity, the Russian criminal procedure belongs to the continental (Romano-Germanic) type (model) of criminal procedure and has much in common with the German criminal procedure.

Ключевые слова: правовая природа уголовного процесса, германский уголовный процесс, вектор развития, континентальная модель.

Keywords: *legal nature of criminal procedure, Germanic criminal procedure, vector of development, continental model.*

Современное российское уголовное судопроизводство находится в процессе становления, претерпевает многие изменения. УПК РФ готовился и принимался

поспешно, в бурных дискуссиях [2, с. 46], как отмечает С.Б. Россинский, «без должной проработки и единообразного понимания вектора дальнейшего развития» [16, с. 58-65]. Не слу-

чайно, после принятия УПК РФ и вступления в силу с 1 июля 2002 г. он многократно был подвергнут различным изменениям: на сегодняшний день приняты свыше 300 федеральных законов о внесении изменений в УПК РФ, вынесены 37 решений Конституционного Суда РФ о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ.

Уже после принятия УПК РФ были проведены многие реформы: например, реформа следствия с созданием сначала Следственного комитета при прокуратуре РФ, а потом трансформированного в автономный Следственный комитет РФ, реформа судебных инстанций, в результате которой возникла апелляционная форма пересмотра приговоров по всем уголовным делам, претерпели изменения существующие с советского времени кассация и надзор.

Помимо этого в научной сфере ведутся различные дискуссии о трансформации уголовного процесса, например, посредством введения в него института следственного судьи [4; 8, с. 19-26; 18], о введении уголовного проступка в российское право и значительном расширении случаев прекращения уголовного преследования/дела по нереабилитирующим основаниям [8, с. 19-26; 18]. Так, Верховный Суд РФ, используя свое право законодательной инициативы, дважды вносил в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроекты об уголовном проступке (20.12.2018 N 612292-7 и 15.02.2021 N 1112019-7), последний из которых до сих пор находится на рассмотрении¹. Законопроект об уголовном проступке предусматривает в том числе расширение случаев прекращения уголовного преследования/дела по нереабилитирующим основаниям в связи с применением иных мер уголовно-правового характера: в частности наряду с судебным штрафом предлагалось ввести общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. Все это свидетельствует о стремлении российского законодателя определиться с вектором развития уголовного процесса.

Попытки выяснить правовую природу российского судопроизводства обусловлены тем, что современный российский уголовный процесс эклектичен, так как в нем отразилось влияние советского, континентального и некоторых элементов англосаксонского типов (моделей) уголовного процесса. Так, в российском уголовном судопроизводстве предусмотрен суд с участием присяжных заседателей, провозглашен принцип состязательности сторон для всего уголовного судопроизводства, включая не только судебное, но и досудебное производство (ст. 15 УПК РФ), установлен особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), следователь, дознаватель отнесены к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ); вместе с тем следователь, дознаватель обязаны устанавливать как обвиняющие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства (ст. 73 УПК РФ), принимать решения о прекращении уголовного дела/преследования, а суд – собирать доказательства в целях установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73, 85 и 86 УПК РФ); кроме того, предусмотрена подробная регламентация производства предварительного расследования, производимого в формах дознания или предварительного следствия (раздел 8 УПК РФ).

Эклектичность современного российского уголовного процесса порождает существующую уже на протяжении многих лет в российской доктрине дискуссию о правовой природе современного российского уголовного процесса: принадлежит ли он к континентальному (романо-германскому) типу или модели уголовного процесса, но со своей спецификой, или это новая самобытная, эксклюзивная уголовно-процессуальная модель, либо является симбиозом порой не вполне совместимых между собой, а иногда взаимоисключающих элементов разных типов (моделей) западного уголовного процесса (континентальной, англосаксонской) [7, с. 41-43; 5, с. 177-179; 14, с. 8-11].

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> и <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 03.08.2023).

Уважая позиции ученых, хотелось бы поделиться некоторыми аргументированными соображениями относительно правовой природы современного российского уголовного процесса. Несмотря на его эклектичность, образующую специфичность, на наш взгляд, российское уголовное судопроизводство сохраняет приверженность к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса, учитывая его историю зарождения и становления в России, систему стадий и институциональные основы. В отличие от континентального (романо-германского) типа (модели) уголовного процесса в англосаксонской модели нет ярко выраженных этапов предварительного расследования и судебного разбирательства, поскольку уголовно-правовой конфликт от начала до конца разрешается судебным органом, перед которым участники являются сторонами, а сам процесс осуществляется в состязательной форме и другим быть не может [8, с. 19-26].

Следует также учитывать исторический аспект возникновения и развития уголовного судопроизводства в России, которое в результате судебной реформы 1864 года было создано по континентальному типу. Советский уголовный процесс, невзирая на свои особенности, сохранил смешанную форму. Согласно с учеными, считающими, что современный российский уголовный процесс, несмотря на стремление полностью трансформировать его в состязательный, в действительности остается прежним – с розыскным досудебным и состязательным судебным производством; такая стабильность исторической модели уголовного судопроизводства в России обусловлена тем, что в его основе лежит публичное, а не частное начало, поэтому состязательности нет в досудебном производстве, но она обязательна в судебных стадиях [7, с. 41-43].

Помимо этого одним из принципов в российском уголовном судопроизводстве выступает принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, невзирая на его формальное закрепление в УПК РФ. В уголовно-процессуальной доктрине рассматриваемый принцип

именуется иногда принципом объективной истины, содержание которого составляет требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, чтобы установить фактические обстоятельства в соответствии с тем, что было в действительности. Разделяем позицию авторов, относящих принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела к одному из основополагающих в российском уголовном процессе, свидетельствующих об его принадлежности к континентальному типу (модели) уголовного судопроизводства [10, с. 31-36]. Данный принцип в производстве по делу, когда разрешается уголовно-правовой спор, проявляется следующим образом: уголовно-правовая квалификация совершенного деяния должна соответствовать фактическим обстоятельствам уголовного дела, которые были в действительности. Так, по мнению О.В. Качаловой, в отличие от англосаксонского типа (модели) уголовного процесса, где приоритет процессуальных норм допускает и предполагает широкое усмотрение прокурора по распоряжению уголовным преследованием, не находящееся в зависимости от фактических обстоятельств совершенного уголовно наказуемого противоправного деяния и не связанное с конкретной квалификацией обвинения, российское уголовное судопроизводство базируется на строгой обусловленности квалификации деяния и предъявленного обвинения фактическим обстоятельствам дела [11, с. 77-78].

Принадлежность российского уголовного судопроизводства к континентальному типу (модели) уголовного процесса наиболее ярко видна в досудебном производстве, являющемся одним из важных этапов уголовно-процессуальной деятельности, где процессуальная власть над уголовным делом сосредоточена в руках должностного лица, обязанного действовать всесторонне, полно и объективно. Несмотря на закрепление в УПК РФ принципа состязательности, российский законодатель сохранил в уголовном процессе предварительное расследование, предполагающее интеграцию юрисдикционных (следственных) полномочий с полномочиями по осуществле-

нию уголовного преследования [13, с. 10487]. Досудебное производство континентального типа уголовного процесса имеет принципиальные отличия от досудебного производства англосаксонского типа уголовного процесса, где нет лица, уполномоченного по долгу службы устанавливать фактические обстоятельства произошедшего преступления и собирать все доказательства в рамках единого уголовного дела, так как процедуру досудебного собирания доказательств в англосаксонском уголовном процессе возможно сравнить с собиранием доказательств двумя сторонами в гражданском процессе, поэтому действует принцип «двух досье», т.е. каждая их сторон (обвинение и защита) осуществляет собственное доказывание, собирая «досье» для дальнейшего представления в суд [5, с. 190]. Досудебное производство в традиционном понимании – феномен, характерный континентальному типу уголовного процесса [16, с. 58-65].

В континентальной модели судопроизводства в судебном разбирательстве в первой инстанции уголовные дела рассматриваются, как правило, профессиональными судьями, хотя участие непрофессионалов возможно (например, суд шеффенов в Германии, суд с участием присяжных заседателей в России), но оно не является системообразующим и распространенным, в отличие от англосаксонской модели, где дело рассматривается присяжными заседателями, решающими вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а профессиональный судья только председательствует в суде присяжных и вправе рассматривать мелкие уголовные дела. В англосаксонском уголовном процессе иным вариантом разрешения уголовных дел помимо суда присяжных является заключение разнообразных сделок, в том числе сделки о признании вины [5, с. 191-192].

Вместе с тем уголовные процессы стран континентальной Европы существенно различаются между собой. Поэтому в юридической науке традиционно континентальный тип (модель) уголовного судопроизводства подразделяется на романский («французский») и германский («немецкий»), и прежде

всего это касается механизмов организации досудебного производства [16, с. 58-65].

Учитывая специфику российского уголовного процесса, прежде всего его досудебного производства (например, юрисдикционный характер полномочий следователя и дознавателя, прокурорский надзор за процессуальной деятельностью не только органов дознания, но и органов предварительного следствия, а также ведомственный контроль, ограничивающий процессуальную самостоятельность следователя), некоторые ученые говорят о самобытной национальной модели досудебного производства в России в рамках континентального типа уголовного процесса, для которой характерно «бессистемное переплетение разных, в том числе плохо совместимых элементов, присущих другим моделям досудебного производства, что выражается в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности, в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты, а также собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания доказательства, равные по юридической силе, доказательствам, полученным самим судом» [16, с. 58-65].

Уважая самобытность представленного мнения и проанализировав «французский» и «немецкий» виды континентального типа уголовного процесса, приходим к выводу, что современный российский уголовный процесс, и прежде всего досудебное производство, несмотря на свой эклектизм, специфику и особенности, относится к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса и имеет больше сходств с «немецким», в частности с германским, уголовным процессом, чем с «французским» типом, по следующим моментам.

Российский механизм досудебного производства существенно отличается от «французского», несмотря на наличие у следователя и дознавателя полномочий, имеющих юрисдикционный характер. В современном российском уголовном судопроизводстве до-

знание и предварительное следствие – это не автономные стадии уголовного процесса, а одна стадия – предварительное расследование, осуществляемое в форме предварительного следствия или в форме дознания. Хотя основной формой расследования является предварительное следствие, российский законодатель предусматривает обширный перечень составов преступлений (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ), когда расследование проводится в форме дознания, а также допускает возможность дознания по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести по письменному указанию прокурора (п. 2 ч. 3 ст. 250 УПК РФ). Таким образом, в российском уголовном процессе дознание является полноценной формой предварительного расследования, когда возможно не прибегать к предварительному следствию. Российский законодатель закрепляет возможность перехода от дознания к предварительному следствию по письменному указанию прокурора (ч. 4 ст. 150 УПК РФ), так как дознание – упрощенная форма производства по отношению к следствию; но переход от следствия к дознанию невозможен.

Все это отличается от «французского» механизма досудебного производства (Франция, Бельгия, Испания, Греция и пр.), где предусмотрено четкое разграничение полицейского дознания и предварительного следствия и их функций: дознание отнесено к полиции, действующей под надзором прокурора; по завершении дознания именно прокурор решает возбуждать уголовное преследование/дело или отказать в его возбуждении. После возбуждения уголовное дело передается следственному судье для производства предварительного следствия. При этом предварительное следствие имеет судебную природу: следственные судьи – представители юстиции, наделенные обширными юрисдикционными полномочиями, сходными с полномочиями суда: они могут осуществлять следственные действия, собирать доказательства, формировать материалы уголовного дела, выносить имеющие правовые последствия правоприменительные акты [5, с. 193].

В отличие от «французских» следственных судей российские следователи не при-

надлежат к органам юстиции, а находятся в ведении органов исполнительной власти (следователи органов внутренних дел РФ и органов федеральной службы безопасности, ч. 2 ст. 150 УПК РФ) или такого федерального государственного органа, как Следственный комитет РФ, возникшего в 2011 г. (см. ч. 2 ст. 150 УПК РФ и Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Кроме того, для всех органов предварительного расследования в России, в том числе и для органов предварительного следствия, свойственна иерархическая организация, сходная с устройством полицейских органов, а также сильный ведомственный контроль, характерный не только для дознавателей, но и следователей. Хотя российский законодатель закрепляет процессуальную самостоятельность следователя, которая проявляется в его праве самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), но она сильно ограничивается ведомственным контролем. Так, руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Указания руководителя следственного органа по уголовному делу обязательны для исполнения следователем, а несогласие следователя с данными ему поручениями не является основанием для обязательной передачи дела другому следователю (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Все это свидетельствует в пользу «немецкого» механизма досудебного производства.

«Немецкому» механизму досудебного производства (Германия, Австрия, Швейцария и

пр.) свойственны упрощенные процедуры судебного производства: нет судебного предварительного следствия, имеется прокурорско-полицейское дознание, когда полиция действует под сильным надзором прокурора: полиция формирует доказательства, а прокурор на их основании выносит процессуально значимые решения. Для наглядной иллюстрации предлагаем обратиться к германскому уголовному процессу, являющемуся типичным и ярким представителем «немецкого» уголовного процесса.

В уголовном процессе Германии предварительное расследование проводится в форме дознания, «хозяйкой» [1, с. 63; 20, с. 49; 21, с. 51] которого выступает прокуратура, которая осуществляет расследование уголовного дела как непосредственно, так и давая соответствующие поручения сотрудникам полиции. В соответствии с §160 I УПК ФРГ при получении прокуратурой информации о совершенном преступном деянии она должна исследовать фактические обстоятельства для решения вопроса о предъявлении публичного обвинения¹. В обязанности прокуратуры входит предъявление публичного обвинения, для чего она должна принять меры в отношении всех преступных деяний, подлежащих преследованию, когда имеются достаточные фактические данные (§152 УПК ФРГ). В обязанности прокуратуры входит установление не только уличающих, но и оправдывающих обстоятельств, а также обеспечение сохранности доказательств, которые могут быть утрачены (§160 II УПК РФ). К полномочиям прокуратуры относится принятие юридически значимых процессуальных решений, например, решение об отказе от уголовного преследования, приостановлении и прекращении уголовного дела (см. §153 и последующие параграфы УПК ФРГ) [6, с. 226-234; 19, с. 82-88]. Таким образом, для принятия решения о предъявлении публичного обвинения прокуратура обязана исследовать все фактические обстоятельства как сама непосредственно, так и при помощи полиции; при этом сотрудники полиции должны выполнять

основанные на законе требования или поручения прокуратуры (§161 I УПК ФРГ). К полномочиям полиции относится расследование преступных деяний и принятие любых мер, не терпящих отлагательств. Сотрудники полиции, являющиеся помощниками прокуратуры [1, с. 73; 20, с. 60], незамедлительно направляют результаты расследования в прокуратуру. Если же имеется необходимость в проведении судебного следственного действия на стадии дознания, то необходимые материалы направляются непосредственно в участковый суд (§163 УПК ФРГ).

На наш взгляд, современный российский уголовный процесс, и прежде всего предварительное расследование, имеет много общего с «немецким» механизмом: осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), а также сильный ведомственный контроль как в дознании, так и за следствием, ограничивающий провозглашенную в УПК РФ процессуальную самостоятельность следователя, который не относится к органу юстиции, в отличие от следственных судей во «французской» модели досудебного производства.

Несмотря на отсутствие в настоящее время у прокурора права возбуждать производство по уголовному делу и самостоятельно проводить расследование, в досудебном производстве он наделен многими правами, позволяющими оказывать влияние на ход предварительного расследования, в частности уполномочен:

выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении

1 В УПК ФРГ используется термин «публичное обвинение» (*öffentliche Klage*), содержание которого схоже с таким понятием, как «государственное обвинение», используемое в российской уголовно-процессуальной доктрине.

сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Кроме того, дознание в российском уголовном процессе, по сути, построено в соответствии с «немецким» механизмом досудебного производства. Так, в дознании в Российской Федерации воплощена модель «сильной прокуратуры», так как прокурор уполномочен:

давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном УПК РФ (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Другой отличительной особенностью «немецкого» механизма досудебного производства является институт следственного судьи (Ermittlungsrichter), фигура которого кардинальным образом отличается от схожего по наименованию института французского типа, поскольку следственный судья в «немецком» механизме досудебного производства не производит предварительное следствие, не рассматривает уголовное дело по существу, а преимущественно осуществляет судебный контроль за полицейско-прокурорским дознанием при проведении процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы.

Так, следственный судья в германском уголовном процессе в дознании уполномочен выносить решения о применении ряда мер, ограничивающих конституционные права и свободы (например, выемка предметов, находящихся в фактическом владении лица, которое отказывается добровольно их выдать (§ 94 II, 98 УПК ФРГ), контроль за телекоммуникациями и их запись без ведома лиц, которых затрагивают данные меры (§ 100a, 100b УПК ФРГ), прослушивание и запись разговоров лиц без их ведома в жилище при помощи технических средств (§ 100c, 100d УПК ФРГ), прослушивание и запись при помощи технических средств высказываний лиц без их ведома, сделанных негласно за пределами жилища (§ 100f УПК ФРГ), заключение под стражу (§ 112 и последующие, § 125 УПК ФРГ), предварительное помещение в психиатрическую клинику или специальное лечебное учреждение (§ 126a УПК ФРГ), временный запрет на занятие профессиональной, коммерческой деятельностью или определенным видом деятельности (§ 132a УПК ФРГ) [1, с. 184-185; 20, с. 180-181].

Однако в случаях, не терпящих отлагательства, прокурор обладает полномочием по принятию решений о проведении процессуальных действий, ограничивающих кон-

ституционные права и свободы (в частности, § 98, 100b, (100f, 100g, 100h, 105, 111, 111e, 131, 132 и др. параграфы УПК ФРГ) за рядом исключений, например, за исключением прослушивания и записи разговоров в жилище, временного лишения водительских прав, заключения под стражу, предварительного помещения в психиатрическую клинику или специальное лечебное учреждение, запрета на занятие профессиональной, коммерческой деятельностью или определенным видом деятельности.

Кроме того, в германском уголовном процессе прокуратура заинтересована в том, чтобы задействовать следственного судью в досудебном производстве с целью обеспечения сохранности собранных доказательств [1, с. 185; 20, с. 181].

Таким образом, институт следственного судьи в германском уголовном процессе по сути представляет собой судебный контроль над прокурорско-полицейским дознанием, поскольку в большинстве случаев следственный судья дает разрешение на проведение мер, ограничивающих конституционные права и свободы человека, а также выступает в качестве гаранта, обеспечивающего сохранность собранных доказательств в случаях, установленным уголовно-процессуальным законодательством Германии. Все это схоже с осуществлением судебного контроля над досудебным производством в российском уголовном процессе.

Наряду с главным направлением судебной деятельности – осуществление правосудия (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), у российского

суда имеется еще и второе направление: судебный контроль над досудебным производством, который реализуется в двух формах:

– выдача судом органам предварительного расследования разрешения на совершение действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ; ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

– рассмотрение судом жалоб на решения и действия (или бездействие) органов предварительного расследования (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ; ч. 3 ст. 29 УПК РФ).

Поэтому осуществление судебного контроля над досудебным производством в российском уголовном процессе по сути схоже с деятельностью следственного судьи в ФРГ, несмотря на отсутствие такой специальной фигуры в российском судопроизводстве. Поэтому согласны с авторами, утверждающими, что правовые основания для института следственных судей в контексте «немецкого» подхода уже в принципе заложены на конституционном уровне при принятии Конституции РФ 1993 года [8].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, считаем, что, невзирая на эклектичность современного российского уголовного процесса, составляющую его специфику, российское уголовное судопроизводство относится к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса и имеет много общего с германским уголовным процессом, учитывая его историю зарождения и становления в России, систему стадий и институциональные основы.

Библиографический список

1. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной. – Красноярск, 2004.
2. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ / Б.Я. Гаврилов // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ) : сборник статей по материалам международной научно-практ. конф. / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. – СПб., 2018.

3. Головкин, Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека / Л.В. Головкин // Закон. – 2018. – N 1.
4. Головкин, Л.В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции / Л.В. Головкин. – URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html.
5. Головкин, Л.В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головкин, Л.В. Брусницын, А.А. Арутюнян ; под ред. Л.В. Головкин. – М., 2021.
6. Головиненков, П. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ – Strafprozessordnung (StPO): научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ» / П. Головиненков, Н. Спица. – Потсдам, 2012.
7. Давлетов, А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? / А.А. Давлетов // Российская юстиция. – 2017. – N 6.
8. Давлетов, А.А. Следственный судья в современной модели уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Российский судья. – 2020. – N 6.
9. Звечаровский, И.Э. На пути к уголовному проступку / И.Э. Звечаровский // Законность. – 2021. – N 2.
10. Качалов, В.И. Действие уголовно-процессуальных принципов состязательности и всесторонности, полноты и объективности в стадии исполнения итоговых судебных решений / В.И. Качалов // Мировой судья. – 2017. – N 3.
11. Качалова, О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... докт. юрид. наук. / О.В. Качалова. – М., 2016.
12. Мартыненко, Н.Э. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда РФ ввести новую уголовно-правовую категорию / Н.Э. Мартыненко, Э.В. Мартыненко // Российский следователь. – 2021. – N 1.
13. Масленникова, Л.Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Л.Н. Масленникова. – М., 2022.
14. Махов, В.Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса / В.Н. Махов // Российский судья. – 2016. – N 9.
15. Медведев, Е.В. Уголовный проступок как «новый» уголовно-правовой феномен / Е.В. Медведев, В.И. Титов // Российский следователь. – 2019. – N 10.
16. Россинский, С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – N 4.
17. Самарин, В.С. Уголовный процесс европейских государств / В.С. Самарин, В.В. Луцки. – М., 2018.
18. Смирнов, А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель / А.В. Смирнов. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.
19. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ / пер. с нем. Б.А. Филимонова. – М. 1994.
20. Beulke, W. Strafprozessrecht / W. Beulke, S. Swoboda. – Heidelberg, 2022.
21. Roxin, C. Strafverfahrensrecht / C. Roxin. – München, 1998.

Вячеслав Витальевич МОЛОКОВ,
начальник кафедры информационно-правовых
дисциплин и специальной техники
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат технических наук, доцент
vvmolokov@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВАРИАЦИОННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

STUDY OF VARIATION INDICATORS OF CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье на основе данных официальной статистики исследуются показатели вариации преступности в Российской Федерации и ее административно-территориальных единицах. С использованием методов теории статистики проводится комплексный анализ системно-структурных изменений и статистических связей преступности в федеральных округах Российской Федерации. Изучение статистических показателей позволило выделить важные криминологические характеристики рассматриваемых процессов, определить тенденции развития преступности и ее структуры.

The article based on official statistics, examines indicators of crime variation in the Russian Federation and its administrative-territorial units. Using methods of statistical theory, a comprehensive analysis of systemic-structural changes and statistical relationships of crime in the federal districts of the Russian Federation is conducted. The study of statistical indicators made it possible to identify important criminological characteristics of the processes under consideration and to determine trends in the development of crime and its structure.

Ключевые слова: методы теории статистики, анализ динамических рядов, показатели преступности, оценка вариации, корреляционный анализ.

Keywords: *methods of statistical theory, time series analysis, crime indicators, variation assessment, correlation analysis.*

В большинстве аналитических материалов и публикаций, посвященных криминологическим исследованиям состояния и динамики преступности, часто используются различные методы теории статистики. Наиболее употребительными являются инструменты описательной статистики, меры оценки совокупности и структуры, показатели динамики, корреляционный, факторный, кластерный анализ и т.п. [4-8]. В настоящее время активно совершенствуются подходы к ре-

ализации комплексного информационно-статистического анализа преступности [1]. Инструментарий статистического исследования становится более доступным с внедрением интеллектуальных информационных технологий анализа данных [2]. Применение математических методов намного расширяет объем априорной информации об исследуемых процессах и позволяет исследователю делать аргументированные выводы, извлекать новые данные и подкреплять их численными харак-

теристиками, что также способствует принятию ответственных и взвешенных решений в борьбе с преступностью [3].

В статье на основе динамики основных показателей преступности в Российской Федерации исследуются характеристики вариации признаков и их структурных изменений. Априорные данные получены на ресурсах «Портал правовой статистики» Генеральной прокуратуры Российской Федерации (crimestat.ru) и Федеральной службы государственной статистики (rosstat.gov.ru). Объем выборки криминологических показателей преступности характеризуется динамикой статистических наблюдений за 2017-2022 гг. и составляет 6 лет. В выборочную совокупность включены абсолютные и относительные показатели, нормированные на среднюю численность населения в рассматриваемых территориальных единицах.

Общая тенденция изменения динамики коэффициента преступности в Российской Федерации и федеральных округах характеризуется незначительным снижением, что иллюстрируется диаграммой.

Как видно из рисунка часть административно-территориальных единиц находятся

на среднем уровне преступности, который близок к показателю Российской Федерации – это Южный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа (ФО). Выше уровня преступности в Российской Федерации находятся Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, ниже Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа.

Более точную характеристику изменения динамики дают показатели темпа роста преступности. Средние значения темпов роста преступлений по категориям представлены в таблице 1.

В среднем динамика общего числа зарегистрированных преступлений в России незначительно снижается либо находится в боковом тренде. Несмотря на общее снижение преступности в ее структуре наблюдаются изменения, снижается количество преступлений небольшой и средней тяжести, вместе с тем увеличивается число тяжких и особо тяжких преступлений. При этом средний темп роста нераскрытых тяжких преступлений составляет 110,2%.

По отдельным видам в Российской Федерации отмечается увеличение средних темпов роста числа зарегистрированных

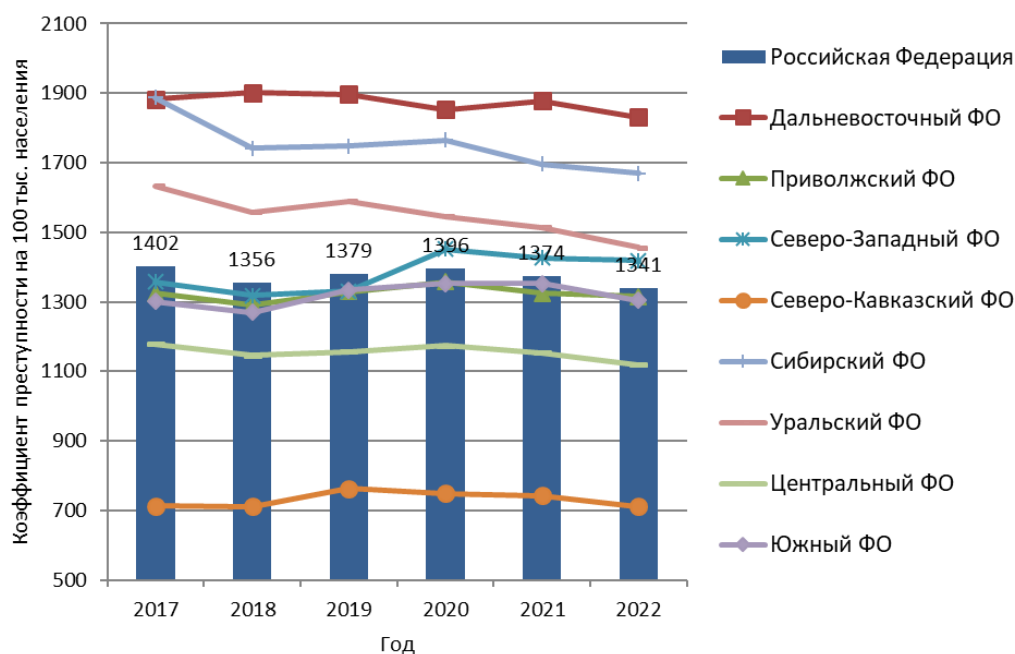

Диаграмма. Динамика изменения коэффициента преступности в федеральных округах Российской Федерации в 2017-2022 гг.

Таблица 1
Динамика изменений средних значений темпов роста преступности по категориям в Российской Федерации за период 2017-2022 гг.

Федеральный округ	Всего зарегистрировано преступлений	Категории			
		преступления небольшой тяжести	преступления средней тяжести	тяжкие преступления	преступления особой тяжести
Российская Федерация	99,1	98,1	96,7	105	103,6
Дальневосточный	104,6	104,6	101	112,1	104,3
Приволжский	99,3	98,1	96,1	107,2	102,9
Северо-Западный	100,9	100,3	99,9	104,8	97,2
Северо-Кавказский	100,8	99,9	98,1	106,3	103,4
Сибирский	94,8	94,1	92	100,6	101,4
Уральский	97,6	97,4	94,7	101,8	101,6
Центральный	99,5	98,4	97,1	104,9	100,9
Южный	100,4	98,3	99,3	106,5	104,7

преступлений, например, преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки) – 111,7%, преступлений по ст. 291 УК РФ (дача взятки) – 115,7%. По административно-территориальным единицам Российской Федерации наибольшее значение средних темпов роста преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки) отмечается в Северо-Кавказском федеральном округе (120,7%), преступлений по ст. 291 УК РФ (дача взятки) в Приволжском федеральном округе (123,6%). Увеличивается динамика выявленных лиц в составе организованной группы или преступного сообщества, средний темп роста этого показателя в Российской Федерации составляет 107,5%, наибольшее значение по округам наблюдается в Дальневосточном федеральном округе – 111,2%, наименьшее значение в Северо-Кавказском федеральном округе – 99,1%.

С целью установления изменения структурных различий преступности по характеру и степени общественной опасности деяний в 2022 г. по отношению к 2017 г. использовался индекс В.М. Рябцева (это некоторое число от 0 до 1, чем ближе значение коэффициента к 1, тем сильнее различия в структуре). Результаты анализа представлены в таблице 2.

Как следует из таблицы 2, наибольший уровень индекса В.М. Рябцева фиксируется

в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах, что свидетельствует о преобладающих структурных сдвигах в этих административно-территориальных образованиях, однако существенных различий в структуре зарегистрированных преступлений по категориям в 2022 г. по сравнению с 2017 г. не наблюдается.

Одним из значимых показателей динамических рядов является вариация признаков, которая характеризуется значениями дисперсии,

среднеквадратического отклонения, размахом вариации. Для сравнения вариации признаков различной размерности удобно использовать интегральный показатель – коэффициент вариации, который выражается в процентах. На основе выборочных наблюдений показателей преступности за 2017-2022 гг. были вычислены коэффициенты вариации категорий преступности, которые представлены в таблице 3.

Таблица 2
Оценка различий структуры преступности в Российской Федерации по категориям в 2017 и 2022 годах

Федеральный округ	Значение индекса Рябцева
Российская Федерация	0,06
Дальневосточный	0,10
Приволжский	0,08
Северо-Западный	0,10
Северо-Кавказский	0,07
Сибирский	0,06
Уральский	0,04
Центральный	0,06
Южный	0,06

Таблица 3

Коэффициенты вариации показателей преступности по категориям
в федеральных округах Российской Федерации за период 2017-2022 гг.

Федеральный округ	Всего зарегистрировано преступлений	Категории				Разбиение на кластеры
		преступления небольшой тяжести	преступления средней тяжести	тяжкие преступления	преступления особой тяжести	
Российская Федерация	1,7	3,7	6,2	13,9	5,8	не проводилось
Дальневосточный	4,6	10,3	10,2	20,6	8,6	1
Приволжский	1,8	3,9	7,5	18,6	7,2	2
Северо-Западный	3,9	2,5	3,8	16,7	5,0	2
Северо-Кавказский	3,3	3,1	4,3	13,9	12,4	3
Сибирский	9,9	11,6	16,4	11,9	8,6	1
Уральский	4,2	5,3	9,6	9,6	5,0	2
Центральный	1,2	3,3	6,0	12,7	7,3	2
Южный	2,5	2,8	2,5	15,2	12,7	3

Как следует из таблицы 3, наибольшие изменения в значении коэффициента вариации общего числа зарегистрированных преступлений за период 2017-2022 гг. наблюдались в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Также в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах вариативность отдельных категорий преступлений была наиболее сильной (выделены серым цветом), наравне с этим в данных округах фиксируются наибольшие средние значения коэффициентов преступности (Дальневосточный федеральный округ – 1874 на 100 тыс. населения, Сибирский федеральный округ – 1751 на 100 тыс. населения). С целью выделения групп субъектов с близкими показателями вариации был применен метод иерархической кластеризации. Результаты автоматического разбиения, представленные в таблице 3, можно интерпретировать следующим образом: 1 класс – субъекты с «высоким» показателем вариации преступности, 2 класс – «средним», 3 класс – «низким».

Отдельно следует выделить вариативность показателей по отдельным видам преступлений. Наиболее сильной вариацией в Российской Федерации обладают следующие зарегистрированные преступления:

экстремистской направленности – 34,1%; по ст. 291 УК РФ (дача взятки) – 28,4%; по ст. 290 УК РФ (получение взятки) – 21,2%; по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 13,8%. Высокой вариативностью в Российской Федерации обладают иные криминологические показатели: выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, – 59,7%; не раскрыто преступлений по ч. 4, ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, – 58,7%; не раскрыто преступлений экстремистской направленности – 49,3%.

В таблице 4 приведены максимальные значения коэффициентов вариации по отдельным видам преступлений в федеральных округах Российской Федерации. Как можно заметить, вариация по отдельным видам преступлений имеет территориальные особенности, что может означать либо высокий уровень управляющих воздействий на преступность, либо влияние различных факторов социально-экономического состояния федеральных округов. Однако изучение данных особенностей требует более глубоких криминологических исследований и обоснований.

Таблица 4

Максимальные значения коэффициентов вариации показателей преступности по отдельным видам в федеральных округах Российской Федерации за период 2017-2022 гг.

Вид преступности	Федеральный округ	Коэффициент вариации, %
Всего зарегистрировано преступлений	Сибирский	9,9
Зарегистрировано преступлений небольшой тяжести	Сибирский	11,6
Зарегистрировано преступлений средней тяжести	Сибирский	16,4
Зарегистрировано тяжких преступлений	Дальневосточный	20,6
Зарегистрировано преступлений особой тяжести	Южный	12,7
Зарегистрировано убийств и покушений на убийство (ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ)	Сибирский	23,4
Зарегистрировано преступлений по ст. 111 УК РФ - умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	Сибирский	20,1
Зарегистрировано преступлений по ч. 4, ст. 111 УК РФ - умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего	Северо-Кавказский	17,2
Зарегистрировано преступлений экономической направленности	Южный	14,8
Зарегистрировано преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки)	Северо-Кавказский	35,1
Зарегистрировано преступлений по ст. 291 УК РФ (дача взятки)	Уральский	45,0
Зарегистрировано преступлений террористического характера	Дальневосточный	58,6
Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности	Уральский	58,8
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	Северо-Западный	14,6
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	Северо-Кавказский	21,1
Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства	Северо-Кавказский	19,3
Количество преступлений, совершенных гражданами государств-участников СНГ	Южный	39,2
Зарегистрировано преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	Южный	20,0

Результаты анализа вариативности исследуемых показателей в Российской Федерации свидетельствуют об изменении динамики преступности, ее структурных сдвигах, а также преобладании характерных региональных особенностей. Несомненно, на интенсив-

ность вариации влияет и размерность самого признака, но как правило полученные оценки коррелируют и с другими статистическими величинами, например, темпом роста, коэффициентом преступности и т.п.

Кроме анализа вариационных характеристик временного ряда исследовались оценки взаимосвязи признаков с использованием парного коэффициента корреляции Пирсона. Были построены корреляционные матрицы для каждого федерального округа и Российской Федерации в целом.

Выявлены следующие наиболее значимые (на уровне коэффициента корреляции $\pm 0,95$) зависимости для Российской Федерации и отличительные особенности в федеральных округах.

1. Установлена высокая зависимость между зарегистрированными преступлениями небольшой и средней тяжести и выявленными лицами, ранее совершавшими преступления; совершившими преступления в состоянии наркотического и алкогольного опьянения; лицами, не имеющими постоянного источника дохода. При этом такая зависимость не характерна для Северо-Западного и Северо-Кавказского федеральных округов.

2. Высокая степень взаимосвязи имеется между выявленными лицами, ранее совершавшими преступления и зарегистрированными убийствами и покушениями на убийство (ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ); преступлениями по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; преступлений по ч. 4, ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего; преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Тем не менее в Южном федеральном округе такая зависимость не ярко выражена, а в Северо-Кавказском федеральном округе она носит обратный характер.

3. Выявлена зависимость между преступлениями экстремистской направленности

и количеством преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Установлено, что наибольший коэффициент корреляции наблюдается в Сибирском федеральном округе, а наименьший в Уральском федеральном округе.

4. Наибольший по модулю средний коэффициент корреляции в Российской Федерации определен для показателей: выявлено лиц, совершивших преступления, не имеющих постоянного источника дохода; зарегистрировано преступлений по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; зарегистрировано убийств и покушений на убийство (ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ); зарегистрировано преступлений по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом преступность, как и многие социально-экономические процессы, обладает инерционностью и невысоким уровнем показателя вариации признаков, что характерно для саморегулирующихся систем. Системно-структурный характер преступности выражается в сильной связности составляющих ее показателей, наличием общих трендов и изменений доли признаков, не оказывающих значительного влияния на общий уровень преступности. Вместе с тем показатели преступности в федеральных округах России имеют региональные особенности, которые так же системно-структурны, как в Российской Федерации в целом, но могут отличаться показателями темпа роста, уровня вариации признаков, долевым соотношением видов преступлений и корреляционной связью.

Библиографический список

1. Богданова, М.В. Методика информационно-статистического анализа преступности в Российской Федерации / М.В. Богданова, Л.С. Паршинцева // Правовая информатика. – 2018. – N 3. – С. 47-59.
2. Заславская, В.Л. Актуальные технологии, методы и приемы интеллектуального анализа данных / В.Л. Заславская // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 1. – N 11(131). – С. 151-164.
3. Крушанова, Л.А. Роль статистических источников в формировании представлений о состоянии преступности в отечественных исторических исследованиях / Л.А. Крушанова // Архонт. – 2018. – N 3(6). – С. 67-76.
4. Многомерный статистический анализ показателей преступности в субъектах Российской Федерации в задаче синтеза оценки уровня криминогенности / А.С. Приказчикова, Г.С. Приказчикова, Р.Э. Асланов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – N 1. – С. 18-29.
5. Примакин, А.И. Применение математических методов в криминологических исследованиях (на примере коррупционных преступлений) / А.И. Примакин, А.Б. Ефимова // Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов в противодействии коррупции : материалы межведомственной научно-практической конференции / сост. А.Д. Рубан. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 181-187.
6. Туробов, А.В. Международный опыт применения математико-статистических алгоритмов прогнозирования преступности / А.В. Туробов, М.А. Чумакова, А.В. Вечерин // Международные процессы. – 2019. – Т. 17. – N 4(59). – С. 153-177.
7. Факторный анализ уровня экономической преступности в Российской Федерации / К.Н. Горпинченко, С.К. Власенко, И.А. Черникова [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – N 6-1. – С. 28-35.
8. Фомин, С.А. История развития применения методов статистического анализа в изучении преступности отечественными учеными в 20-80-е годы XX века / С.А. Фомин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – N 2(85). – С. 52-63.

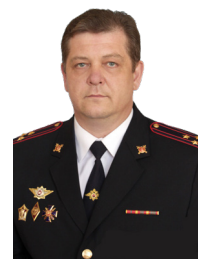
**Владимир Александрович
ГУСЕВ,**

заместитель начальника
Омской академии МВД России
(по научной работе),
доктор юридических наук, профессор
gusevva@mail.ru

**Вадим Игоревич
СУРГУТСКОВ,**

заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
surgutskov55@mail.ru

**Олег Юрьевич
ФИЛИПОВ,**

начальник кафедры экономической
теории и финансового права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
ole0802@yandex.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СИЛЫ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПОДХОД И ЕГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ**

**LEGAL REGULATION OF THE USE OF POLICE FORCE BY THE MILITARY
PERSONNEL OF THE CHIEF DIRECTORATE FOR SPECIAL PROGRAMS
OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE EXISTING APPROACH AND ITS IMPROVEMENT**

В статье представлены результаты анализа Федерального закона от 14 июля 2022 г. N 336-ФЗ, других нормативных правовых актов, в которых закреплено право военнослужащих Главного управления специальных программ Российской Федерации (ГУСП) на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Авторы приходят к выводу, что в тексте указанного Федерального закона присутствуют недостаточная упорядоченность и системность, которые способны вызвать определенные сложности в толковании и правоприменении отдельных норм, регулирующих основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

The results of the analysis of the Federal Law N 336-FZ dated July 14, 2022, and other normative legal acts, which assign the right of military personnel of the Chief Directorate for Special Programs of the Russian Federation (GUSP) to use physical force, special means and firearms are presented in the article. The authors come to the conclusion that the text of the mentioned Federal Law contains insufficient order and consistency that can cause certain difficulties in the interpretation and enforcement of certain rules governing the grounds and procedure for the use of physical force, special means and firearms.

Ключевые слова: физическая сила, специальные средства, огнестрельное оружие, право на применение полицейской силы, военнослужащие ГУСП.

Keywords: physical force, special means, firearms, right to use police force, GUSP military personnel

14 июля 2022 г. был принят Федеральный закон N 336-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации” и статью 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”»¹, который дополнил Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»² разделом, закрепляющим основные положения обеспечения безопасности на специальных объектах военными федеральными органами обеспечения мобилизационной подготовки.

Федеральными законами «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее – Закон о мобилизационной подготовке и мобилизации, Закон), «Об обороне»³ и «О воинской обязанности и военной службе»⁴ предусмотрен федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации. Одной из его основных задач названа организация функционирования пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения, отнесенных к его ведению, и объектов их инфраструктуры, а также поддержание специальных объектов в готовности к использованию по назначению.

В конце 2017 г. Президент Российской Федерации определил, что федеральным органом обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, в котором предусмотрена военная служба, является Главное

управление специальных программ Президента Российской Федерации (ГУСП)⁵. Данное ведомство, к слову, относится к федеральным агентствам, то есть, по логике, призвано в пределах своей компетенции осуществлять функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом. Вместе с тем, вопреки предложению одного из авторов реорганизовать ГУСП в службу или даже министерство с учетом «столь масштабного подхода законодателя к видовой разнообразию функций» данного федерального органа исполнительной власти [4, с. 19], полагаем, что этот факт отнюдь не свидетельствует об ошибке в определении наименования ведомства, а лишь в который раз диагностирует наметивший в последние годы отход от, казалось бы, строгих нормативно установленных⁶ функциональных разграничения между федеральными министерствами, службами и агентствами.

Отметим, что военнослужащие различных родов войск выполняют боевые и иные возложенные на них задачи на основании уставов, закрепляющих, право на хранение, ношение, применение и использование оружия. Так, в соответствии с п. 13 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации условия и порядок применения его военнослужащими определяются данным Уставом, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, Корабельным уставом Военно-Морского Флота и Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации⁷.

Необходимо учитывать, что в соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от

1 О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : Федеральный закон от 14.07.2022 N 336-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : Федеральный закон от 26.02.1997 N 31-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3 Об обороне : Федеральный закон от 31.05.1996 N 61-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4 О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5 Вопросы Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2017 N 651 // СПС «КонсультантПлюс».

6 О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 N 314 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10.11.2007 N 1495 // СПС «КонсультантПлюс».

27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие имеют право на хранение, ношение, применение и использование¹ оружия в порядке, определяемом федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. К таким основным законодательным актам следует отнести федеральные законы: от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»², от 27 мая 1996 г. N 57-ФЗ «О государственной охране»³, от 31 мая 1996 г. N 61-ФЗ «Об обороне»⁴ и от 3 июля 2016 г. N 226 «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»⁵.

По мнению законодателей, специфика охраняемых военнослужащими объектов обуславливает потребность установления оснований, порядка и условий применения оружия, отличного от предусмотренного в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации и Уставе гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации⁶. Обязательно также нужно принимать во внимание, что обеспечение эффективной охраны специальных объектов и объектов их инфраструктуры должно достигаться не только предоставлением права и установления оснований, порядка и условий применения оружия, осуществляющим данную охрану военнослужащим, но и предоставлением им права применения физической силы, специальных средств, боевой и специальной техники, а также регламентацией порядка реализации данного права. Законодательно до принятия соответствующих дополнений в Закон о мобилизационной подготовке и мобилизации данные вопросы урегулированы не были.

Такой подход к закреплению оснований и порядка применения силы и оружия, по нашему мнению, обусловлен наделянием данных милитаризованных государственных органов рядом специальных задач и полномочий правоохранительной (полицейской) направленности. И это не удивительно, поскольку, как отмечает профессор Ю.П. Соловей в одной из наиболее известных научных работ: «Правда состоит в том, что социальная роль милиции, как, впрочем, и органов безопасности, внутренних войск, ряда государственных инспекций, служб, реализующих полицейскую функцию государства, не может быть правильно понята вне ее полномочий прибегать в случае крайней необходимости к физическому принуждению» [9, с. 106].

Решая задачи, закрепленные в ст. 24.1 Закона, военнослужащие ГУСП реализуют полномочия по обеспечению безопасности посредством установления пропускного и внутриобъектового режима на специальных объектах, реализацией права приостанавливать производство работ и осуществление какой-либо деятельности, угрожающих безопасности данных объектов, а также пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях охраны таких объектов, а также осуществление мер по обеспечению собственной безопасности. При этом военнослужащие при осуществлении охраны и защиты специальных объектов и объектов их инфраструктуры, обеспечении пропускного и внутриобъектового режимов на этих объектах имеют право на применение мер непосредственного (силового) принуждения, проведение досмотровых мероприятий и осуществление административного задержания. В этой связи не понятно, почему в

1 По нашему мнению, термин «использование оружия» после вступления в силу Федерального закона от 3 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» потерял свое самостоятельное юридическое значение и выглядит в действующих нормативных правовых актах в настоящее время архаично.

2 О Федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3 О государственной охране : Федеральный закон от 27.05.1996. N 57-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4 Об обороне : Федеральный закон от 31.05.1996. N 61-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5 О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

6 Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 1179311-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации” и статью 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”». // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 19.3 КоАП РФ до сих пор не включен юридический состав, предусматривающий административную ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию военнослужащего федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации в связи с исполнением им обязанности по осуществлению охраны и защиты специальных объектов и объектов их инфраструктуры, обеспечении пропускного и внутриобъектового режимов на этих объектах или воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей. Общественно опасный, грубый характер описанного противоправного деяния не вызывает сомнений, поэтому административное наказание должно быть адекватным и отвечать требованиям эффективности профилактического воздействия на лицо, привлеченное к административной ответственности с последующим отказом от совершения аналогичных правонарушений [3, с. 58].

Законодатель предусмотрел наличие аналогичных полномочий по применению мер государственного принуждения у органов федеральной службы безопасности, государственной охраны, службы внешней разведки, войск национальной гвардии. Схожие полномочия возложены и на должностных лиц органов, традиционно реализующих полицейские функции, прежде всего к ним относятся структурные подразделения МВД России, ФСИН России, ФССП России, ГФС России. Данное обстоятельство связано, в первую очередь, с наделением различных военизированных государственных органов, помимо боевых, правоохранительными (полицейскими) задачами, решение которых направлено на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

Еще в период действия Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ п. 1 ч. 1 ст. 2 закреплял основную задачу рассматриваемого рода войск, а именно: участие совместно с органами внутренних дел Рос-

сийской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения, что нашло отражение и в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», обязывающим в п. 1 ч. 1 ст. 2 военнослужащих Росгвардии участвовать в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

Для решения названных задач военнослужащие Росгвардии наделены, помимо прочего, правом применения мер полицейского принуждения: доставлять граждан для решения вопроса о его задержании, производить административное задержание и досмотровые мероприятия, в том числе в пунктах пропуска, а также применять физическую силу, специальные средства и технику, огнестрельное оружие.

Подобная взаимосвязь прослеживается и в законах, определяющих правовой статус военнослужащих Федеральной службы безопасности и военной полиции.

Таким образом, можно сделать вывод о корреляции полицейских полномочий и методов полицейской деятельности внутри так называемого силового блока федеральных органов исполнительной власти. В первую очередь, речь идет о полномочиях на применение полицейской силы, под которой мы понимаем совокупность методов деятельности органов правопорядка, государственной и общественной безопасности по непосредственному ограничению естественных прав и свобод граждан на основании закона с помощью физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. При этом заметим, что характер вооруженной деятельности военнослужащих ГУСП наиболее близок несению караульной службы сотрудниками подразделений охраны ФСИН России, обеспечивающих функционирование и безопасность исправительных учреждений уголовно-исполнительной службы с оружием, постоянно готовыми применить его в случае возникновения экстраординарной (экстремальной) ситуации [7, с. 56; 8, с. 219].

¹ О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.1997 N 27-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Право военнослужащих ГУСП на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, основания и порядок применения ими этих мер принуждения закреплены в п. 1 ч. 2 ст. 24.2 и ст. 24.3 Закона. Последняя устанавливает порядок действий должностных лиц при применении силы и оружия, запреты на их применение, а также гарантии личной безопасности вооруженного военнослужащего, основания применения специальных средств и оружия. Профессор В.М. Корякин, анализируя аналогичные нормы о порядке применения полицейской силы, принятые в отношении других государственных военизированных структур, с положительной стороны отмечает унификацию правового регулирования в данной сфере [5, с. 19]. Полагаем, что, несмотря на стремление законодателя продемонстрировать единый подход к толкованию установленных в Законе положений о применении полицейской силы, в нем все же имеется ненадлежащая нормативная определенность, способная вызвать затруднения в правоприменительной практике военнослужащих ГУСП.

Как справедливо отмечается в специальной юридической литературе, военнослужащие на основании приказов своих командиров (начальников) не только могут, но и обязаны применить физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие [10, с. 106; 1, с. 92]. Такой императивный административный акт командиры (начальники) издают не только на основании п. 13 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. В нормативных правовых актах более высокой юридической силы – Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Федеральном законе «О федеральной службе безопасности» – закреплено право командиров (начальников) отдавать соответствующие приказы. Полагаем целесообразным и вполне последовательным продолжением приведения к единой форме правового регулирования внесения соответствующих дополнений в ст. 24.2 Закона о мобилизационной подготовке и мобилизации.

Часть 11 ст. 24.3 Закона содержит пять оснований применения специальных средств военнослужащими ГУСП (для сравнения ст. 21 Федерального закона «О полиции» содержит 12 таких оснований). Видимо, по замыслу законодателя, этих оснований вполне достаточно для решения задач по обеспечению безопасности охраняемых специальных объектов.

Норма видится достаточно усеченной и не отражающей все возможные случаи, предоставляющие право военнослужащим применять специальные средства. Во-первых, военнослужащие ГУСП не имеют право применять специальные средства для отражения нападения на них или нападения на граждан, при отсутствии непосредственной угрозы их жизни или здоровью, для остановки транспортного средства, водитель которого не выполнил требование сотрудника полиции об остановке, а также для защиты охраняемых объектов.

Полагаем, что военнослужащие, обеспечивающие безопасность специальных объектов, столкнувшиеся с подобными ситуациями, давая им правовую оценку, будут поставлены в затруднительное положение при выборе средств противодействия противоправным действиям.

Еще одним существенным пробелом Закона является отсутствие перечня специальных средств состоящих на вооружении органов обеспечения мобилизационной подготовки. Федеральный закон «О полиции» и Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» содержит подобный перечень с ссылкой на конкретные обстоятельства, при возникновении которых возникает право на их применение. Какие специальные средства будут применять военнослужащие ГУСП, остается неизвестным. Кроме того, отсутствие перечня используемых военнослужащими ГУСП специальных средств не позволяет сформулировать и закрепить в законе норму, запрещающую или ограничивающую применение конкретных специальных средств в определенных случаях.

Не менее серьезные проблемы вызывает применение огнестрельного оружия воен-

нослужащими ГУСП. Согласно ч. 12 ст. 24.3 Закона они имеют право применять оружие:

1) в случаях, предусмотренных общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации;

2) в соответствии с пп. 1-4 ч. 12 ст. 24.3 Закона.

Таким образом, военнослужащие ГУСП имеют право применять оружие в следующих случаях:

1) для отражения вооруженного либо группового нападения на охраняемые государственные и военные объекты, а также на расположения воинских частей и подразделений, здания и сооружения воинских частей, воинские эшелоны, колонны машин, единичные транспортные средства и караулы, если иными способами и средствами их защитить невозможно;

2) для пресечения попытки насильственного завладения вооружением и военной техникой, если иными способами и средствами их защитить невозможно;

3) для защиты военнослужащих и гражданских лиц от нападения, угрожающего их жизни или здоровью, если иными способами и средствами защитить их невозможно;

4) для задержания лица, совершившего противоправные действия и оказывающего вооруженное сопротивление, а также вооруженного лица, отказывающегося выполнить законные требования о сдаче оружия, если иными способами и средствами подавить сопротивление, задержать данное лицо или изъять у него оружие невозможно;

5) для задержания на охраняемых специальных объектах и объектах их инфраструктуры лиц, застигнутых при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающихся скрыться либо оказывающих вооруженное сопротивление;

6) для производства предупредительного выстрела путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении;

7) для пресечения попыток лиц незаконно проникнуть на охраняемые специальные объ-

екты и объекты их инфраструктуры и места несения службы военнослужащими, если невозможно пресечь эти попытки иным способом;

8) для пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве если прекратить их нахождение в воздушном пространстве иным способом не представляется возможным.

Кроме того, в соответствии с пп. 2 п. 14 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащие имеют право использовать оружие для подачи сигнала тревоги или вызова помощи, а также против животного, угрожающего жизни или здоровью людей.

Анализ закрепленных оснований применения указанными должностными лицами оружия позволяет выявить некоторые проблемные вопросы, с которыми может столкнуться правоприменитель.

Военнослужащий ГУСП не вправе применить огнестрельное оружие:

1) для освобождения заложников. Не трудно представить ситуацию, когда незаконно проникнувшие на территорию специального объекта лица в преступных (террористических) целях, а иногда в целях избежать задержание используют захват заложников. Как представляется, в данном случае самостоятельно разрешить данную проблему без Росгвардии и полиции не представляется возможным;

2) для остановки транспортного средства. Отметим, что по данному основанию военнослужащие имеют право применить специальную и боевую технику, что значительно сужает их возможности;

3) для разрушения запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в помещения охраняемого объекта. Специфика службы военнослужащих ГУСП, их задачи и функции не связаны с необходимостью пресечения преступлений и задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, спасения граждан и установления обстоятельств несчастного случая в жилых и иных помеще-

ниях, на земельных участках и территориях, а значит, не требуется предоставления права проникать в них в принудительном порядке и применять оружие как средство такого проникновения.

Вместе с тем не исключаются случаи, когда лицо, проникшее на охраняемый объект, может оказаться в служебном помещении, воспрепятствовать свободному доступу в него и осуществлять преступную деятельность (в том числе подготавливать террористический акт). В этом случае действовать по пресечению преступления необходимо оперативно. Однако быстро проникнуть в помещение без разрушения запирающих устройств, в том числе с применением оружия, крайне затруднительно;

4) для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан. По замыслу законодателя военнослужащие, обеспечивающие безопасность специальных объектов, для отражения такого нападения на охраняемые объекты и объекты их инфраструктуры, а также для их освобождения имеют право применять исключительно военную и специальную технику.

Пункт 9 ст. 24.3 Закона о мобилизационной подготовке и мобилизации, в отличие от соответствующих норм Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», по сути, объединил две нормы, взяв за основу традиционные запреты на их применение. Анализ статей норм, закрепляющих данные запреты, позволяет сделать вывод, что военнослужащие ГУСП и Росгвардии имеют существенный приоритет в правах на применение полицейской силы, так как имеют право в отличие от сотрудников полиции применять оружие в отношении женщин, не имеющих признаков беременности или в отсутствие информации о таковой, и несовершеннолетних, не относящихся к категории малолетних, а также при значительном скоплении людей в целях отражения группо-

вого или вооруженного нападения на охраняемые специальные объекты и объекты их инфраструктуры. Примечательно, что в соответствии с п. 13 Устава внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации применяются и иные запреты на применение именно огнестрельного оружия, идентичные запретам на его применение сотрудниками полиции.

Таким образом, поиск нормотворцем новых форм законодательных технологий, попытку минимизировать и упростить содержательную часть нормативных документов можно только приветствовать, однако следует подходить к данному процессу вдумчиво, с учетом нарабатываемой практики разработки и принятия законодательных актов, а также единообразной судебной практики. В противном случае можно получить прямо противоположный эффект, когда правоприменитель в условиях правовой неопределенности, но подсознательно уверенный в правомерности своих действий применяет силу и оружие, а затем уже следственные и судебные инстанции неторопливо и обстоятельно начинают подвергать сомнению право должностного лица, применившего меры непосредственного принуждения на усмотрение, что нередко приводит к обвинительному приговору в отношении него [6, 2].

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», безусловно, имеет важное значение, он внес необходимые дополнения, позволяющие более эффективно выполнять задачи по охране и защите специальных объектов и объектов их инфраструктуры, обеспечению пропускного и внутриобъектового режимов на этих объектах.

Вместе с тем, по нашему мнению, в структуре нормы, закрепленной в статье 24.3 Закона, регулирующей применение физической силы, специальных средств, оружия, военной и специальной техники военнослужащими ГУСП, присутствует недостаточная

упорядоченность и системность, способная вызвать определенные сложности в толковании и правоприменении. Данная норма не

отражает в полной мере потребности военнослужащих ГУСП и требует внесения в нее соответствующих изменений и дополнений.

Библиографический список

1. Ветошкин, П.А. Направления совершенствования правового регулирования применения оружия военнослужащими пограничных органов / П.А. Ветошкин // Военное право. – 2020. – N 4 (62). – С. 91-95.
2. Каплунов, А.И. О правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства / А.И. Каплунов // Административное право и процесс. – 2015. – N 4. – С. 36-41.
3. Карнаухов, О.П. Отдельные вопросы и перспективы совершенствования правовой защищенности сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия / О.П. Карнаухов // Алтайский юридический вестник. – 2021. – N 2 (34). – С. 55-59.
4. Киселева, Н.В. Правовое положение Главного управления специальных программ Президента РФ / Н.В. Киселева // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2020. – N 1. – С. 14-19.
5. Корякин, В.М. Обеспечение безопасности пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения / В.М. Корякин // Военное право. – 2022. – N 5 (75). – С. 15-20.
6. Курсаев, А.В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) / А.В. Курсаев // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – N 3 (23). – С. 349-361.
7. Мазейна, О.Н. О некоторых проблемах применения огнестрельного оружия сотрудниками подразделений охраны ФСИН России / О.Н. Мазейна, А.М. Лысухин // Вестник Кузбасского института. – 2020. – N 1 (42). – С. 51-59.
8. Михайлиди, С.М. К вопросу о применении сотрудниками подразделений охраны ФСИН России огнестрельного оружия при выполнении служебных задач / С.М. Михайлиди, В.И. Николаев // Право и государство: теория и практика. – 2022. – N 2 (206). – С. 219-220.
9. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование применения милицией силы / Ю.П. Соловей // Государство и право. – 1993. – N 4. – С. 106-116.
10. Щербак, С.И. О праве представителей власти на применение огнестрельного оружия / С.И. Щербак // Военное право. – 2018. – N 5 (49). – С. 101-110.

Николай Юрьевич ТЕТЕРЯТНИКОВ,
начальник кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
colyambus@yandex.ru

Александр Владимирович АНДРЕЕВ,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук
trixter2001@yandex.ru

К УТОЧНЕНИЮ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АБСЕНТЕИЗМА

TO CLARIFY THE DEFINITION OF ABSENTEEISM

В статье разграничиваются понятия трудового и политического абсентеизма как юридических категорий. Указывается на доктринальный характер этого термина. Перечисляются социально-политические явления, не охватываемые понятием абсентеизма, и его виды, обусловленные причинами возникновения.

The article distinguishes the concepts of labor and political absenteeism as legal categories. The doctrinal nature of this term is indicated. The socio-political phenomena that are not covered by the concept of absenteeism and its types due to the causes of its occurrence are listed.

Ключевые слова: абсентеизм, трудовой абсентеизм, политический абсентеизм, активное избирательное право, пассивное избирательное право, порог явки, голосование против всех, снятие кандидатуры.

Keywords: absenteeism, labor absenteeism, political absenteeism, active suffrage, passive suffrage, turnout threshold, voting against everyone, withdrawal of candidacy.

В единый день голосования (8-10 сентября 2023 г.) в восьмидесяти пяти регионах России прошли избирательные кампании нескольких видов:

– дополнительные выборы (довыборы) четырех депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва;

– выборы высших должностных лиц (глав) двадцати шести субъектов Российской Федерации, из которых пять избирались через голосование в региональных парламентах;

– выборы депутатов законодательных органов государственной власти двадцати субъектов Российской Федерации;

– выборы главы муниципального образования – административного центра (столицы) субъекта Российской Федерации;

– выборы депутатов представительных органов муниципальных образований одиннадцати административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации¹.

Явка избирателей на выборах глав субъектов Российской Федерации варьировалась по регионам в диапазоне от 31,06% (Алтайский край) до 80,73% (Кемеровская область – Кузбасс), но в большинстве субъектов Российской Федерации не превысила 50%. Глава Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Элла Памфилова сообщила, что средняя явка на выборах составила 43,5% от общего количества избирателей, включенных в списки для голосования².

Таким образом, даже трехдневное голосование, да еще с использованием возможности дистанционного электронного голосования (ДЭГ), не обеспечило участия в выборах большей части российских избирателей, что ставит под сомнение легитимность избранных должностных лиц и органов публичной власти. Это показывает серьезность проблемы абсентеизма в России, особенно накануне выборов главы государства, которые запланированы на март 2024 г.

Сам термин «абсентеизм» в отечественной юриспруденции используется в двух основных значениях.

Первое – наиболее распространенное, особенно в отраслях публичного права, – предполагает под абсентеизмом неучастие

избирателей в голосовании на выборах в органы публичной власти.

Второе, встречающееся существенно реже и в основном в источниках советского трудового права 1980-х гг., подразумевает под абсентеизмом добровольное и целенаправленное уклонение от общественно значимого труда, а также состояние вынужденной безработицы в случаях потери работы по не зависящим от человека причинам. Это так называемый трудовой абсентеизм, который, соответственно, может быть как добровольным, так и вынужденным³.

Не останавливаясь на втором значении термина «абсентеизм», сконцентрируемся на первом, имеющем непосредственное отношение к формированию органов власти в нашей стране.

Несмотря на то, что в законодательных актах Российской Федерации и ее субъектов слово «абсентеизм» не употребляется, тем не менее оно используется в иных официальных документах, а именно – в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации⁴, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации⁵, в пояснительных записках к проектам федеральных законов, ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, письмах Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Общественной Палаты Российской Федерации и т.д., а также ре-

1 Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/kategorii-viborov/>.

2 Результаты выборов-2023. Главные цифры. Как голосовали и кто победил – в инфографике «Ъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6186834>.

3 Методические рекомендации по подготовке и организации профессионального ориентирования обучающихся с инвалидностью и ОВЗ в инклюзивных школах : письмо Минобрнауки России от 02.02.2016 N ВК-163/07 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

4 По делу о проверке конституционности части второй статьи 42 Закона Чувашской Республики «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики» в редакции от 26 августа 1994 года : постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.1995 N 9-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. N 4.

5 О Комплексе мер по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов и других участников избирательного и референдумного процессов в Российской Федерации на 2009-2011 годы : постановление ЦИК России от 14.04.2009 N 156/1111-5 // Вестник Центризбиркома России. 2009. N 4.

золюциях Парламентской ассамблеи Совета Европы¹ и решениях Европейского Суда по правам человека². Исходя из этого можно сделать вывод, что категория «абсентеизм», не будучи законодательным термином, является частью понятийного аппарата юридической доктрины – общим как для теории права, так и правоприменительной практики.

Абсентеизм в качестве социально-политического явления повсеместно трактуется как игнорирование, уклонение от участия, а также фактическое неучастие в выборах, голосовании, избирательном процессе. Но даже из такой дефиниции видно, насколько широкий спектр смыслов включается в это понятие.

В связи с этим от абсентеизма необходимо отличать следующие правомочия и деяния.

1. *Право депутатов и избирателей (участников референдума) воздержаться при голосовании.*

В отличие от депутатов у избирателей на выборах и участников референдума нет прямо предусмотренного законодательством права воздержаться при голосовании. Например, в бюллетене отсутствует графа «воздержался». Вместе с тем фактически такая возможность имеется. В реальности это может выглядеть следующим образом. Избиратель приходит на избирательный участок, где он зарегистрирован, получает бюллетень и опускает его в урну для голосования незаполненным либо испорченным каким бы то ни было образом или вообще не опускает его в урну, т.к. уничтожил его (например, разорвал, а новый брат отказался) либо тайно вынес с избирательного участка, выражая тем самым свою волю. Поступая таким образом, избиратель, несмотря на то, что он воздерживается при голосовании, все же влияет

на избирательный процесс: его голос не теряется, а учитывается и в дальнейшем перераспределяется в пользу той партии, которая наберет наибольшее количество голосов, и это значит, что данный избиратель тем самым участвует в выборах, и ни о каком игнорировании здесь не может быть и речи.

2. *Право избирателя проголосовать против всех кандидатов, списков кандидатов (партий).*

Это право избирателя предусматривается при определенных видах голосования (в настоящее время, например, на муниципальном уровне в отдельных субъектах Российской Федерации) и, так же как предыдущее право, является четко обозначенным выражением воли избирателя. Следовательно, оно не может являться выражением абсентеизма. М.С. Саликов отмечает, что «голосование против всех не является безразличным голосованием. Это осознанное, но негативное голосование» [1]. На это же обстоятельство еще в 1998 г. обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации, когда указал, что «такое волеизъявление означает в условиях свободных выборов не безразличное, а негативное отношение избирателей ко всем зарегистрированным и внесенным в избирательный бюллетень по данному избирательному округу кандидатам, смысл которого заключается в том, что кандидатам отказывается представлять народ в выборных органах публичной власти»³ [9].

3. *Неиспользование гражданином права быть избранным, т.е. неиспользование пассивного избирательного права.*

Хотя и очевидно, что каждый избиратель, обладающий в соответствии с ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации правом «быть избранным», не может осуще-

1 Об отношениях парламентов государств со средствами массовой информации : резолюция N 820 (1984) Парламентской ассамблеи Совета Европы : принята 07.05.1984 на 36-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. N 15. Ст. 1340.

2 Дело «Суховещкий (Sukhovetskyu) против Украины» (жалоба N 13716/02) : постановление ЕСПЧ от 28.03.2006 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

3 По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 10.06.1998 N 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. N 25. Ст. 3002.

ствить его в полной мере одновременно со всеми остальными избирателями, тем не менее необходимо выделить его в отдельную категорию, не относящуюся к абсентеизму как таковому. Тем более, что в ч. 3 ст. 3 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливается: «Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению».

4. *Снятие своей кандидатуры с голосования, т.е. отказ от реализации пассивного избирательного права после того, как кандидат был зарегистрирован на выборах или включен в партийный список.*

Точно так же как предыдущее правомочие, данное относится только к пассивному избирательному праву, и вести здесь речь о неучастии, а тем более об уклонении от участия в избирательном процессе как минимум нелогично, поскольку уже только сам факт попытки воспользоваться пассивным избирательным правом свидетельствует о прямо обратном – об участии, пусть и не доведенном до логического завершения, лица в избирательном процессе.

Итак, на последних двух примерах мы можем видеть, что пассивное избирательное право в современных реалиях не может относиться к предмету абсентеизма. Следовательно, абсентеизм является сопутствующим явлением реализации активного избирательного права гражданами и невозможен безотносительно этого, т.к. даже в тех странах, где голосование на выборах является юридической обязанностью гражданина под угрозой наказания (Австралия, Аргентина, Бразилия и еще несколько десятков государств), в силу объективных, а иногда и субъективных причин находится некоторое количество избирателей, не реализовавших этой возможности [2].

Помимо указанного для абсентеизма характерна, прежде всего, невозможность

официальных властей (в лице избирательных комиссий и иных органов публичной власти) выявить волю избирателя (участника референдума либо депутата, игнорирующего голосование), его непосредственное мнение относительно вопросов, выносящихся на голосование.

Обобщая изложенное: абсентеизм в качестве социально-политического явления, находящегося в юридической плоскости и напрямую не касающегося трудовых правоотношений, можно определить как характерное для всех видов голосований, выборов и референдумов поведение лица, наделенного активным избирательным правом, при котором невозможно выявить его волю в отношении вопросов, выносящихся на голосование, и которое может выражаться в виде уклонения от участия, а также в самом неучастии в избирательном процессе, выборах, голосовании.

В определении абсентеизма было указано на неучастие, а также на уклонение от участия избирателя в голосовании. В связи с этим следует отметить, что «уклонение от участия» и «неучастие» – это хотя и дополняющие одно другое понятия, но вместе с тем весьма различные, т.к. «неучастие» в ряде случаев может быть обусловлено незнанием о возможности участия, а также невозможностью участия в силу каких-либо непреодолимых обстоятельств, чего нельзя сказать об «уклонении от участия». В силу этого абсентеизм можно разделить на два базовых вида – объективный и субъективный.

Объективный абсентеизм – это ситуативное неучастие в голосовании на выборах. Он обусловлен причинами случайного характера, по которым избиратель не смог принять участия в избирательном процессе. Например, из-за сбоев в работе транспорта избиратель, находясь на даче за городом, не смог попасть на свой избирательный участок в установленное законодательством время. Сюда же относятся все случаи неучастия избирателя в голосовании в связи с погодными условиями или даже тем, что он просто не знал о проведении выборов. Особенно остро

проблема объективного абсентеизма затрагивает выборы в муниципальные органы власти и местные референдумы. Как отмечает М.С. Шайхуллин, треть избирателей вовсе не знают о том, что такие мероприятия проводятся на местном уровне либо же не обладают необходимой и достаточной информацией для участия в них [3].

Субъективный абсентеизм – осознанный и нередко целенаправленный, умышленный вид абсентеизма, включающий в себя как игнорирование выборов «по политическим мотивам», представляющее собой форму выражения социального протеста, так и абсентеизм, вызванный равнодушием к политике и неверием в то, что своим голосом можно что-либо изменить в обществе и в собственной жизни.

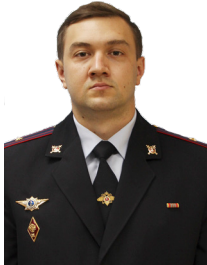
Суммарно объективный и субъективный абсентеизм в настоящее время охватывает

около 50% всех избирателей Российской Федерации. Так, итоговая явка избирателей на последних общегосударственных выборах в Государственную Думу Федерального Собрания VIII созыва, которые проводились 17-19 сентября 2021 г., составила 47,71%¹. Все это свидетельствует о серьезной проблеме демократического представительства российского народа в органах публичной власти, которую в нашей стране за последние три десятка лет так и не удалось решить. По этой причине знание того, что из себя представляет политический абсентеизм и какие формы он принимает, может стать одним из первых шагов на пути его преодоления, чтобы формулировка ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации стала отражением реальности, а не благим пожеланием.

1 Итоги голосования на выборах в Госдуму. Инфографика // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2021/61477f849a79473b3047d829> (дата обращения: 15.09.2023).

Библиографический список

1. Саликов, М.С. Об установлении и устранении барьеров в российском избирательном процессе / М.С. Саликов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – N 5. – URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/4.%20%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).
2. Современное зарубежное избирательное право : монография / под ред. А.Г. Орлова, Е.А. Кремьянской. – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. конст. права. – М.: МГИМО – Университет, 2013.
- 3/ Шайхуллин, М.С. К вопросу о необходимости усиления гарантий непосредственного осуществления населением местного самоуправления / М.С. Шайхуллин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – N 10.

Глеб Евгеньевич МОСКАЛЕНКО,

старший преподаватель кафедры
теории и истории права и государства
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

glmos55@yandex.ru

**ИДЕЯ СОЛИДАРНОСТИ КАК ОСНОВА УЧЕНИЯ М.М. КОВАЛЕВСКОГО
О ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ**

**THE IDEA OF SOLIDARITY AS THE BASIS OF THE TEACHINGS
OF M.M. KOVALEVSKY ABOUT THE CONSTITUTIONAL STATE**

В статье рассматривается концепция правового государства М.М. Ковалевского, ключевое место в которой занимает идея солидарности. Обосновывается, что парламентаризм, система прав и свобод граждан, разделение властей, а также верховенство правового закона, нацеленного на развитие общественной солидарности, является фундаментом сбалансированной социальной системы. Укрепление основ солидарности способствует достижению более совершенной формы государства – правового социального государства.

The article examines the concept of the constitutional state by M.M. Kovalevsky, in which the idea of solidarity occupies a key place. The position is substantiated according to which parliamentarism, the system of rights and freedoms of citizens, the separation of powers, as well as the supremacy of legal law aimed at developing social solidarity are the basis for creating a balanced social system. Strengthening the foundations of solidarity contributes to the achievement of a more advanced form of state - a constitutional social state.

Ключевые слова: идея солидарности, солидаризм, правовое государство, социальное государство, М.М. Ковалевский, российская политико-правовая мысль.

Keywords: *idea of solidarity, solidarism, constitutional state, social state, M.M. Kovalevsky, Russian political and legal thought.*

На сегодняшний день ценность правового государства, как в юридической науке, так и политической практике, является неоспоримым идеалом, к развитию которого стремится российское общество. В этих условиях одной из центральных задач современных политико-правовых доктрин является не только совершенствование содержания «классических» принципов правового государства, но и формулирование, а также внедрение в практику государственного строительства новых идейных оснований. Одним из таких оснований является идея солидарности, наце-

ленная на создание устойчивой социальной, политической и правовой систем. Несмотря на то, что идея солидарности обретает актуальность и научную новизну в рамках дискурса о развитии основ правового государства, солидаризм являлся предметом исследования отечественных либеральных правоведов второй половины XIX – начала XX вв. Особое влияние на развитие идеи солидарности в отечественной политико-правовой мысли оказал выдающийся дореволюционный правовед – Максим Максимович Ковалевский.

Под солидарностью как политико-правовой категорией следует понимать особую форму взаимодействия между индивидами и социальными группами, построенную на принципах формирования различных аспектов общности и единства, таких как ценности, убеждения и действия. Укрепление социальной солидарности способствует развитию механизмов взаимопомощи и сотрудничества, а также созданию государственной системы, основанной на принципах демократии, законности и уважения прав и свобод человека [подр.: 9, с. 4]. Фактически социальная солидарность является фундаментом для устойчивости не только социальных систем, но и государственной власти. В связи с этим доктрина солидаризма обрела значительную научную популярность в Европе во второй половине XIX в. и нашла теоретическое осмысление в трудах Огюста Конта, Леона Буржуа, Леона Дюги, Герберта Спенсера, Эмиля Дюркгейма и многих других.

Результаты научных изысканий французских исследователей, занимавшихся формированием и развитием теории солидаризма, оказали значительное влияние не только на европейскую политико-правовую мысль, но и на отечественную юридическую науку, что проявилось, в частности, в работах М.М. Ковалевского. Формирование научных взглядов российского юриста происходило в 60-70-е годы XIX в., в период существенных преобразований в духе буржуазных реформ и распространения идей конституционализма в России [10, с. 88].

М.М. Ковалевский понимал общественную солидарность как форму объединения индивидов, проявляющуюся в осознании общности интересов и взаимной зависимости друг от друга. Солидарность порождает взаимопомощь и сотрудничество, а также является движущей силой развития общества. Дореволюционный юрист утверждал, что сущность государства заключается в реализации солидарных интересов людей. В связи с этим государству предписывается защищать интересы личности и обеспечивать гражданам возможность осуществления их прав и свобод. Такое видение государства побудило исследователя к необходимости теоретиче-

ского осмысления механизмов функционирования правового государства на практике.

Отечественный правовед утверждал, что процесс формирования и развития различных форм солидарности в обществе сперва привело к возникновению государства, а затем должно привести к трансформации государства в правовое. Обосновывая свою позицию, правовед стремился к разработке концепции правового государства, в основе которой лежит идея солидарности. Согласно его учению признаками правового государства являются: верховенство закона, реализация принципа разделения властей, нормативное закрепление развитой системы прав и свобод граждан. Кроме того, Ковалевский включал в перечень признаков правового государства представительную форму правления, основанную на функционировании двухпалатного парламента. Отсутствие либо ограничение института народного представительства, по мнению мыслителя, приводит к тому, что гражданская позиция различных слоев населения остается без внимания властей, а требования и устремления народа игнорируются [6, с. 96]. Все это противоречит идеи солидарности.

Важно отметить, что в российской либеральной доктрине конца XIX – начала XX вв. была выдвинута концепция особой организации власти в правовом государстве в духе народного суверенитета. Такая концепция предполагала, что «не столько отдельная личность, сколько народ были бы не только объектом власти, но одновременно являлись бы и ее субъектом» [3, с. 147]. В государстве, построенном на изложенных началах, власть приобретает не только правовой, но и общественный характер. Общественный характер власти в правовом государстве, как утверждал М.М. Ковалевский, станет твердой основой формирования солидарности власти и народа. Но не только парламентаризм и реализация идеи народного суверенитета лежат в основе солидарности власти и народа. Рассматриваемая форма солидарности также основывается на развитии индивидуального и общественного правосознания, а также формирования и осознания чувства ответственности за принимаемые решения.

Вышеуказанные требования необходимы для установления господства права. По мнению дореволюционных мыслителей, верховенство права над государством требует от политической власти содействия развитию социальной солидарности и воздержания от действий, которые могли бы ограничить такую солидарность. Только в таких условиях закон может приобрести правовой характер и стать отражением общественного сознания [8, с. 73].

Критерий правового закона предполагал не только верховенство, но и следование закону развитию общественной солидарности. Закон, ограничивающий солидарность, не может считаться правовым. Таким образом, принцип верховенства права мыслился М.М. Ковалевским следующим образом: государство должно законодательно закрепить только нормы, способствующие развитию общественной солидарности, общеобязательные для всех субъектов правоотношений [5, с. 102].

Разделение властей, по мнению Ковалевского, служит гарантией, обеспечивающей недопустимость трансформации демократического государства в тоталитарное или авторитарное, а также служит основой поиска компромисса между обществом (в лице органа народного представительства), правительством и судом. Тем самым воплощается и развивается солидарность власти и народа.

В рамках концепции правового государства, М.М. Ковалевский уделял особое значение и отдавал приоритет законодательной власти, формируемой на основе принципа всеобщего избирательного права. Он считал, что это позволит государственной власти сохранить свое истинное предназначение и даст возможность народу непосредственно или через его представителей управлять государством [2, с. 234].

К числу основополагающих признаков правового государства М.М. Ковалевский также относил наличие развитой системы прав и свобод граждан, признание и законодательное закрепление которых, по мнению мыслителя, имеет определяющее значение для формирования общественной солидарности

и развития иных ее форм. Дореволюционный юрист полагал, что солидарность как устойчивое состояние общества не может быть достигнута без ограничения государственной вседозволенности и законодательного закрепления системы прав и свобод личности.

Многие отечественные либеральные юристы, политические и общественные деятели начала XX в. были вдохновлены французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. Не являлся исключением и М.М. Ковалевский, который стремился воплотить подобную прогрессивную практику в России. Это стремление нашло отражение в Программе Партии демократических реформ, лидером которой он являлся. В Программе указывалось: «Все права граждан должны быть введены в Основной закон Российской Империи и обеспечены судебной защитой»¹.

Отдельное внимание ученый уделял принципу формального равенства, отмечая что «равенство прилагается ко всем видам личных вольностей или так называемых публичных прав, обнимающих собою всю сумму как физических, так и духовных проявлений личности» [7, с. 128]. Юридическое равенство рассматривалось как основа для системы прав и свобод личности, вследствие чего формировались законодательные основы солидарности.

На основе данных убеждений правовед полагал, что дальнейшее развитие социальной солидарности является немыслимым в условиях сохранения сословного строя и феодальных порядков, предполагающих привилегии для одних и запреты для других [7, с. 156]. М.М. Ковалевский считал, что разумная свобода в сочетании с формальным равенством сделает сплоченную солидарную нацию из разобренных национальных групп, внешнее единство которых обеспечивается исключительно государственным принуждением. Только нация, сплоченная узами солидарности существенно приблизит реальное воплощение идеала правового государства. Стоит отметить, что подобные идеи нашли отражение в п. 9 Программы Партии демократических реформ, где указано, что «все

1 Программа Партии демократических реформ // Российские партии, союзы и лиги : сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях. СПб.: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1906. С. 107.

российские граждане, без различия пола, национальности и вероисповедания равны перед законом»¹.

М.М. Ковалевский отмечал, что «всесловность настолько успела проникнуть во всеобщее сознание, что всякая попытка уклониться от нее путем расширения свободы одного класса, хотя бы и без ущерба остальным, кажется нам явною несправедливостью» [6, с. 194]. Для России начала XX в. даже одно только признание формального равенства уже бы стало актом великой солидарности общества, так как подавляющее большинство населения относилось к угнетенным слоям, порожденным неравенством. Безусловно, существовавшие сословные порядки начала XX в. оставались основной причиной деструктивных тенденций. Ученый писал: «Уравнительная свобода потому не является химерой, а положительным требованием современной гражданственности, что ею автономия личности признается не препятствием, а условием развития общественной солидарности» [4, с. 42].

Однако классическая доктрина солидарности, разработанная французскими правоведом, совершенно иначе подходила к вопросу значения прав и свобод граждан. В отличие от либеральной доктрины сторонники французского солидаризма – О. Конт, Л. Дюги, Л. Буржуа – делали акцент не на правах, а на обязанностях, считая гражданина «социальным должником», пользующимся благами, которые были сформированы усилиями всего общества [1, с. 47].

М.М. Ковалевский утверждал, что солидарность не предполагает отказа от свободы самоопределения и субъективных прав, производящихся из этой свободы. Он подчеркивал, что единственное требование для солидарности заключается в том, чтобы свобода самоопределения одной личности не противоречила свободе самоопределения других. Поэтому с каждым субъективным правом связывается обязанность соблюдения общегражданских обязанностей, и никто не может

уклоняться от них, ссылаясь на свои свободы [5, с. 104]. Раскрывая данную идею, дореволюционный правовед конкретизировал: «Граница индивидуальных прав и свобод определяется необходимостью нести возлагаемые на него государством и его конституционным строем общегражданских обязанностей, и никто не может освободить себя от них ссылкой на принадлежащие ему свободы» [9, с. 198].

М.М. Ковалевский также допускал возможность ограничения прав человека в интересах общественной солидарности. Видимо, по этой причине мыслитель не включил в систему личных прав право на неприкосновенность частной собственности, что, вероятно, подразумевало возможность государственного вмешательства в экономику. Помимо этого дореволюционный правовед считал, что развитие общественной солидарности требует повышенную социальную ответственность со стороны обеспеченных слоев населения, так как одной из причин их финансового благополучия явилось несправедливое распределение прав и ресурсов, обусловленное наличием сословного строя.

Многими отечественными либеральными правоведом была поддержана идея введения прогрессивного налогообложения². Высказывались требования проведения реформы налогового обложения наследств: «усиление прогрессии по родству и введение прогрессии по размеру наследства»³. Таким образом, вышеизложенные идеи предвосхищали некоторые аспекты доктрины неолиберализма, сформировавшейся во второй половине XX в.

На рубеже XIX и XX вв. в Российской империи обострился ряд социальных проблем, решение которых требовало от власти постановку новых задач, в первую очередь, задач социального характера. Содержание даже нереализованной к тому моменту концепции правового государства уже не позволяло разрешить назревшие проблемы. Однако развитие солидаристских идей в

1 Программа Партии демократических реформ. С. 110.

2 Программа конституционно-демократической партии // Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905-1920 гг.: в 3 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. С. 38.

3 Программа Партии демократических реформ. С. 108.

отечественной либеральной теории правового государства второй половины XIX – начала XX вв. позволило направить взор исследователей на осмысление и формирование основ социального законодательства. Наиболее острые проблемы зрели в условиях нерешенности рабочего и земельного вопросов, значительная часть населения страны оказалась в состоянии полной незащищенности ввиду отсутствия трудового и аграрного законодательства, обеспечивающего социально-экономические гарантии. Отечественные правоведы полагали, что введение такой категории прав способствовало бы смягчению социально-политической напряженности, предотвращению социальной конфронтации и снижению градуса революционных настроений. Однако игнорирование данных идей привело к катастрофическим последствиям для государства и общества.

Анализ содержания политико-правовой доктрины М.М. Ковалевского позволяет сделать вывод, согласно которому основным назначением правового государства является создание сбалансированной социальной системы, построенной на началах верховенства права, основной функцией которого является утверждение и развитие социальной солидарности. Право подчиняет деятельность государства интересам общественной солидарности. Обеспечение солидарности предполагает закрепление развитой системы прав и свобод человека, построенной на принципе формального равенства. Таким образом, рассмотрение теории правового государства сквозь призму солидаризма стало основой формирования более возвышенного идеала, в полной мере отвечающего солидаристским идеям представителей российской юриспруденции – правового социального государства.

Библиографический список

1. Bourgeois L. Solidarite. – P., 1896.
2. Кистяковский, Б.А. Государство и личность / Б.А. Кистяковский // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 228-243.
3. Кистяковский, Б.А. Государство правовое и социалистическое / Б.А. Кистяковский // Вопросы философии. – 1990. – N 6. – С. 141-159.
4. Ковалевский, М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму / М.М. Ковалевский // Рост государства и его отражение в истории политических учений : в 3 т. Т. 3. – М., 1906. – 293 с.
5. Ковалевский, М. М. Политическая программа нового союза / М.М. Ковалевский // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 112-135.
6. Ковалевский, М.М. Демократия и ее политическая доктрина / М.М. Ковалевский // Курс лекций, читаемых на экономическом отделении СПб. Политех. ин-та в 1912-1913 гг. – СПб. : Касса взаимопомощи студентов СПб. Политех. ин-та им. Петра Великого, 1913. – С. 192-205.
7. Ковалевский, М.М. Общее конституционное право / М.М. Ковалевский. – СПб.: Изд. студента Н. П-м, 1908. – 386 с.
8. Котляревский, С.А. Власть и право. Проблема правового государства / С.А. Котляревский. – СПб.: Лань, 2001. – 365 с.
9. Москаленко, Г.Е. Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.Е. Москаленко. – Омск, 2019. – 195 с.
10. Покровский, В.С. Социально-политические и правовые взгляды М.М. Ковалевского / В.С. Покровский // Советское государство и право. – 1957. – N 4. – С. 90-101.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 343.2

DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_184

Полина Валентиновна КОВАЛЕНКО,
адъюнкт Омской академии МВД России
polinakov@list.ru

ПРИВИЛЕГИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТЕПЕНЬ ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ, КАК ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

PRIVILEGED SIGNS OF MURDER BY A MOTHER OF A NEWBORN CHILD, AFFECTING THE DEGREE OF ITS SOCIAL DANGER, AS A BASIS FOR DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY

В статье исследуются признаки, которые позволяют рассматривать убийство матерью новорожденного ребенка в качестве привилегированного вида умышленного причинения смерти другому лицу. К их числу автор относит совокупность особых (извинительных) признаков субъективной и объективной стороны состава преступления. Именно совокупность названных признаков позволяет учесть действительную степень общественной опасности преступления и обоснованно снизить уголовную ответственность, не нарушив принципа справедливости.

The article examines the signs that allow us to consider the murder of a newborn child by a mother as a privileged type of intentionally causing the death of another person. Among them, the author includes a set of special (excusable) signs of the subjective and objective aspects of the crime. It is the combination of these characteristics that makes it possible to take into account the actual degree of social danger of a crime and to reasonably reduce criminal liability without violating the principle of justice.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, детоубийство, привилегированное убийство, извинительные обстоятельства, степень общественной опасности.

Keywords: *mother's murder of a newborn child, infanticide, privileged murder, excusable circumstances, degree of public danger.*

Общественная опасность преступления, ее степень и характер, выступают точкой отсчета в принятии законодательных изменений – будь то криминализация, декриминализация или дифференциация соответствующих деяний и норм. Это утверждение требует небольшого уточнения о том,

что в настоящее время предпринимаются определенные попытки переосмыслить общественную опасность в ее привычном понимании. Так, профессор Я.И. Гишинский выдвинул следующий тезис: «*Не существует объективных оснований криминализации тех или иных деяний. Единственное «основание»*

– воля, желание главы государства, правительства, власти»¹. Действительно, современная реальность показывает, что классический подход к общественной опасности деяния как отправной точки его криминализации в ряде случаев утрачивает актуальность. Вместе с тем нельзя не отметить, что это касается в первую очередь криминализации деяний с негативной политической окраской, в то время как дифференциация ответственности в целом все же должна опираться на характеристику привычной для уголовно-правовой науки степени общественной опасности соответствующего преступления, ответственность за которое уже предусмотрена в УК РФ. Хотя не исключается и полная трансформация характеристики общественной опасности посягательства.

На протяжении истории развития России отношение к детоубийству² не было одинаковым. Так, в древнейшие времена, и это характерно для всего человечества, убийство ребенка вообще не порицалось ни обществом, ни государством. Детоубийства были широко распространены у народов, стоящих на низших ступенях развития, и не вызывали у них ни нравственного, ни юридического осуждения. Так, по утверждению М.Н. Гернета, опубликовавшего одно из фундаментальных социологических и юридических исследований детоубийства, причинение смерти детям не рассматривалось в качестве преступления, не только в Африке, Парагвае, Фиджи, Полинезийских островах, Китае, Риме, но и в России. «Говоря о жестоких обычаях славян языческих, скажем еще, – продолжает М.Н. Гернет, – что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству» [4, с. 47].

Убийство детей в раннем обществе было совершенно обычным явлением, родителям принадлежала неограниченная власть над детьми. «Само такое явление было обусловлено нищетой, голодом, трудностями, связан-

ными с воспитанием детей, низкими экономическими возможностями» [2, с. 50]. Кроме того, нормой во многих цивилизациях было жертвоприношение детей [6, с. 61].

По нашему мнению, такое отношение к детоубийству связано также с тем, что в центре древнего права и, соответственно, бытовавшего тогда представления о криминализации было не преступление и даже не преступник, а причиненный вред. Рациональное сознание древнего человека не могло воспринимать в качестве преступного то, что не причиняло никакого вреда [10, с. 42].

Вероятно, феномен безграничной власти родителей над детьми, по существу, схожий с полномочиями собственника в отношении вещи, не позволял рассматривать в качестве вреда причинение смерти своему же ребенку. Позволим себе провести аналогию – в Древнем мире убийство своего ребенка, как и уничтожение собственного имущества, не признавалось преступным, так как не причиняло вреда родителям ребенка. С ростом влияния религии на всю государственную жизнь, появлением церковных судов менялось отношение общества к детоубийству, а понятие греха (в том числе убийства новорожденного) постепенно трансформировалось в преступление.

Скруплезное исследование эволюции российского уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за убийство матерью своего ребенка, провел В.Б. Хатуев, который установил, что умышленное посягательство на жизнь новорожденного ребенка в Древней Руси первоначально не признавалось преступлением. В последующем воззрение на детоубийство под сильным влиянием христианства изменилось в сторону усиления охраны жизни детей, оно стало даже расцениваться как квалифицированное убийство, однако уже в Соборном уложении 1649 г. оно относилось к привилегированным. Детоубийство вообще по Уложению каралось значительно мягче, чем обычное убийство, за которое предусматривалась смертная

1 Новости от Н.А. Лопашенко // <https://t.me/NovostiLopashenko/1901> (дата обращения: 19.04.2023).

2 Под детоубийством в нашей работе понимается убийство матерью новорожденного ребенка, а не любое умышленное причинение смерти несовершеннолетнему лицу.

казнь. Исключение составляло убийство незаконных детей, которое вследствие безнравственного поведения матери, прижившей ребенка в блюде, наказывалось гораздо строже. В отличие от Соборного уложения Артикул воинский 1715 г. не только предусмотрел детоубийство как квалифицированное, но предусматривал за него квалифицированную смертную казнь. В этом источнике права не выделялось отдельно убийство законного и незаконного ребенка. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые в истории России отнесло убийство *незаконнорожденного* ребенка к привилегированным убийствам. С установлением советской власти отношение законодателя к обсуждаемому убийству снова меняется. Уголовное законодательство придавало одинаковую значимость жизни ребенка как законного, так и незаконнорожденного, но оно отказывалось от выделения такого убийства в качестве самостоятельного привилегированного состава преступления: его не было во всех трех советских УК РСФСР – 1922, 1926 и 1960 гг. Суды в этот период обычно назначали за данное преступление довольно мягкие наказания, по сути, уже тогда создав предпосылки превращения его в привилегированный состав убийства. И наконец, действующий УК РФ выделяет убийство матерью новорожденного ребенка в привилегированный состав преступления [21, с. 83-96].

Очевидно, что наказуемость исследуемого нами преступления во все времена зависела от степени его общественной опасности, содержание которой определялось политико-правовой ситуацией в стране. Интересно обратить внимание, что лишение жизни другого человека всегда рассматривалось как *malum in se*, и лишь некоторые характеристики потерпевшего позволяли иначе оценивать опасность такого деяния. Так, в определенное время не признавалось преступным лишение жизни своего раба, аналогичный подход до поры применялся и в отношении детей. Можно предположить, что на степень общественной опасности детоубийства влияла не объективная сторона преступления, а такая характеристика его объекта, как лич-

ность потерпевшего. Но и это предположение небесспорно.

Последующие трансформации общественного уклада, в частности воздействие на него христианского вероучения, не исключило влияние объекта убийства на степень его общественной опасности, но диаметрально изменило – убийство ребенка наказывалось не ниже, а затем, в советское время, и строже, чем простое убийство. Так, убийство матерью новорожденного ребенка по УК РСФСР 1926 г. квалифицировалось по предусматривающей ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах ст. 136, в которую без изменений вошли п.п. «д» и «е» аналогичной ст. 142 предыдущего УК РСФСР 1922 г. В УК РСФСР 1960 г. данный вид убийства рассматривался как разновидность простого убийства. Ответственность за умышленное убийство по нему предусматривалась в ст. 102 (за квалифицированное) и 103 (за простое). Однако ст. 102 не содержала в числе отягчающих признаков аналогов пп. «д», «е» ст. 142 УК РСФСР 1922 г. и пп. «д», «е» ст. 136 УК РСФСР 1926 г. Поэтому это убийство подлежало квалификации по ст. 103. В том же случае, если наличествовали обозначенные в ст. 102 УК иные отягчающие признаки (повторность, жестокость и т.п.), тогда содеянное квалифицировалось по этой статье [21, с. 94].

Проведенные до настоящего момента уголовно-правовые исследования детоубийства показывают, что оценка этого преступления среди специалистов является полярной. Нет единства мнений в том, какова на самом деле степень общественной опасности исследуемых нами преступлений и, соответственно, могут ли они быть привилегированными в современной России.

Первая группа исследователей соглашается с тем, что убийство матерью новорожденного ребенка обоснованно признано привилегированным составом убийства. Так, М.А. Трясоумов указывает, что «выделение самостоятельной уголовно-правовой нормы в УК 1996 г., устанавливающей ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка при смягчающих обстоятельствах

(ст. 106), теоретически обосновано и подтверждается практикой назначения наказаний за данное преступление» [20, с. 12].

Вторая группа авторов предлагает отказаться от ст. 106 УК РФ как привилегированного состава убийства и привлекать детоубийц к ответственности по общей норме ст. 105 УК РФ с квалифицирующими признаками.

Е.В. Серегина считает, что уголовно-правовая охрана жизни новорожденного ребенка в российском законодательстве не соответствует исторически устоявшимся традициям, принятым международным нормам и моральным принципам, а так как наше государство стремится приблизиться к общемировым стандартам, необходимо учесть исторический и зарубежный опыт в регулировании охраны жизни новорожденного ребенка, предусмотрев более строгую ответственность за посягательство на его жизнь. Как следствие, предлагает исключить ст. 106 УК РФ [19, с. 13].

М.М. Минаева [13] и А.Г. Бабичев [3] также выступают противником состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, как убийства со смягчающими обстоятельствами. Н.Е. Аленкин утверждает, что отнесение детоубийства к привилегированным составам противоречит принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принципу справедливости [1, с. 12].

Третья группа авторов предлагает компромиссный вариант: смягчать ответственность можно исключительно при наличии психотравмирующей ситуации. Так, А.Н. Попов предлагает «ограничить ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка случаями, когда данное преступление было вызвано состоянием психического расстройства матери либо было совершено в условиях психотравмирующей ситуации» [17, с. 15]. Похожее предложение отражено в работе А.Л. Карасовой [9, с. 11]. А.В. Лунева также считает необходимым обусловить смягчение наказания за совершение детоубийства особым психофизиологическим состоянием роженицы (родильницы), вызванным беременностью и родами [12, с. 11]. Л.А. Мурзина предлагает изменить редакцию

ст. 106 УК РФ, оставив ее привилегированным составом убийства: «Убийство роженицей (родильницей) своего ребенка во время либо после родов в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, совершенное в связи с особым психофизиологическим состоянием, вызванным родами, наказывается исправительными работами на срок до двух лет или лишением свободы на срок до четырех лет» [14, с. 14]. К похожим выводам по результатам исследования пришла А.П. Штанькова: «Сложные ситуативные факторы, провоцирующие появление и психофизиологического состояния, и состояния психотравмы, влияющие на преступное поведение женщины (матери), выступают объективным основанием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к привилегированным составам преступлений» [22, с. 11].

Чем же обусловлено то, что в действующем УК РФ с момента его принятия детоубийство относится к привилегированным преступлениям? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к теоретическим разработкам критериев, позволяющих рассматривать преступление как привилегированное, и, соответственно, обуславливающих пониженную степень их общественной опасности.

Критериям привилегизации преступлений против жизни и здоровья посвящено не одно исследование, вместе с тем есть основания полагать, что их содержание нельзя признать безупречным. Например, в качестве признака, позволяющего смягчать санкцию, называется обстановка причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны или мер для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ) [18, с. 108], или обстоятельства, связанные с процессом защиты или задержания [16, с. 252].

Высоко оценивая выводы исследователей привилегированных составов преступлений против жизни и здоровья, обратим внимание, что сквозь призму состава преступления привилегированный состав включает в себя особые субъективные признаки преступления,

характеризующие либо субъекта противоправного деяния, либо субъективную сторону.

Очевиднее всего это проявляется в убийстве в состоянии аффекта, который выступает характеристикой субъективной стороны состава преступления, означающей ущербность воли виновного. В литературе справедливо отмечается, что помимо состояния аффекта привилегирующим признаком в ст. 107 УК РФ является поведение потерпевшего, а именно его предшествующие аффекту определенные отрицательные действия. С точки зрения психологии аффект не всегда и не обязательно основан на противоправном и аморальном поведении потерпевшего, например, аффект может возникнуть вследствие нахождения в центре катастрофы, аварии, получении негативной информации [15, с. 118-126].

Вместе с тем именно противоправные или аморальные действия (бездействия) потерпевшего в связке с внезапно возникшим сильным душевным волнением в ответ на это являются критериями установления более мягкого наказания. Другими словами, убийство в состоянии аффекта, вызванного иными обстоятельствами, чем поведение потерпевшего, не извиняет виновного, который должен будет нести ответственность по общей норме Особенной части УК РФ – за простое убийство. То же самое можно сказать про преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 108 УК РФ – убийство при превышении пределов необходимой обороны и ч. 2 ст. 108 УК РФ – убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица.

Таким образом, в обоих примерах мы можем видеть не просто особые признаки субъективной стороны состава преступления, а совокупность субъективных и объективных признаков, которые образуют извинительное преступление, то есть с пониженной по сравнению с основным составом ответственностью.

В первом из названных составов преступлений субъективная сторона характеризуется специальной целью – защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или

государства от общественно опасного посягательства [8, с. 11; 11, с. 10]. Объективные признаки проявляются в том, что потерпевший совершает преступное посягательство в отношении обороняющегося, других лиц или интересов государства или общества. При этом обязательно соблюдение условий правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны – наличие, реальность, своевременность посягательства – которые также относятся к объективным признакам преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 108 УК РФ.

То же самое можно сказать в отношении причинения вреда при превышении мер, необходимых для задержания лица; к объективным признакам этого преступного посягательства относится, во-первых, то, что потерпевший совершает именно преступление, во-вторых, что иными средствами задержать преступника не представляется возможным. К субъективным признакам относится цель причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, – его доставление в органы власти и пресечение возможности совершений им новых преступлений. Отсутствие названных обстоятельств не позволяет применять к лицу привилегированные нормы, предусмотренные ст. 108 и ст. 114 УК РФ.

В науке уголовного права уже предлагались условия, позволяющие понижать наказание за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ. К этим условиям относятся следующие: 1) признак-привилегия всегда связан с тем, на кого или на что посягает преступление (ст. 106 УК – особая психофизиологическая реакция матери, вызванная процессом родоразрешения, в результате которого на свет появляется новорожденный); 2) признак-привилегия должен быть связан с психическими и (или) эмоциональными (эмоции, стресс, аффекты) процессами субъекта преступления (ст. 106 УК – психотравмирующая ситуация, связанная с беременностью и родами); 3) признак-привилегия должен отражать вынужденность совершения лицом преступления (ст. 106 УК – психотравмирующая ситуация, связанная с беременностью и родами) [22, с. 12].

Считаем, что указанные условия нуждаются в некотором уточнении. Первое из них, на наш взгляд, необоснованно «обесценивает» жизнь новорожденного. Если установить *повышенную* ответственность за причинение смерти человеку, обладающему особым статусом, допустимо, причем с опорой на то, что в результате его смерти страдает не только жизнь, но и другой объект общественных отношений (например, правосудие или порядок управления), то обосновать *пониженную* ответственность за убийство человека со специальными признаками (пол, национальность, вероисповедание, или, как в нашем случае, возраст) – значит, нарушить конституционный принцип равенства всех перед законом. Второе условие следует дополнить тем, что и *цель* совершения деяния, как факультативный признак субъективной стороны состава преступления, наряду с эмоциями, стрессом и аффектом, может свидетельствовать о привилегии. Третье условие о вынужденности совершения преступления заставляет задуматься как минимумом о том, что оно схоже со вторым (в обоих случаях говорится о психотравмирующей ситуации, вызванной родами), как максимум – о том, что вынужденность совершения преступления, как правило, исключает преступность деяния. Да и вообще сомнительно считать, что мать вынужденно убивает ребенка.

Таким образом, критерием привилегизации умышленных посягательств против жизни и здоровья (ст. 106, 107, 108, 114 УК РФ) является совокупность особых субъективных и объективных признаков состава преступления. Названные признаки характеризуют пониженную степень общественной опасности преступного посягательства, что позволяет дифференцировать уголовную ответственность и, как следствие, обеспечивать справедливость при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление (ст. 6 УК РФ).

В действующей редакции ст. 106 УК РФ предусмотрены три альтернативных состава преступления – убийство матерью новорожденного во время или сразу же после родов, убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации и убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Первый состав характеризуется особым признаком объективной стороны, два других – субъективной. По отдельности названные признаки не могут свидетельствовать о пониженной степени общественной опасности детоубийства.

Справедливо утверждение М.А. Горбатовой и А.А. Сергеевой, которые отмечают: «Не углубляясь в особенности психики кормящей женщины и их влияние на возможность совершения детоубийства, повторим, что указание на особое состояние матери во время убийства новорожденного ребенка является чрезвычайно важным криминообразующим признаком, которого не хватает российскому уголовному законодательству. Полагаем, что данное особое психическое состояние матери, вызванное родами, является единственным обстоятельством, снижающим степень общественной опасности данного насильственного преступления» [5, с. 43]. «Перед законодателем, – пишет О.С. Иванова, – стоит задача осуществить дифференциацию убийства матерью новорожденного ребенка таким образом, чтобы привилегированный состав применялся только к тем женщинам, которые находились в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного беременностью и родами» [7].

Еще в 2014 г. в Госдуму вносился законопроект, которым предлагалось ст. 106 УК РФ признать утратившей силу, при этом ввести в ч. 2 ст. 105 УК РФ пункт «в1», предусматривающий ответственность за убийство новорожденного ребенка его матерью¹. В заклю-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части признания статьи 106 УК РФ утратившей силу и дополнения части 2 статьи 105 УК РФ квалифицирующим признаком: убийство новорожденного ребенка его матерью) : законопроект N 500404-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/500404-6> (дата обращения: 23.05.2023).

чении Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по данному проекту закона указано, что «действующая редакция статьи 106 УК РФ учитывает психофизическое состояние женщины во время родов и сразу же после них, поскольку роженица не всегда в полной мере способна адекватно оценить происходящие с ней события, а также последствия принимаемых ею решений. Кроме того, проектируемый квалифицирующий признак «в1» статьи 105 УК РФ «убийство новорожденного ребенка его матерью» представляется исключительно формальным и объективно не учитывает обстоятельства совершения такого преступления». Сказанное подтверждает нашу гипотезу о том, что критерием привилегизации убийства не могут выступать признаки только одного элемента состава преступления.

В литературе также можно встретить предложения об изменении диспозиции ст. 106 УК РФ, например, в такой редакции: «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного беременностью и родами» [7] или «Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное в особом психическом состоянии, вызванном процессом родов» [5]. В целом положитель-

но оценивая эти предложения, мы не можем не отметить, что исследование взаимосвязи субъективных и объективных признаков детоубийства, свидетельствующих о пониженной степени общественной опасности умышленного преступления, позволяющих дифференцировать ответственность за него, требует дополнительного осмысления. Более того, такая связь признаков состава преступления в перспективе может быть положена в основание дифференциации других преступлений.

Подытоживая изложенное выше, отметим, что пониженная степень общественной опасности однородных деяний, например убийств, должна быть связана с совокупностью особых признаков субъективной и объективной стороны состава преступления. Оценка убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов как привилегированного преступления без дополнительных особых (извинительных) признаков субъективной стороны состава преступления, равно как и в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, без особых признаков объективной стороны (во время или сразу после родов) необоснованна, поскольку не отражает действительную (пониженную) степень общественной опасности данного преступления.

Библиографический список

1. Аленкин, Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Е. Аленкин. – М., 2017. – 305 с.
2. Антонян, Ю.М. Общий взгляд на проблему убийств детей / Ю.М. Антонян, Ю.С. Дрожжа // Научный портал МВД России. – 2014. – № 1. – С. 46-53.
3. Бабичев, А.Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона : дис. ... доктора юрид. наук / А.Г. Бабичев. – Казань, 2019. – 452 с.
4. Гернет, М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование / М.Н. Гернет. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. – 330 с.
5. Горбатова, М.А. Привилегированное обстоятельство в составе убийства матерью новорожденного ребенка / М.А. Горбатова, А.А. Сергеева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2019. – № 3. – С. 39-44.

6. Джарман, О.А. Сравнительная характеристика статуса ребенка в Древнем мире / О.А. Джарман, Г.Л. Микиртичан // Медицина и организация здравоохранения. – 2018. – Т. 3. – N 3. – С. 59-74.

7. Иванова, О.С. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): проблемы описания состава преступления и дифференциации ответственности / О.С. Иванова // Теория и практика общественного развития. – 2016. – N 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-materyu-novorozhdenного-rebenka-st-106-uk-rf-problemy-opisaniya-sostava-prestupleniya-i-differentsiatsii-otvetstvennosti> (дата обращения: 22.05.2023).

8. Истомин, А.Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Истомин. – М., 1995. – 26 с.

9. Карасова, А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Карасова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 225 с.

10. Козаченко, И.Я. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев. – Екатеринбург: SAPIENTA, 2020. – 256 с.

11. Курбанеев, Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.В. Курбанеев. – М., 2002. – 24 с.

12. Лунева, А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Лунева. – М., 2013. – 25 с.

13. Минаева, М.М. Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России : дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Минаева. – М., 2012. – 305 с.

14. Мурзина, Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук / Л.И. Мурзина. – Саратов, 2009. – 207 с.

15. Мухачева, И.М. Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта / И.М. Мухачева // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – N 7. – С. 118-126.

16. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 682 с.

17. Попов, А.Н. Умышленные преступления против жизни (проблемы законодательной регламентации и квалификации) : дис. ... докт. юрид. наук / А.Н. Попов. – СПб, 2003. – 509 с.

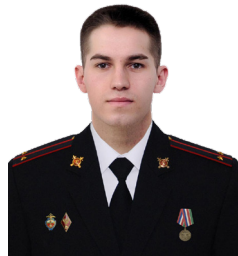
18. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – 923 с.

19. Серегина, Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Серегина. – Ростов-на-Дону, 2004. – 219 с.

20. Трясоумов, М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Трясоумов. – Екатеринбург, 2000. – 218 с.

21. Хатуев, В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / В.Б. Хатуев // Lex russica (Русский закон). – 2019. – N 1. – С. 83-96.

22. Штанькова, А.П. Привилегированные составы преступлений: понятие, основания криминализации, виды, особенности квалификации и наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.П. Штанькова. – Саратов, 2022. – 24 с.

Динар Минзеферович ФАРАХИЕВ,
оперуполномоченный Управления экономической
безопасности и противодействия коррупции
МВД по Республике Татарстан (г. Казань)
dfarakhiev@mail.ru

Гузель Руслановна ФАРАХИЕВА,
адъюнкт Казанского юридического института
МВД России
guzel.khusnutdinova@inbox.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА
МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

**CRIMINAL LEGAL SIGNS OF A SPECIAL SUBJECT OF FRAUD COMMITTED
BY A PERSON USING HIS OFFICIAL POSITION**

В статье авторами рассматриваются уголовно-правовые признаки лиц, совершающих преступления, предусмотренные частью 3 статьи 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения). Материалами исследования выступили статистические данные о состоянии преступности на территории Российской Федерации, нормативные правовые акты в области исследования, а также материалы правоприменительной практики по преступлениям, предусмотренным частью 3 статьи 159 УК РФ. В процессе исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания, структурно-логический и уголовно-правовой методы, а также метод сравнительного анализа. По результатам проведенного исследования предлагаются корректировки положений нормативных правовых актов.

In the article the authors consider the criminal law signs of persons committing crimes under Part 3 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation (fraud committed by a person using his official position). The materials of this study were statistical data on the state of crime in the territory of the Russian Federation, regulatory legal acts in the field of research as well as the materials of law enforcement practice on crimes provided by Part 3 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the process of research, general scientific and particular scientific methods of cognition and structural-logical and criminal-legal methods as well as the method of comparative analysis were applied. Based on the results of the study, adjustments of the provisions of regulatory legal acts are suggested.

Ключевые слова: мошеннические действия, должностные преступления, служебное положение, специальный субъект, квалификация, практика, постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Keywords: *fraudulent actions, malfeasance, official position, special subject, qualification, practice, Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

В настоящее время общество подверглось масштабным проявлениям мошеннических действий со стороны преступ-

ников. Так, согласно статистическим данным, на территории Российской Федерации за январь – октябрь 2022 г. зарегистрированы

262 882 преступления, предусмотренных ст. 159 УК РФ¹. Большой интерес вызывает мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Следует отметить, что в 2021 г. за совершение исследуемого вида преступления были осуждены 3 582 лица; за первое полугодие 2022 г. – 1 737 преступника².

Мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), представляет собой преступление с особо квалифицирующим составом, что свидетельствует о высоком уровне общественной опасности преступного посягательства. Следует отметить, что любой вид хищения имеет индивидуальный способ совершения, а использование лицом своего служебного положения носит добавочный характер. Нельзя не согласиться с мнением Н.А. Балашовой, которая считает, что использование служебного положения в процессе совершения мошенничества «облегчает обман или вхождение в доверие» [1, с. 22].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ), лица, использующие свое служебное положение при совершении мошенничества, – это должностные лица, обладающие признаками, которые указаны в примечании ст. 285 УК РФ; государственные, муниципальные служащие, которые не являются должностными лицами; иные лица, которые отвечают требованиям, указанным в примечании ст. 201 УК РФ³.

Следует отметить, что в уголовном праве имеется мнение, что к числу вышеуказанных лиц, закрепленных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, следует добавить лиц, которые не наделены управленческими функциями [5, с. 387]. Н.А. Егорова также

обращала на это внимание и выступала с инициативой расширить перечень лиц, которые отнесены к категории «использующих свое служебное положение» [4, с. 21]. Однако следует отметить, что правоприменительная практика не поддерживает такой подход.

В правоприменительной практике не единичны случаи неправильной квалификации субъекта преступного посягательства. На наш взгляд, правильная квалификация данного элемента состава исследуемого преступления (ч. 3 ст. 159 УК РФ) является наиболее сложным вопросом, стоящим перед органами предварительного расследования и суда.

Так, Л. осужден за совершение действий, направленных на хищение респираторов изолирующих регенеративных марки Р-30 в количестве 35 шт., которые принадлежат АО <...> путем обмана и злоупотребления доверием с использованием своего служебного положения, а также группой лиц по предварительному сговору, причинив тем самым АО <...> ущерб в особо крупном размере. Согласно материалам дела Л. являлся механиком вспомогательной горноспасательной команды шахтоуправления <...>. Прокурором было внесено представление об изменении приговора нижестоящего суда в связи с неправильной квалификацией содеянного Л. В ходе судебного разбирательства было установлено, что в соответствии с должностной инструкцией механика вспомогательной горноспасательной команды АО <...> шахтоуправления <...> Л. не является должностным лицом, так как не наделен организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями. Президиум Кемеровского областного суда пришел к выводу о необходимости изменения приговора нижестоящего суда в отношении Л. и исключения из приговора признака «лицом с использованием своего служебного положения», тем самым постановил о пе-

1 Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelNst/statistics> (дата обращения: 18.12.2022).

2 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 18.12.2022).

3 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 // Российская газета. 2017. N 280.

реквалификации содеянного на ч. 1 ст. 159 УК РФ¹.

По мнению авторов, органы предварительного расследования допустили серьезную ошибку, не рассмотрев положения должностной инструкции механика вспомогательной горноспасательной команды АО <...> шахтоуправления <...> гр. Л.

Похожую ошибку совершили сотрудники органа предварительного расследования по уголовному делу по отношению к А. Органом предварительного расследования действия А. были квалифицированы как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Из материалов дела следует, что А. работала почтальоном 2 класса отделения почтовой связи <...> М-го почтамта УФПС Челябинской области с 2006 г. С 2010 г. А. являлась материально ответственным лицом. В 2014 г. А., находясь на рабочем месте, имея умысел на хищение чужого имущества, путем обмана и злоупотребления доверием, из корыстных побуждений, забрала из картотеки квитанцию о переводе на имя Г., где поставила собственную подпись за Г. После чего А. с подписанной ей квитанцией на имя Г. обратилась к начальнику почтового отделения И., попросив выдать денежные средства, указанные в квитанции на имя Г., заявив, что Г. является ее знакомой и она в последующем передаст ей денежные средства, тем самым обманув начальника – И. В свою очередь, И. выдала денежные средства, указанные в квитанции, А. Получив денежные средства, А. потратила их в личных целях, тем самым причинила М-ому почтамту УФПС Челябинской области ущерб на сумму <...> рублей.

Изучив материалы уголовного дела, суд пришел к выводу, что орган предварительного расследования допустил ошибку при квалификации содеянного А., указав, что последняя исполняла только функции почтальона по трудовому договору, по которому она

не обладает организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями и не осуществляет функции представителя власти. Суд пришел к выводу о необходимости переквалификаций действий А. с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159 УК РФ².

В следующем примере орган предварительного расследования правильно квалифицировал действия С., установив, что С. являлась ведущим специалистом по обслуживанию частных лиц дополнительного офиса N <...> Камчатского отделения N <...> ПАО «Сбербанк России». Согласно должностной инструкции С. осуществляла организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Находясь на рабочем месте, С., зная о том, что клиент ПАО «Сбербанк России» ФИО9 задержан за совершение преступления, решила снять с его банковских счетов денежные средства в размере 90 352 руб. 03 коп. После снятия данных денежных средств С. вынесла их из помещения кассы в собственном кармане и распорядилась ими в личных целях³.

Отметим, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ не содержится положений, которые бы раскрывали содержание и порядок использования служебного положения в противоправных целях, в том числе в процессе хищения, совершенного путем обмана и злоупотребления доверием. По мнению авторов, отсутствие данного положения является недостатком, поскольку в правоприменительной практике сотрудники правоохранительных органов испытывают трудности при квалификации содеянного специальными субъектами. При этом согласно изученным материалам правоприменительной практики органы предварительного расследования в большинстве случаев ограничиваются лишь определением круга служебных полномочий преступников-мошенников, не уделяя должного внимания конкретике объективной стороны исследуемого преступного посягательства.

1 Постановление Президиума Кемеровского областного суда от 16.10.2017 по делу N 44У-146/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2022).

2 Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 19.01.2015 по делу N 1-41/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oXl3увхбуRQv/> (дата обращения: 18.12.2022).

3 Приговор Усть-Камчатского районного суда Камчатского края 07.07.2020 по делу N 1-2-41/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OKgm9P97Qubv/> (дата обращения: 18.12.2022).

Так, судом апелляционной инстанции установлено, что в производстве <...> находится уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Прокурором по данному делу внесено представление, в котором он просит отменить постановление нижестоящего суда, так как вывод суда о том, что обвинение не конкретизировано, не обоснован, поскольку не содержит сведений, в чем конкретно выражалось использование служебных (должностных) полномочий или какие обязанности были нарушены лицом. Также прокурор указывал на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ отсутствуют положения, которые бы указывали на то, что в процессе совершения мошенничества должностное лицо использовало свое служебное положение. Суд апелляционной инстанции поддержал представление прокурора, отменил постановление нижестоящего суда и постановил о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения¹.

На наш взгляд, данное решение суда апелляционной инстанции является не точным, поскольку признак «с использованием служебного положения» рассматривается в комплексе с иными признаками специального субъекта. То есть необходимо принимать во внимание также полномочия, которые осуществляет лицо, наделенное функциями представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в целях совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Так, Т. являлся должностным лицом в процессе совершения преступления, обладал организационно-распорядительными функциями в пределах своей компетенции и действовал на основании должностной инструкции на момент совершения преступления.

На наш взгляд, уголовно-правовая характеристика дефиниции «служебное поло-

жение» не должна ограничиваться использованием лицом лишь служебных полномочий в целях совершения действий, указанных в диспозиции ч. 3 ст. 159 УК РФ. Служебное положение означает наличие компетенций в силу служебного и профессионального положения лица.

Следует подчеркнуть, что в правоприменительной практике имеются случаи, когда суды отходят от положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ, соглашаясь с квалификацией органов предварительного следствия и прокуратуры.

Так, Ш. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Из приговора следует, что Ш. являлась специалистом отдела кредитования в финансовой организации. В процессе осуществления своих обязанностей Ш. в собственном кабинете отдела кредитования от имени клиента заключила договор потребительского кредита без ведома последнего. Следует отметить, что клиент не намеревался заключать договор с финансовой организацией и вследствие умалчивания о преступных действиях, будучи обманутым Ш., подписал кредитный договор. В целях доведения преступного умысла до конца Ш. незаконно завладела картой обманутого клиента, получив доступ в счету, сняла денежные средства в размере <...> рублей². В данном приговоре не говорится о том, что Ш. обладала признаками специального субъекта, она не являлась должностным лицом и не осуществляла управленческие функции. Судом было установлено, что Ш. осуществляла трудовые функции, указанные в трудовом договоре, и воспользовалась своими служебным положением в целях совершения преступления. По мнению авторов, приговор суда является справедливым, а квалификация органов предварительного расследования – правильной, поскольку Ш., являясь специалистом отдела кредитования в финансовой организации, имела возможность воздействовать на

1 Апелляционное постановление Липецкого областного суда Липецкой области от 11.01.2018 по делу N 22-13/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4N5Z2nDlpbV/> (дата обращения: 19.12.2022).

2 Приговор Клинского городского суда Московской области от 02.07.2020 по делу N 1-192/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RpaBМаo2tvd1/> (дата обращения: 18.12.2022).

клиента в целях заключения договора путем обмана или злоупотребления доверием. Как справедливо отмечает А.И. Бойцов: «Одно дело, когда физическое лицо, полагаясь только на свои особенности, вводит потерпевшего в заблуждение, и совсем другое, когда это делает служащий, опираясь на свое положение и профессиональный статус» [2, с. 638].

Приговором Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области директор института М. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Из материалов дела следует, что М. является директором <...>, обладая авторитетом в связи с занимаемой должностью, убедил подчиненного написать заявление о переводе на нижестоящую ставку (1/2), однако данный подчиненный находился на стадии увольнения. Реализуя свой преступный умысел, М. поручил главному специалисту отдела кадров подготовить приказ о переводе данного сотрудника на нижестоящую ставку (1/2). Одновременно с этим М. поручил лаборанту внести в таблицы учета рабочего времени ФИО данного сотрудника. В результате совершенных противоправных действия на зарплатную карту сотрудника переводились денежные средства в соответствии со ставкой (1/2), но данной картой незаконно завладел М.¹ На наш взгляд, в мошеннических действиях М. прослеживается использование авторитета в связи с занимаемой должностью, поскольку ни у специалиста отдела кадров, ни у лаборанта не возникло никаких вопросов касательно поручений руководителя.

Следует отметить, что в правоприменительной практике, если специальный субъект, используя свои служебные полномочия, совершает хищение и изъятие имущества, то деяние квалифицируется по ч. 3 ст. 159 либо ч. 3 ст. 160 УК РФ. При этом совершенное деяние не предусматривает дополнительную квалификацию по ст. 285 УК РФ.

Так, Б., будучи сотрудником органов внутренних дел в должности оперуполномо-

ченного подразделения уголовного розыска, вступил в преступный сговор с С. и П., ранее судимыми, для хищения имущества Р. путем обмана и злоупотребления доверием. В целях реализации преступного умысла С. и П. предъявили Р. служебное удостоверение сотрудника органов внутренних дел, сообщили последнему ложную информацию о том, что он находится в розыске, и пообещали ему прекратить розыск, если он передаст им денежные средства в размере 50 000\$. Р. пояснил, что таких денег у него нет. После чего преступники решили снизить сумму до 25 000\$. Спустя два дня в транспортном средстве Б. получил от Р. денежные средства в размере 4900 \$ и был задержан. Суд первой инстанции квалифицировал действия Б по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 и ч. 1 ст. 285 УК РФ. Однако суд надзорной инстанции исключил ч. 1 ст. 285 УК РФ, указав на то, что использование служебного положения по отношению к Р. охватывается составом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ².

На основе вышеизложенного мы приходим к выводу, что большое внимание органов предварительного расследования и суда в процессе квалификации мошенничества с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ) уделяется уголовно-правовые признакам специального субъекта. Мы полностью согласны с авторами, которые считают, что указание на должностных лиц – специальный субъект, исследуемого состава преступления (ч. 3 ст. 159 УК РФ) определяет актуальность имеющихся проблем, сложившихся в правоприменительной практике [3, с. 289].

На наш взгляд, в целях решения проблем, связанных с правильностью квалификации содеянного и установлением признаков специального субъекта по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, необходимо внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ. По мнению авторов, следует увеличить круг лиц,

1 Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 01.12.2015 по делу N 1-83/2015. URL: <http://leninskyeka.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.12.2022).

2 Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2009 года : утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16.09.2009 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 11.

действия которых, согласно трудовому договору подпадают под признак «использование своего служебного положения». Так, нами предлагается изменить п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и изложить его в следующей редакции: «Под иными лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159.1, часть 3 статьи 159.2, часть 3 статьи 159.3, часть 3 статьи 159.5, часть 3 статьи 159.6, часть 3 статьи 160 УК РФ), следует понимать работников организаций, вне зависимости от формы собственности, которые не наделены управленческими функциями, однако использующих свои служебные (профессиональные) функции в соответствии с трудовым договором в целях облегчения совершения преступлений».

В целях минимизации споров между судами общей юрисдикции считаем целесообразно закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ положение, разъясняющее признак «использование служебного положения». Так, нами предлагается добавить п. 29.1 в Постановление Пленума Верховного Суда РФ и изложить его в следующей редакции:

«Под использованием служебного положения при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159.1, часть 3 статьи 159.2, часть 3 статьи 159.3, часть 3 статьи 159.5, часть 3 статьи 159.6, часть 3 статьи 160 УК РФ) следует понимать использование лицом властных и (или) иных служебных полномочий, а также профессионального статуса, авторитета и иных трудовых функций, указанных в трудовом договоре, в том числе наличие возможности воздействовать на лицо, в отношении которого направлено посягательство, в связи с занимаемой должностью».

Также мы предлагаем дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ п. 29.2 с изложением его в следующей редакции: «При квалификации содеянного органам предварительного расследования необходимо установить признак «использование служебного положения» и конкретизировать их использование при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159.1, часть 3 статьи 159.2, часть 3 статьи 159.3, часть 3 статьи 159.5, часть 3 статьи 159.6, часть 3 статьи 160 УК РФ)».

Библиографический список

1. Балашова, Н.А. Особенности квалификации мошенничества с использованием служебного положения / Н. А. Балашова // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – N 1(42). – С. 20-27.
2. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 755 с.
3. Гончаров, Д.Ю. Квалификация мошенничества, совершенного с использованием служебного положения / Д.Ю. Гончаров, С.Г. Гончарова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – N 3. – С. 281-291.
4. Егорова, Н.А. Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых правовых подходов / Н. А. Егорова // Российская юстиция. – 2014. – N 8. – С. 19-22.
5. Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. – 10-е издание, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 841 с.

Шамо Гейсаддинович МАМЕДОВ,

адъюнкт Омской академии МВД России

mamedovshamo@gmail.com

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВООРУЖЕННЫХ НАПАДЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF ARMED ATTACKS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA AND ABROAD

Исследование посвящено криминологическому анализу современной ситуации в области совершения актов вооруженного нападения в образовательных организациях в зарубежных странах и в Российской Федерации. В результате изучения известных случаев вооруженных нападений в образовательных учреждениях различного уровня, а также исследования данных правоохранительных органов в вопросах организации безопасности образовательного процесса автор приходит к выводу о том, что тенденция увеличения числа актов массового насилия отражает потенциальную угрозу, существующую в деятельности образовательных организаций.

This study is devoted to the criminological analysis of the modern situation in the field of committing armed attacks in educational organizations in foreign countries and in the Russian Federation. As a result of the study of known cases of armed attacks in educational institutions of various levels, as well as the study of law enforcement data on the organization of the security of the educational process, the author concludes that the tendency to increase the number of acts of mass violence reflects the potential threat existing in the activity of educational organizations.

Ключевые слова: вооруженные нападения в образовательных организациях, массовые убийства, насилие, девиантное поведение, преступление, стрельба, безопасность образовательного процесса.

Keywords: armed attacks in educational institutions, massacres, violence, deviant behavior, crime, shooting, educational process safety.

Преступность как социальная проблема находится в центре внимания исследователей различных областей знаний, государственных и общественных институтов. Огромный массив совершаемых преступлений и появление новых форм и видов противоправной деятельности показывает актуальность изучения этого негативного явления.

Преступность полиморфна и способна преобразовываться в различные формы и виды. Появление новых форм совершения преступлений требует от нас исследования сущности социально опасных деяний, закономерностей становления и развития малоизвестных явлений и тенденций к устойчивому закреплению в системе преступного поведения общества.

Научный подход к изучению преступности в целом требует рассмотрения конкретных ее разновидностей, а также форм проявления деструктивного поведения.

Особое место в преступности России в последнее десятилетие занимают преступления, совершаемые в учебных заведениях. Многообразие форм преступного посягательства с недавнего времени дополнилось новым феноменом вооруженных нападений в образовательных организациях.

До недавних пор данные преступления считались свойственными лишь зарубежным странам, однако рост количества совершаемых нападений позволил выделить данное явление в самостоятельную проблему современной российской действительности.

В российской криминологической науке различными аспектами возникновения и развития данной формы преступного посягательства занимались такие исследователи, как А.Ю. Карпова [3], В.В. Плотников [6], Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов [1].

Активное обсуждение вооруженных нападений в образовательных организациях началось в конце XX века, после известного случая нападения 20 апреля 1999 года. В этот день два ученика школы Эрик Харрис и Диллан Клиболд совершили вооруженное нападение в средней школе Колумбайн, штат Колорадо, США, в результате которого погибли 15 человек, 23 человека получили ранения различной степени тяжести [4, с. 81].

Явление, которое в последующем назвали «колумбайн», начало распространяться по всему миру. Наследие «колумбайна» сейчас настолько велико, что само это слово стало нарицательным, обозначающим стрельбу в школе [5, с. 36]. Как отмечает К.В. Диденко, синдром «колумбайна», как зараженное зерно, имеет достаточно высокую степень переносимости и заимствования, а высокие темпы глобализации и сеть Интернет позволяют ему проникнуть практически в любую культурную среду [2, с. 276].

Несмотря на то что случай нападения в средней школе Колумбайн является далеко не первым известным, именно он считается началом цепи массовых убийств в образовательных организациях в Соединенных Штатах Америки и в других странах. Вооруженные нападения в образовательных организациях различного уровня происходили в Германии, Великобритании, Финляндии, Канаде, Мексике, России и других странах¹.

Согласно сведениям из открытых источников департаментов безопасности, на территории Германии были совершены 19 актов вооруженных нападений в образовательных организациях. На территории Канады исследуемое противоправное деяние происходило 20 раз, Мексика насчитывает более 17 случаев нападений, Финляндия – 3 случая. Однако именно США в настоящее время занимают лидирующие позиции по совершению как насильственных преступлений с применением оружия в целом, так и совершения актов массового насилия в образовательных организациях.

Так, агентство Everytown for Gun Safety, занимающееся исследованием насильственных преступлений, сопряженных с применением оружия, установило, что ежедневно в США погибают 110 человек от огнестрельных ранений, 200 получают несмертельные ранения. Уровень убийств в 26 раз больше, чем в других развитых странах. Агентство считает, что в 2022 году на территории образовательных организаций произошли не менее 170 случаев насилия с применением огнестрельного оружия, в результате которых погибли 55 человек и 145 получили ранения². Но стоит отметить, что в статистику данного агентства попадают все случаи насильственных действий, имевшие место на территории образовательной организации, в том числе личные конфликты субъектов образовательного процесса с использованием огнестрельного оружия.

Американское независимое агентство Education Week, совместно с исследователь-

1 School Shootings by Country 2022. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/school-shootings-by-country> (дата обращения: 09.02.2023).

2 Gunfire on School Grounds in the United States. URL: <https://everytownresearch.org/maps/gunfire-on-school-grounds/> (дата обращения: 06.02.2023).

ским центром Centers for Disease Control and Prevention, осуществляющее аналитику насильственных преступлений в образовательных организациях, пришло к выводу, что в период с 2018 года по 2022 год в Соединенных Штатах Америки произошли 143 акта массового убийства (2018 год – 24 случая; 2019 год – 24 случая; 2020 год – 10 случаев; 2021 год – 35 случаев; 2022 год – 50 случаев)¹. В 2022 году в 50 случаях актов массового насилия пострадали 139 человек, из них 38 убиты, 101 человек получил ранения различной степени тяжести. Исследование показало стремительный рост количества совершенных нападений и закономерную тенденцию к положительной динамике преступных посягательств.

Необходимо отметить, что зарубежные ученые оперируют понятием «скулшутинг», являющимся синонимичным понятию «колумбайн», и определяют его как вооруженное нападение на территории образовательной организации, направленное на учащихся и педагогов, с применением огнестрельного оружия [8, с. 16].

Однако, с нашей точки зрения, исследуемое явление более содержательное и аккумулирует в себе ряд значимых свойств, позволяющих отграничить данное деяние от иных насильственных преступлений, совершенных на территории образовательных организаций.

Поэтому считаем более точным для понимания и дальнейшего криминологического исследования использование понятия вооруженного нападения в образовательной организации, под которым нами понимается заранее спланированный акт нападения в образовательной организации с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенный лицом, прямо или опосредованно связанным с учебным заведением, с целью причинения смерти неопределенному кругу лиц.

На территории России официальная статистика по количеству актов нападения в образовательных организациях не ведется, так как совершенные деяния не содержат отдельного состава преступления, закрепленного в Уголовном кодексе РФ. Исследуемые деяния учитываются в статистике как «убийство» (ст. 105 УК РФ), «покушение на убийство» (ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ), «хулиганство» (ст. 213 УК РФ), а также иные преступления. Однако имеющиеся сведения о совершенных преступлениях являются объектом исследования как правоохранительных органов, так и ученых различных областей знаний.

Согласно отчету Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2022 году были совершены 7628 деяний, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ (убийство) и ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ (покушение на убийство)².

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, анализируя преступления, направленные на умышленное причинение смерти человеку, а также попытки такого действия, совершенные в 2022 году, отметил, что за указанные деяния были привлечены к уголовной ответственности 5592 лица³.

С учетом нашей интерпретации исследуемого противоправного деяния проведена выборка преступлений, имеющих совокупность признаков, содержащихся в определении вооруженного нападения в образовательной организации, в результате чего установлено, что на территории Российской Федерации в период с 2014 по 2022 год были совершены 13 актов нападения (табл.).

Криминологический анализ вооруженных нападений в России позволяет выявить ряд тенденций, характеризующих данную форму преступных посягательств.

Увеличение количества совершенных актов нападения позволяет проследить наличие

1 School Shootings This Year: How Many and Where. URL: <https://www.edweek.org/leadership/school-shootings-this-year-how-many-and-where/2022/01>. (дата обращения: 05.02.2023).

2 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2023.

3 Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007-2021 годы / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2022.

деструктивного влияния на сознание общества, радикализацию молодежной среды и культивирование идей жестокости и насилия. Как отмечает Н.Д. Узлов, этот аспект демонстрирует амбивалентное отношение общества к насилию, с одной стороны, осуждая его, а с другой – пропагандируя в масс-медиа [7, с. 270].

Возрастание общественной опасности нападений выражается в стремлении к совершению более жестоких актов нападения и большем количестве жертв. Как правило, преступный умысел нападающего в большинстве случаев не конкретизирован в отношении кого-либо, а направлен на максимально возможное количество случайных жертв, что способствует повышению в сознании лица значимости его деяния. Известные данные о вооруженных нападениях в образовательных организациях показывают стремительный рост числа жертв пострадавших от данного вида противоправного посягательства. Так, количество жертв при последнем акте массового насилия в России более чем в 10 раз превышает количество жертв при первом известном случае атаки в учебном заведении.

Повышение уровня организованности нападения происходит путем тщательного планирования атаки на учебные заведения, увеличения количества единиц оружия, использования взрывных устройств для успешной реализации преступного умысла.

Криминологический анализ вооруженных нападений в образовательных организациях свидетельствует о том, что акты массового насилия в учебных заведениях в настоящее время представляют собой довольно новый феномен, содержащий в себе огромный негативный потенциал, способный повлиять как на безопасную работу учебных заведений, так и на жизнедеятельность общества в целом.

С целью перелома деструктивных воззрений в обществе, преодоления аномии социума возникает необходимость тщательного исследования сложного комплекса криминологических аспектов и дальнейшего изучения сущности, закономерностей и тенденций вооруженных нападений в образовательных организациях.

Библиографический список

1. Давыдов, Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов // Национальный психологический журнал. – 2018. – N 4. – С. 62-76.
2. Диденко, К.В. «Колумбайнеры» – новый тип личности несовершеннолетнего преступника / К.В. Диденко // Современный ученый. – 2020. – N 5. – С. 267-273.
3. Карпова, А.Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова // Власть. – 2021. – N 1. – С. 93-108.
4. Мухаметзянова, Ф.Г. Скулшутинг в России и мире / Ф.Г. Мухаметзянова // Глобальная экономика и образование. – 2022. – N 4. – С. 79-88.
5. Николаева, Т.Г. School shootings: уголовно-правовое исследование / Т.Г. Николаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – N 4. – С. 36-44.
6. Плотников, В.В. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке / В.В. Плотникова // Общество и право. – 2021. – N 2. – С. 163-168.
7. Узлов, Н.Д. Скулшутинг: социально-философский аспект проблемы / Н.Д. Узлов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – N 2. – С. 264-276.
8. Rampage: The social roots of school shooters / K. Newman, C. Fox, D. Harding [et al.]. – New York: Basic Books Publ, 2004. – 399 p.

Таблица
Сведения об актах вооруженных нападений в образовательных организациях России (2014-2022 гг.)

Дата	Место	Фабула	Личность	Пострадавшие	Используемое оружие
1 03.02. 2014	г. Москва, школа № 263	Гордеев С. В. застрелил учителя географии и удерживал учеников в классе, после чего убил одного сотрудника вневедомственной охраны	Гордеев Сергей Викторович, 04.10.1998 г.р., на момент нападения 15 лет, являлся учеником 10 класса	погибли – 2, пострадали – 1	карабин, винтовка, сувенирный кинжал
2 05.09. 2017	Московская область, г. Ивандеевка, МБОУ «Образовательный центр № 1»	Пивнев М.С. зашел в здание своей школы и начал стрелять из пневматической винтовки, а затем взорвал самодельные взрывные устройства	Пивнев Михаил Сергеевич, 2002 г.р., на момент нападения 15 лет, обучался в 9 классе	погибли – 0, пострадали - 4	пневматическая винтовка, кухонный топор, самодельные взрывные устройства
3 15.01. 2018	г. Пермь, школа № 127	Биджаков Л. и Буслидзе А. напали на учителя и учеников	Буслидзе Александр, 15.05.2001 г.р., на момент нападения 16 лет, учился в 10 классе; Биджаков Лев, 02.08.2001 г.р., на момент нападения 16 лет, бывший ученик этой школы	погибли – 0, пострадали – 15 (в том числе нападавшие)	ножи
4 19.01. 2018	Республика Бурятия поселок Сосновый Бор, школа № 5	Бичивин А. напал на учеников и учителя и поджог класс. Как выяснило следствие к подготовке к нападению принимали участие еще двое: Рогальский А. (14 лет) и Седов И. (15 лет)	Бичивин Антон, 01.03.2002 г.р., на момент нападения было 15 лет, ученик 9 класса	погибли- 0, пострадали – 7	топор, бутылка с зажигательной смесью
5 18.04. 2018	Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, школа № 1	Тагиров А. напал на учителя и учеников с ножом и поджег класс	Артем Тагиров, 15.04.2001 г.р., на момент нападения 17 лет, учился в 9 классе	погибли – 0, пострадали – 4 (в том числе нападавшие)	канцелярский нож, горячая смесь
6 10.05. 2018	Новосибирская область, г. Барабинск, колледж имени Лунина	Иванистов И. пришел в класс с ружьем и выстрелил в однокурсников, после чего вышел в коридор и покончил жизнь самоубийством	Иванистов Илья, студент 1 курса Колледажа транспортных технологий имени Лунина, на момент нападения 16 лет	погибли – 1 (нападавший), пострадали – 3	ружье иж-12

Дата	Место	Фабула	Личность	Пострадавшие	Используемое оружие
7 17.10. 2018	г. Керчь, Керченский политехнический колледж	Росляков В. заложил взрывное устройство в столовой и открыл стрельбу, после чего сам застрелился	Росляков Владислав, 02.05.2000 г.р., на момент нападения 18 лет, студент 4 курса колледжа	погибли – 21 (в том числе нападавший), пострадали – 67	помповое ружье, самодельное взрывное устройство
8 14.11. 2019	г. Благовещенск, Амурский колледж строительства и ЖКХ	Засорин Д. открыл стрельбу из ружья в колледже	Засорин Даниил, 12.08.2000 г.р., на момент нападения 19 лет, студент колледжа	погибли – 2 (в том числе нападавший), пострадали – 3	ружье иж-81
9 28.05. 2019	Саратовская область, поселок Большевик, школа № 4	Пулькин Д. бросил 2 бутылки с зажигательной смесью и ударил ученицу топором по голове, после чего скрылся	Пулькин Даниил, 2004 г.р., на момент нападения 15 лет, ученик 7 класса	погибли – 0 пострадали 1	бутылки с зажигательной смесью, топор
10 11.05. 2021	г. Казань, гимназия № 175	Галявиев Р.Г. совершил нападение на свою школу	Галявиев Ильназ Ринатович, 11.09.2001 г.р., на момент нападения 19 лет	погибли – 9, пострадали – 32	полуавтоматическое гладкоствольное ружье, самодельное взрывное устройство
11 20.09. 2021	г. Пермь, Пермский государственный университет	Бекмансуров Т.М. открыл беспорядочную стрельбу в университете	Бекмансуров, Тимур Маратович, на момент нападения 18 лет, студент 1 курса	погибли – 6, пострадали – 47	семизарядное помповое ружье
12 13.12. 2021	г. Серпухов, гимназия во имя преподобного Варлаама Серпуховского	Стуженков В.А. привел в действие самодельное взрывное устройство на крыльце гимназии. Планировал взорвать внутри гимназии, но дверь была закрыта	Стуженков Владислав Андреевич, 06.08.2003 г.р., на момент нападения 18 лет	погибли – 0, пострадали 13 (в том числе нападавший)	самодельное взрывное устройство, мачете
13 26.09. 2022	г. Ижевск, школа № 88	Казанцев А. открыл стрельбу по ученикам и учителям в школе	Казанцев Артем, на момент нападения 34 года, ранее обучался в данной школе	погибли – 18 (в том числе нападавший), пострадали – 24	пистолеты

Ольга Павловна АКСАМЕНТОВА,

аспирант кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора Института юстиции
Байкальского государственного университета
(г. Иркутск)

jule81@yandex.ru

**ПРАВО ЛИЦА, СОДЕРЖАЩЕГОСЯ ПОД СТРАЖЕЙ,
НА СВИДАНИЕ С РОДСТВЕННИКАМИ И ИНЫМИ ЛИЦАМИ:
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**THE RIGHT OF A DETAINEE TO BE VISITED BY RELATIVES
AND OTHER PERSONS: A CRIMINAL AND PROCEDURAL ASPECT**

Статья посвящена вопросу реализации права подозреваемого (обвиняемого) на свидание на стадии предварительного расследования уголовного дела. Автором отмечается необходимость формирования единообразной процедуры разрешения свидания посредством рассмотрения ходатайства и реализации права на обжалование в случае отказа в судебном порядке. При анализе связи права на свидание с личными конституционными правами человека предпринимается попытка обосновать необходимость процессуального закрепления этого права путем внесения дополнений в ст. 46, 47 УПК РФ.

The article considers the issue of the suspect's (accused) right to a visit at the stage of preliminary investigation of a criminal case. The author notes that it is necessary to form a uniform procedure for the legal permission of the visit by considering an application and exercising the right to the appeal in case of court refusal. Analyzing the connection between this right and personal constitutional human rights, an attempt is made to substantiate the necessity of procedural fixing of the visiting rights by introducing an addition into articles 46, 47 of the Criminal Process Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: право на свидание, заключение под стражу, конституционные права человека, ходатайство, право на обжалование.

Keywords: *right to a visit, custody, constitutional human rights, petition, right to appeal.*

Одним из назначений уголовного судопроизводства является защита личности от ограничения ее прав и свобод. В этом контексте право на свидание в следственном изоляторе подозреваемого (обвиняемого) с родственниками и иными лицами приобретает особое процессуальное значение.

Основной целью проведения свиданий в условиях ограничения прав и свобод привлекае-

мых к уголовной ответственности лиц является сохранение их семейных и социальных связей. Как утверждает И.В. Караваев, для лиц, заключенных под стражу, связь с родственниками, ближайшим окружением выступает порой в качестве единственной реальной действенной психологической помощи [1, с. 279]

Хотя право на свидание нельзя считать однозначно процессуальным, в рамках уго-

ловного процесса оно становится одной из форм реализации конституционных прав человека на неприкосновенность личной жизни, свободу, уважение его чести и достоинства (ст. 21, 22, 25 Конституции РФ). Эти права опосредованно находят выражение и в уголовно-процессуальных принципах, таких как уважение чести и достоинства, неприкосновенность личности (ст. 9, 10 УПК РФ). Конституционный Суд РФ разъясняет, что право на сохранение неприкосновенности частной и семейной жизни, в том числе на неформальное общение, защищается законом в отношении каждого. Соблюдение законных интересов задержанных, заключенных под стражу или осужденных к лишению свободы по приговору суда, предполагает, в частности, что они не могут быть полностью исключены из сферы общения людей, находящихся с ними в тесных личных, прежде всего родственных, отношениях¹.

В свете позиции Конституционного Суда РФ право на свидание способствует реализации права на частную жизнь и должно быть обеспечено наравне с иными процессуальными правами подозреваемого (обвиняемого), предусмотренными УПК РФ.

При этом перед законодателем стоит задача в условиях процессуальных ограничений соблюсти баланс между защитой интересов лиц, пострадавших от преступлений, соблюдением интересов общества и государства и правами лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Гарантеей сохранения баланса является четкая регламентация способов реализации прав подозреваемых, обвиняемых, создание процессуальных алгоритмов и процедур, необходимых для этого. Об этом же говорит П.А. Лупинская, полагая, что осуществление назначения уголовного судопроизводства обеспечивается путем детальной регламентации всей уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 23].

Рассматривая вопросы правовой регламентации процедуры предоставления свиданий в условиях следственных изоляторов, необходимо обратиться к положениям Феде-

рального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее по тексту – Федеральный закон N 103-ФЗ), согласно ст. 17 которого среди прочих указано право подозреваемых (обвиняемых) на свидания с родственниками и иными лицами. Статья 18 регламентирует порядок реализации этого права. «Подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое».

При рассмотрении норм УПК РФ в комплексном толковании с положениями ст. 18 Федерального закона N 103-ФЗ привлекает внимание тот факт, что в УПК РФ прямых отсылок к праву подозреваемого (обвиняемого) на свидания с родственниками и иными лицами и процедуре его реализации нет. Несомненно, это является пробелом в законе и способствует формированию неоднозначной практики. Фактически процедура реализуется следующим образом. Подозреваемый (обвиняемый) направляет письменное заявление на имя должностного лица, осуществляющего расследование уголовного дела. Получив заявление, следователь рассматривает его в соответствии с требованиями главы 15 УПК РФ о рассмотрении ходатайств и принимает решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства о разрешении свидания.

Рассмотрение ходатайства о разрешении свидания в порядке гл. 15 УПК РФ представляется обоснованным по следующим причинам. Ходатайство заявляется лицом, чьи права и законные интересы затронуты в ходе расследования. Целью ходатайства является обеспечение прав и законных интересов, установление обстоятельств, значимых для расследования, посредством совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений.

Как отмечалось автором выше, право на свидание в уголовном процессе корреспон-

1 Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 N 1053-О-О. URL: <https://rulaws.ru/acts/Opredelenie-Konstitutsionnogo-Suda-RF-ot-01.10.2009-N-1053-O-O/> (дата обращения: 24.05.2023).

дирует неотъемлемому праву гражданина на личную жизнь. Вопрос разрешения свидания подозреваемому (обвиняемому) напрямую затрагивает право на уважение и неприкосновенность частной и семейной жизни. В связи с этим волеизъявление лица о предоставлении ему свидания в форме ходатайства следует признать обоснованным.

Единообразное толкование законодательства будет способствовать и упорядочиванию судебной практики по рассмотрению жалоб на отказ в предоставлении свидания, которая на сегодняшний день также не имеет единой позиции. Поскольку напрямую право подозреваемого (обвиняемого) на свидания не закреплено в УПК РФ, суды не всегда готовы признать отказ следователя в предоставлении свидания подлежащим обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, Московским городским судом в апелляционном порядке отменено постановление районного суда г. Москвы об отказе в принятии к рассмотрению жалобы адвоката в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о предоставлении свидания¹. И таких решений достаточно много.

Интересным с этой точки зрения является решение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2022 г., который отменил постановление Ессентукского городского суда Ставропольского края об оставлении без удовлетворения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконным постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о выдаче заявителю и ее ребенку разрешения на свидание с супругом в условиях следственного изолятора и апелляционное постановление Ставропольского краевого суда, оставившего решение суда первой инстанции без изменений. Кассационный суд мотивировал свое решение тем, что по смыслу ст. 125 УПК РФ жалобу могут подать те лица, чьи интересы затронуты

обжалуемым решением. Вместе с тем принятое следователем решение непосредственно не затрагивает конституционных прав заявителя и ее дочери как участников уголовного судопроизводства и не затрудняет им доступ к правосудию. То обстоятельство, что заявитель оспаривает право на свидание с лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не является безусловным основанием для признания за ней права на обращение в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление следователя, поскольку заявитель является иным участником судопроизводства, не имеющим своего интереса в ходе досудебного или судебного производства, и данное решение следователя не влечет возникновения уголовно-процессуальных отношений с заявителем².

Доводы суда, на наш взгляд, являются дискуссионными. Может ли ходатайствовать о свидании не подозреваемый (обвиняемый), а иное лицо (родственник, знакомый и т.д.), и будет ли это лицо в дальнейшем иметь право обжаловать отказ. На примере вышеприведенного судебного решения предпримем попытку рассуждать исходя из факта влияния следственной ситуации на непроцессуальные права граждан.

Семейные правоотношения, возникающие из таких юридических фактов, как заключение брака, рождение ребенка, всегда являются обоюдными и содержат как минимум две стороны: супруг и супруга, отец, мать и ребенок. Как правило, возникающие при этом права созависимы, и при ограничении прав одной из сторон неизбежно затрагиваются права и второй стороны. Например, в случае ареста супруга будут ли ограничены права его жены и ребенка? Ограничение свободы одного из членов семьи влияет на возможность реализации прав родителей и детей, второго супруга. Важно отметить, что Конституция Российской Федерации прямо не закрепляет данное право, следовательно,

1 Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.12.2017 N 10-20902/2017. URL: <https://rulaw.ru/obzhalovan-otkaz-v-vydache-razresheniya-na-vidanie-v-sizo> (дата обращения: 12.05.2023).

2 Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2022 N 77-2069/2022. URL: http://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3692577&case_uid=28e79fdb-5369-4a38-a7a3-320e0f282bcb&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 12.05.2023).

отказ или дозирования в предоставлении свидания с родными является вмешательством в брачно-семейные отношения, противоречащим Семейному кодексу Российской Федерации [6, с. 210-211].

Это дает основание говорить, что родственники имеют такое же право заявлять ходатайства о свидании и обжаловать отказ, как и обвиняемый.

Возвращаясь к рассуждению обоснования права на свидание, важно помнить о целях заключения под стражу в качестве меры пресечения. Они перечислены в ст. 97 УПК РФ и носят превентивный характер, стремясь обеспечить безопасность общества и отдельных его граждан от возможного продолжения преступной деятельности лица, а также гарантируют противодействие вероятному вмешательству лица в ход расследования преступления. Необходимо обратить внимание, что полная изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества не является целью заключения под стражу.

Неотъемлемые права человека не могут быть ограничены даже в условиях следственного изолятора. Гарантом реализации таких прав в отношении подозреваемого (обвиняемого) выступает государство. Как отмечает С.М. Прокофьевой, «в уголовном процессе сформировался и реально действует принцип гуманизма. Гуманистические ценности пронизывают все стороны уголовного судопроизводства: определяют его цели, задачи и средства, построение всех его стадий, форм и институтов, а также характер взаимоотношений между участниками процесса. Наиболее развитым видом гуманистических отношений являются взаимоотношения между человеком и государством» [4].

С позиции гуманизации уголовного процесса предоставление свиданий обоснованно и отсылает нас к реализации неотъемлемого права человека на личную жизнь. В этой ситуации стратегией поведения лица, ведущего расследование, является, с одной стороны, выполнение обязанности по обеспечению возможностей реализации своих прав участниками уголовного судопроизводства, а с другой стороны, необходимость принятия им

оценочного решения о предоставлении свидания в отсутствие установленных законодателем условий для принятия этого решения.

Возвращаясь к рассуждению о процедуре предоставления свиданий, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Отсутствие в законе критериев принятия следователем решения приводит к тому, что законодатель оставляет этот вопрос полностью на усмотрение должностного лица, в компетенции которого находится разрешение ходатайства. В процессуальных ситуациях, напрямую не регламентированных законом, следователь руководствуется общими нормами УПК РФ; так, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь в пределах компетенции уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве процессуальных действий. Подобная процессуальная неопределенность может повлечь неверное толкование норм закона либо злоупотребление правом со стороны следователя при принятии решения об отказе в свидании, использующего это как рычаг воздействия на обвиняемого.

Представляется, что следователь, принимая процессуальное решение, должен руководствоваться следующими факторами: характер отношений между обвиняемым и претендующим на встречу с ним лицом, осведомленность лица об обстоятельствах расследуемого преступления, его процессуальный статус в уголовном деле, влияние свидания на ход расследования. Следователь также должен принимать во внимание неоспоримость права подозреваемого (обвиняемого) на свидание. Таким образом, необходимо соблюсти баланс между интересами уголовного дела и правами граждан.

Вместе с тем на практике основания отказа в предоставлении свиданий достаточно разнообразны. А.В. Шигуров приводит следующие примеры мотивации таковых решений [7]:

- обвиняемый отказывается сотрудничать со следствием, отказывается давать показания, воспользовался ст. 51 Конституции РФ;
- от начальника криминальной милиции РОВД поступила информация, что предо-

ставление обвиняемому свиданий с родственниками может негативно отразиться на ходе расследования;

– следователь полагал нецелесообразными свидания обвиняемого с матерью во время следствия, так как это могло отрицательно повлиять на ход расследования, привести к разглашению ценной информации и сокрытию следов преступления;

– при проведении следствия для обеспечения прав и законных интересов потерпевших необходимо соблюдение конфиденциальности;

– обвиняемый может использовать свидания для передачи и получения сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу;

– это может воспрепятствовать осуществлению целей и задач, предусмотренных УПК РФ и УК РФ.

О возможности контроля поведения обвиняемого следователем через предоставление свидания говорит и Н. Гаспарян, советник Федеральной палаты адвокатов РФ: «Общеизвестно, что следователи выдают разрешение на свидание, как правило, в виде поощрения за признание вины и оказанное содействие, а в иных случаях могут легко отказать. Обжаловать такой отказ проблематично» [3].

Целесообразным представляется упорядочить практику предоставления разрешений на свидания путем внесения в законодательство как самого права подозреваемого (обвиняемого) на свидание, так и условий, при наличии которых в свидании необходимо отказать.

Необходимо исключить личные встречи с лицом, обладающим информацией о преступлении и допрошенным об этом в качестве свидетеля либо допрос которого планируется. При этом следует учитывать, что свидетели могут быть допрошены по характеристике личности обвиняемого, и такие сведения не имеют существенного влияния на ход и результаты расследования. Именно по этой причине стоит акцентировать внимание на информированности лица о самом преступлении. Иными словами, основания отказа в

свидании должны быть по возможности конкретизированы, что не исключает оценочный, но не субъективный, характер принятия решения для должностного лица.

По мнению А.В. Шигурова, отказ в предоставлении свидания должен быть обоснован конкретными фактическими обстоятельствами, подтверждающими наличие угрозы правам и свободам других лиц, воспрепятствования производству по уголовному делу. Также данный отказ может быть обжалован в суд общей юрисдикции [8, с. 14-15].

Продолжая разбирать диспозицию ст. 18 Федерального закона N 103-ФЗ, необходимо обратить внимание на круг лиц, которым может быть предоставлено свидание с подозреваемым (обвиняемым). Закон называет следующих лиц – «родственники и иные лица». Формулировка «иные лица» не дает четкого понимания правоприменителю, кому следует давать разрешение на свидание, а кому нет, и как мотивировать решение. Применяя системное толкование, в ст. 5 УПК РФ можно увидеть термины «близкие родственники», «родственники», «близкие лица», но не «иные лица». Комментируя Федеральный закон N 103-ФЗ, В.А. Кузьмин дает следующее определение «иным лицам»: это близкие друзья, лица, находящиеся в фактических брачных отношениях, коллеги [2].

Право на свидание позволяет подозреваемому (обвиняемому) в период нахождения под стражей не только сохранить семейные отношения, но и продолжить поддерживать личные социальные связи, что важно для дальнейшей адаптации в обществе. Принципы гуманизма, презумпции невиновности, уважения человеческого достоинства, в соответствии с которыми осуществляется содержание лиц под стражей, также определяют и обоснованность проведения свиданий с «иными лицами», однако требуется конкретизация этого понятия. Автором предлагается использовать термин «близкие лица» по аналогии с определением, данным в п. 3 ст. 5 УПК РФ. Несмотря на то, что «близкие лица» определены здесь только в отношении потерпевшего и свидетеля, тем не менее хорошо отражена суть самого понятия – «это лица, состоящие

в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений». Если использовать по аналогии процессуальной нормы понятие «близкие лица» для определения круга лиц, имеющих право на свидание с подозреваемым (обвиняемым) в качестве не родственников, а иных лиц, это будет иметь большую пользу для практики. Тогда и лицам из круга общения подозреваемого (обвиняемого) будет понятно, могут ли они претендовать на встречу с ним, и следователь будет иметь возможность объективно рассмотреть ходатайство и дать мотивированный ответ.

Подводя итог, автором предлагается рассмотреть возможность дополнения ст. 46, 47 УПК РФ нижеследующим положением: «подозреваемый, обвиняемый вправе с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания с родственниками и близкими лицами с письменного разрешения следователя, дознавателя или суда. В предоставлении свидания может быть отказано, если имеются основания полагать, что родственники и близкие лица обладают значимой информацией по уголовному делу, относящейся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию в соответствии с п. 1-2 ст. 73 УПК РФ».

Хотелось бы отметить, что в 2020 г. законодателем предпринималась попытка внести изменение в ст. 17 и 18 Федерального закона N 103-ФЗ. Законопроект «О внесении изменений в статьи 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» носил прогрессивный характер и существенно мог изменить порядок предоставления и проведения свиданий. Суть законопроекта сводилась к следующему: любые телефонные разговоры с родственниками, в том числе через систему видео-кон-

ференц-связи (ВКС), а также свидания с теми родственниками, которые не являются свидетелями по делу, проводятся без специального разрешения¹.

Предполагалось, что принятие поправок создаст разумный баланс между интересами предварительного расследования и принципом недопустимости произвольного нарушения конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Однако законопроект был отклонен на стадии его предварительного рассмотрения.

Проведение свиданий без согласия следователя таит в себе угрозу нанесения существенного вреда интересам расследования уголовного дела, а следовательно, и правам потерпевших. Но рациональная мысль в вышесказанных предложениях существует. В условиях пандемии остро встал вопрос о проведении свиданий с родственниками путем использования систем ВКС, что носило бы исключительно практический характер.

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022 г. судами рассмотрены 98 481 ходатайство правоохранительных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них 89% удовлетворены (в количественном содержании – 87 687). О продлении срока содержания под стражей рассмотрены 203 279 ходатайств, из них удовлетворены 197 032, что составляет 96,9%².

Перенос свиданий из плоскости личных встреч в сферу информационных технологий и использования систем видеоконференц-связи существенно снизит нагрузку посещаемости следственных изоляторов и представит возможность общения с родственниками, проживающими в другом регионе и не имеющими возможность приехать на свидание лично. В любом случае право выбора личной встречи либо общения через систему

1 О внесении изменений в статьи 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых»: законопроект N 1042392-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1042392-7> (дата обращения: 27.05.2023).

2 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции: сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. N 1 / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 20.04.2023).

ВКС должно оставаться за лицом, заявляющим ходатайство о свидании.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что право на свидание подозреваемого (обвиняемого) не является процессуальным и напрямую не связано с решением задач, стоящих перед правоприменителем на стадии расследования уголовного дела. Однако законодательное закрепление этого права в УПК РФ опосредованно будет содействовать реализации конституционных

прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, позволит сохранить семейные отношения, обеспечит сохранность процесса социализации лица в период его нахождения в относительной изоляции от общества. Это, несомненно, способствует реализации общечеловеческих ценностей в уголовном процессе и ориентирует правоприменителя на гуманистический подход к личности подозреваемого (обвиняемого).

Библиографический список

1. Караваев, И.В. Некоторые правовые аспекты реализации прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу, связанных с общением с внешним миром / И.В. Караваев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – N 2(33). – С. 279-285.
2. Кузьмин, В.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» / В.А. Кузьмин / под ред. Н.С. Мановой. – Специально для системы ГАРАНТ, 2011. – URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1266> (дата обращения: 23.05.2023).
3. Коробка, Е. Следователи не смогут отказывать заключенным под стражу в свиданиях с родственниками? / Е. Коробка // Адвокатская газета. – 2020. – N 20 (325). – URL: <https://www.advogazeta.ru/novosti/sledovateli-ne-smogut-otkazivat-zaklyuchennym-pod-strazhu-v-svidaniyakh-s-rodstvennikami/> (дата обращения: 10.05.2023).
4. Прокофьева, С.М. Гуманизация уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / С.М. Прокофьева. – СПб., 2002.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.
6. Шемаров, В.А. Социальная обусловленность ограничений в уголовно-правовой сфере / В.А.Шемаров // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2017. – N 3. – С. 209-214.
7. Шигуров, А.В. Проблемы реализации права обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, на свидание с родственниками / А.В. Шигуров // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/90444-problemy-realizacii-prava-obvinyaemogo-podozrevaemogo-soderzhashhegosya-strazhej> (дата обращения: 27.04.2023).
8. Шигуров, А.В. Актуальные проблемы реализации права обвиняемого, подозреваемого на защиту / А.В. Шигуров // Социальные нормы и практики. – 2022. – N 1(3). – С. 7-18.

Анастасия Владиславовна МИРОШНИЧЕНКО,

адъюнкт Омской академии МВД России

patrusheva_avp@mail.ru

**ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ
КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ОТ ПРОПАГАНДЫ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И (ИЛИ) ПРЕДПОЧТЕНИЙ, СМЕНЫ ПОЛА**

**PUBLIC MORALITY AS AN OBJECT OF ADMINISTRATIVE
AND LEGAL PROTECTION FROM PROPAGANDA OF NON-TRADITIONAL SEXUAL
RELATIONSHIPS AND (OR) PREFERENCES AND GENDER REASSIGNMENT**

В статье рассматриваются проблемные аспекты юридического толкования понятия «общественная нравственность», охватывающего состояние определенной совокупности групп общественных отношений, выступающих объектом административно-правовой защиты от пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола. Предложен авторский подход понимания общественной нравственности, позволяющий обобщить существующие научные мнения относительно ее содержания как правовой категории. Сформулировано авторское определение понятия «нравственный порядок». Обоснована актуальность создания региональных общественных советов по защите нравственности и экспертных комиссий по оценке информации, содержащей сведения о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтений, смены пола.

The article deals with problematic aspects of the legal interpretation of the concept «public morality», which covers the state of a certain set of groups of public relations that are the object of administrative and legal protection from propaganda of non-traditional sexual relations and (or) preferences, gender reassignment. The author's approach to understanding public morality is proposed, which allows summarizing existing scientific opinions regarding its content as a legal category. The author's definition of the concept «moral order» is formulated in the article. The relevance of establishing regional public councils for the protection of morality and expert commissions for the evaluation of information containing data about non-traditional sexual relations and (or) preferences, gender reassignment is substantiated.

Ключевые слова: общественная нравственность, административно-правовая защита, административное правонарушение, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений (или) предпочтений, смены пола, нравственный порядок.

Keywords: public morality, administrative and legal protection, administrative offense, propaganda of non-traditional sexual relations (or) preferences, gender reassignment, moral order.

«Quid leges sine moribus vanae proficiunt» –

какая польза в напрасных законах, где нет нравов?

Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. Спб., 1993.

В данный период развития общества Россия показывает свою заинтересованность в обеспечении защиты духовно-нравственных ценностей, устанавливая определенные ограничения, которые представлены в виде запретов на регистрацию однополых браков, усыновление однополыми партнерами несовершеннолетних, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, пропаганду педофилии и др.

Одной из задач административного законодательства, в соответствии со ст. 1.2 КоАП РФ об административных правонарушениях, является защита общественной нравственности. Глава 6 КоАП РФ выделяет общественную нравственность в качестве родового объекта группы правонарушений. Так, в Российской Федерации запрещены проституция, вовлечение в курение несовершеннолетних, пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола и некоторые другие деяния.

Отметим, что в отдельную группу можно выделить правонарушения, посягающие на общественную нравственность как на составную часть общественного порядка: потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах, потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ), появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ).

Аналогичная глава имеется и в УК РФ – гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

В 2013 г. в КоАП РФ были введены нормы, запрещающие пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, что подтвердило приоритет российской политики, направленной на сохранение морально-нравственных устоев семейной и сексуальной жизни граждан по отношению к иным «толерантным» формам многополярных предпочтений при выборе партнера для сексуальных и брачных отношений. Сейчас законодатель расширил сферу применения запрета до пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола; при этом отметим, что в ч. 2 ст. 6.21 КоАП РФ сохранился квалифицирующий признак правонарушения, ужесточающий ответственность за совершение такой пропаганды среди несовершеннолетних.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ определяет обязанность государства осуществлять защиту сферы общественной нравственности. При этом законодательство не раскрывает сути общественной нравственности, которая выступает объектом административно-правовой защиты.

По мнению ряда ученых, проблемы определения общественной нравственности в правовом сегменте и некоторые сложности противостояния антиобщественному поведению вообще являются актуальными темами для научных дискуссий [4; 10].

С точки зрения семантического подхода, С.И. Ожегов понимает нравственность как содержание качеств (внутренних, духовных), которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами¹. В словаре Д.Н. Ушакова нравственность представлена как совокупность норм, определяющих поведение человека².

1 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М.: Рус. яз., 1997. 944 с.

2 Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.

В толковом словаре русского языка нравственность понимается как внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям, и природовнутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами¹.

В юридической науке существуют разные мнения ученых, которые интерпретируют нравственность сквозь призму присущих ей признаков: 1) нравственность подвержена историческим изменениям [8, с. 47]; нравственность изменяется точно так же, как изменяется общество в определенный период времени с учетом сложившихся в этот период обстоятельств [13]; 2) нравственность является формой социального сознания и носит массовый характер [12, с. 18]; 3) формирование нравственности происходит на основе человеческих поступков [7]; нравственность есть реальное воплощение моральных норм и ценностей в поведении отдельных людей [5, с. 12]; 4) «нравственность есть форма общественного сознания и потому ее содержание и развитие обуславливаются экономическими отношениями, с изменениями которых меняются и моральные воззрения» [11, с. 204]; 5) «общественная нравственность – это один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений...» [9, с. 534]; 6) общественная нравственность – это правила поведения, выработанные в результате исторического развития общества и признанные им в качестве обязательных².

Важно отметить, что Конституционный Суд РФ, признавая оценочный характер норм, направленных на защиту общественной нравственности, в то же время указывает, что их формальное применение не является безосновательным и строится на их эффективном применении к неограниченному числу возможных правовых ситуаций³.

Правовые нормы не призваны и не способны охватывать всего многообразия существующих взаимоотношений между людьми.

В юридической литературе советского периода справедливо отмечается, что «как бы широко ни регулировало право отношения между людьми, оно не может ставить своей целью охватить правовой регламентацией все без исключения поступки и взаимоотношения людей» [6].

В социалистической действительности отмечались ситуации одновременного урегулирования одних и тех же общественных отношений как правовыми, так и неправовыми социальными нормами, и в первую очередь речь идет о коммунистической морали. Охраняя неправовые нормы, общественность содействовала нерушимости определенных связей, в которых проявлялись регулируемые ими отношения, что подкрепляло позиции государственных органов, которые охраняли правовые нормы, регулирующие те же отношения, но выступающие в других связях [1].

«Социалистическое право с большой осторожностью подходит к регулированию отношений в сфере общественного порядка, учитывая нецелесообразность и вредность связывания поведения людей юридическими формальностями. Ему чужды ... вмешатель-

1 Большой толковый словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

2 Об охране общественной нравственности : Закон Республики Саха (Якутия) от 20.02.2004 120-З N 239-III // СПС «КонсультантПлюс».

3 См., напр.: «Использование в указанной норме оценочных понятий во всяком случае не предполагает возможность ее произвольного и формального применения и не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (постановление от 30 июня 2011 года N 14-П; определения от 23 апреля 2015 года N 779-О, от 22 декабря 2015 года N 2891-О, от 26 апреля 2016 года N 829-О и др.)». Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуглина Владислава Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 N 1410-О // СПС «КонсультантПлюс».

ство в те виды межличностных отношений в быту, повседневной жизни, которые с успехом обеспечиваются регулированием нормы морали» [2]. Полагаем, что в современной России содержание защиты нравственности имеет более прямое отношение к правовому регулированию.

Мы имеем в виду то, что, устанавливая правовые нормы, охраняющие общественную нравственность, государство предопределяет своей обязанностью ее защиту. Учитывая ее многогранность и неопределенный ряд создавшихся ситуаций, когда могут возникнуть основания для такой защиты, мы предлагаем авторский подход к ее пониманию.

Под общественной нравственностью мы предлагаем понимать совокупность моральных правил или предписаний, действующих во всех сферах жизнедеятельности граждан, соблюдаемых и выполняемых каждым участником отношений, осуществляющих взаимодействие друг с другом на моральных началах, принятых конкретным обществом в качестве фундаментальных ценностей, и представлениях о существующем нравственном порядке.

На наш взгляд, ценность и социальная значимость правовой защиты общественной нравственности обусловлены приоритетной ролью нравственного порядка.

Нравственный порядок соотносится с общественным, как часть и целое. Их симбиоз в конечном итоге способствует выполнению общих задач российской государственности – поддержанию традиционных ценностей, установлению приоритетного отношения к институтам материнства, детства и семьи, обеспечению гуманности, развития общества, охраны жизни, здоровья, прав и интересов граждан.

Административно-правовая защита нравственного порядка в нашем случае будет отождествляться с совокупностью админи-

стративно-правовых мер, которые используются с целью ограничения распространения информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, смену пола.

Интересным видится предложение по созданию на региональном уровне межведомственных советов по вопросам защиты общественной нравственности и обеспечению нравственного порядка, а также экспертных комиссий по оценке информации, содержащей сведения о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях, смены пола, на предмет наличия в ней сведений, выпадающих под пропаганду таких отношений.

Считаем оправданным расширение области применения ограничительных мер. Например, в Свердловской области по настоящее время действуют Советы по охране общественной нравственности, которые регулируют вопросы, связанные с ограничением распространения информации, содержащей любой секс-контент (18+); в Челябинске ранее существовала межведомственная комиссия по вопросам эротическо-сексуальной культуры и охраны общественной нравственности; в Саратове – Экспертный совет по этике и нравственности [3].

Целесообразность сделанных нами выводов находит подтверждение в результатах проведенного в период с ноября 2021 г. по ноябрь 2022 г. социологического исследования¹: 84,2% опрошенных показали положительное отношение к введенному в России запрету на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, 57,66% респондентов высказались в поддержку идеи о создании на региональном уровне Советов по вопросам защиты общественной нравственности (на основании п. 5 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ) и экспертных комиссий по оценке информации, содержащей сведения о нетрадиционных сексуальных отношениях.

1 Социологическое исследование в форме анкетирования проводилось в 10 субъектах Российской Федерации. В качестве респондентов привлекались педагоги, учителя, сотрудники полиции, юристы, врачи, несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет и др. Всего были опрошены 1070 человек.

Библиографический список

1. Баланик, Б.Г. Общественный порядок как категория советского законодательства / Б.Г. Баланик // Советское государство и право. – 1982. – N 11. – С. 73-77.
2. Безденежных, В.М. Социалистический общественный порядок: сущность, структура и социальное назначение : лекция / В.М. Безденежных. – М., 1983. – 28 с.
3. Бекетов, О.И. Полицейский надзор в сфере общественной нравственности / О.И. Бекетов, О.А. Дизер // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – N 2 (26). – С. 5-8.
4. Дизер, О.А. Содержание общественной нравственности как объекта административно-правовой защиты / О.А. Дизер // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), посвященной 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича. г. Санкт-Петербург, 24 марта 2017 г. / под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова : в 3 ч. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 125-131.
5. Дизер, О.А. Общественная нравственность как объект административно-правовой защиты : монография / О.А. Дизер. – Омск: Омская академия МВД России, 2018. – 132 с.
6. Карева, М.П. Право и нравственность в социалистическом обществе / М.П. Карева. – М., 1951. – 117 с.
7. Кобликов, А.С. Юридическая этика : учебник / А.С. Кобликов. – 3-е изд., изм. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 165 с.
8. Лысенко, В.В. Полиция в дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности: Теоретический и историко-правовой анализ : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Лысенко. – СПб., 1998. – 396 с.
9. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2005. – 919 с.
10. Овчинников, А.И. Юридическая формализация понятия «общественная нравственность» // Философия права. – 2016. – N 6 (79). – С. 100-106.
11. Теория государства и права / под ред. В.С. Крылова. – М.: Юрид. лит., 1980. – 432 с.
12. Шалагин, А.Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности : учебное пособие / А.Е. Шалагин. – М., 2007. – 251 с.
13. Шершеневич, Г.Ф. Избранное: в 6 т. / Г.Ф. Шершеневич ; вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. – М., 2016. – Т. 4. – 494 с.

Евгения Игоревна СОТНИКОВА,
адъюнкт Омской академии МВД России
Sotnikova_zhenya@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, РОДИТЕЛЕЙ ИЛИ ИНЫХ ЗАКОННЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

**PECULIARITIES OF BRINGING MINORS, PARENTS OR OTHER LEGAL
REPRESENTATIVES OF MINORS TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN
(COMPARATIVE LEGAL STUDY)**

В статье проведен анализ законодательства Республики Таджикистан с целью разработки предложений, направленных на совершенствование института привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в Российской Федерации. На основе проведенного исследования обосновывается необходимость внесения изменений в нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующие порядок привлечения к ответственности несовершеннолетних, а также принятия подзаконного нормативного правового акта, устанавливающего фактические основания для привлечения к административной ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних.

The article analyzes the legislation of the Republic of Tajikistan in order to develop proposals aimed at improving the institution of bringing minors, parents or other legal representatives of minors to administrative responsibility in the Russian Federation. On the basis of the conducted research, the need for amendments to the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation regulating the procedure for bringing minors to responsibility, as well as the adoption of a subordinate regulatory legal act establishing the actual grounds for bringing parents or other legal representatives of minors to administrative responsibility is substantiated.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, производство по делам об административных правонарушениях, несовершеннолетние лица, родители, законные представители несовершеннолетних.

Keywords: *administrative responsibility, administrative offense, proceedings on cases of administrative offenses, minors, parents, legal representatives of minors.*

Привлечение к административной ответственности выступает важным средством охраны общественного порядка. Профессор А.П. Шергин совершенно вер-

но отмечает, что «административная деликтность, равно как и преступность, является одной из основных угроз правопорядку» [7, с. 21]. Административная ответственность

как разновидность юридической ответственности представляет собой «особую правовую реакцию общества по защите публичных интересов, оформленную совокупностью материальных и процессуальных норм, в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевания неблагоприятных для него последствий» [2, с. 49].

В диспозициях статей Особенной части кодифицированных нормативных правовых актов об административной ответственности определен характер действий (бездействия), признающихся административными правонарушениями. Правовое регулирование административной ответственности в Республике Таджикистан отличается от Российской Федерации прежде всего тем, что в Таджикистане действуют два кодифицированных нормативных правовых акта: Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (далее – КоАП РТ), который был принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. N 455¹, и Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. N 975 (далее – ПКоАП РТ)². В России, как известно, на протяжении более двух десятков лет применяется Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), который содержит в себе как материальные, так и процессуальные административно-деликтные нормы. В систему правовых норм, регулирующих применение административных наказаний, также входят региональные законы об административной ответственности. В Таджикистане административно-деликтное законодательство формируется исключительно на республиканском уровне.

Следует отметить, что в России в настоящее время предпринята попытка третьей кодификации законодательства об администра-

тивных правонарушений. На суд научной общественности и практических работников в 2019-2020 гг. были представлены проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴. Однако данная инициатива была неоднозначно воспринята учеными и практиками, среди которых можно найти как убежденных сторонников, так и принципиальных противников реформы законодательства об административных правонарушениях [4, с. 442-453; 5, с. 14-41]. Оживленные дискуссии по этому поводу продолжаются, и возможно в ближайшей перспективе указанные проекты все-таки материализуются в работающие законы.

Основными причинами, порождающими противоправное и антиобщественное поведение несовершеннолетних, априори являются их безнадзорность, а также недостаточное воспитание и ненадлежащий уровень заботы со стороны родителей и иных законных представителей.

Сравнительно-правовой анализ действующих в Республике Таджикистан и Российской Федерации нормативных правовых актов, которые регламентируют вопросы административной ответственности несовершеннолетних, их родителей и иных законных представителей, позволил выявить как сходства, так и различия в ее реализации, что, в свою очередь, способствует выдвижению обоснованных аргументов по внесению изменений в административно-деликтное законодательство когда-то бывших частью единой державы независимых и дружественных друг другу государств.

В Особенной части КоАП РТ юридические составы, предусматривающие административную ответственность несовершеннолетних, родителей или иных законных

1 Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях : принят Законом Республики Таджикистан от 31.12.2008 N 455) // Информационная система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31428231 (дата обращения: 16.07.2023).

2 Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22.07.2013 N 975 // Информационная система «КОНТИНЕНТ». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31428231 (дата обращения: 16.07.2023).

3 URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=102447#> (дата обращения: 16.07.2023).

4 URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=102945#> (дата обращения: 16.07.2023).

представителей несовершеннолетних, расположены в следующих главах: «Административные правонарушения, связанные с правами и свободами человека и гражданина» (глава 6), «Административные правонарушения связанные с охраной здоровья, санитарно-эпидемиологической безопасностью населения и общественной нравственностью» (глава 7), «Административные правонарушения, связанные с общественным порядком и нравственностью» (глава 26). В КоАП РФ глав, в которых в качестве субъекта административного правонарушения представлены обозначенные выше лица, в два раза больше. Это главы 5, 6, 11, 13, 14, 20 КоАП РФ.

Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих решений установил, что, поскольку права и обязанности родителей установлены Семейным кодексом РФ (далее – СК РФ), следовательно, в соответствии со ст. 1.3 КоАП РФ ответственность за неисполнение этих обязанностей также может быть установлена только на федеральном уровне¹.

Следует особо отметить, что в Республике Таджикистан действует Закон от 2 августа 2011 г. N 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей»², в котором содержится внушительный перечень обязанностей родителей по обучению и воспитанию детей, в основном предписаний. Неисполнение либо ненадлежащее их исполнение может повлечь за собой административную и даже уголовную ответственность. В России обязанность родителей воспитывать и обучать детей как предписывающая норма закреплена в СК РФ, однако она представлена в обобщенном виде без конкретизации предписаний, что, в свою очередь, по нашему мнению, недопустимо широко раздвигает пределы усмотрения правоприменительного органа в случаях

привлечения к административной ответственности. По меткому замечанию профессора Ю.П. Соловья, «осуществление публичной администрацией дискреционных полномочий, которые в отличие от полномочий, жестко связанных законом, предполагают проявление этой администрацией усмотрения, таит в себе наибольшую угрозу правам, свободам и законным интересам граждан, правам и законным интересам организаций» [3, с. 375-376].

В одном из проведенных научных исследований обосновывается необходимость уточнения обязанностей родителей и иных законных представителей в СК РФ [1, с. 13]. Положительно оценивая идею нормативного закрепления обязанностей ответственных за воспитание и обучение субъектов, неисполнение которых может стать причиной их юридического преследования, все же позволим себе не согласиться с предложением поместить эти обязанности в указанный выше базовый источник семейного права в Российской Федерации либо в какой-нибудь другой федеральный закон. По нашему мнению, перечень соответствующих обязанностей лучше отразить в подзаконном нормативном правовом акте – постановлении Правительства Российской Федерации. Предлагаем следующее его наименование: «Об ответственном отношении родителей и иных законных представителей к содержанию, воспитанию и обучению несовершеннолетних». Выбор субъекта нормотворчества не является произвольным и объясняется наличием более экономичной по времени процедуры внесения в постановление изменений и дополнений, нежели чем в законодательные акты. Кроме того, традиционно именно Правительство РФ определяет разнообразные правила осуществления общественно полезной деятельности,

1 В удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 2 статьи 12.1 Закона Владимирской области «Об административных правонарушениях во Владимирской области» от 14.02.2003 N 11-ОЗ отказано, поскольку оспариваемое положение не противоречит федеральному законодательству : определение Верховного Суда РФ от 20.04.2005 N 86-Г05-6 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей : Закон Республики Таджикистан от 02.08.2011 N 762 // Информационная система «КОНТИНЕНТ». URL: <https://continent-nline.com/ContentPagesContinent/fullsearch.aspx#country=TJ&text=%D0%BE%D0%B1%20%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9&swhere=3&spos=1&tSynonym=0&tShort=1&tSuffix=1> (дата обращения: 16.07.2023).

например, правила дорожного движения или правила оборота оружия, правила ведения лицензионной деятельности и др. В этих документах как раз и содержатся предписывающие и запрещающие нормы, их невыполнение либо нарушение может повлечь за собой применение мер юридической ответственности. Полагаем, что принятие в России на федеральном уровне самостоятельного нормативного правового акта, предусматрившего конкретные обязанности родителей и иных лиц, непосредственно отвечающих за обучение и воспитание детей, неисполнение либо ненадлежащее исполнение которых повлечет за собой юридическую (административную или уголовную) ответственность, станет важным шагом на пути гармонизации реальных связей между отраслями конституционного, семейного, административного и административно-процессуального права.

В целом изложение диспозиций многих норм, которые устанавливают ответственность за указанные выше административные правонарушения, совпадает с конструкциями юридических составов в соответствующих статьях Особенной части КоАП РФ. Но есть и свои особенности. В частности, совсем недавно в КоАП РФ Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. N 479-ФЗ были внесены составы, предусматрившие ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола (ст. 6.21), пропаганду педофилии (ст. 6.21.1) и за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол (ст. 6.21.2).

Представить такие новшества в КоАП РФ сложно, учитывая консервативный правовой менталитет стран Средней Азии с преобладающим мусульманским населением.

В Таджикистане согласно нормам КоАП РФ административная ответственность, как и в России, наступает с 16 лет. В юридической литературе высказываются предложения о снижении возраста административной

ответственности несовершеннолетних до 14 лет [6, с. 50-53]. Считаем, что понижать возрастной порог административной деликтоспособности необходимо с максимальной степенью осторожности, предусмотрев применение административной ответственности в отношении несовершеннолетних, достигших 14 лет только за те административные правонарушения, которые в проекте нового КоАП РФ называются грубыми и содержат в санкциях статей наиболее строгие виды административных наказаний. В противном случае при снижении возрастной планки для несовершеннолетних правонарушителей, распространяемой на все административные деликты, может произойти излишний крен в сторону применения принудительных мер воздействия в ущерб индивидуальной профилактике. Нагрузка на административно-юрисдикционные органы существенно возрастет, что также не способствует целям наказательной политики.

Недостижение совершеннолетия лицом, привлекаемым к административной ответственности, является смягчающим ее обстоятельством. Совершение административного правонарушения в отношении несовершеннолетнего, напротив, является обстоятельством, отягчающим ответственность. К слову, уже упомянутый нами проект КоАП РФ включает норму, согласно которой административные правонарушения, в результате совершения которых потерпевшим является несовершеннолетнее лицо, а равно связанные с его вовлечением в совершение административно наказуемого деяния, считаются грубыми, что мы считаем вполне приемлемой своевременной новеллой.

Реализация принципа индивидуализации административной ответственности с учетом выяснения всех обстоятельств дела обуславливает возможность освобождения несовершеннолетнего правонарушителя органом административной юрисдикции. После принятия такого решения дело направляется в специализированный орган для принятия к несовершеннолетнему мер воспитательно-го характера, не связанных с наказанием. В

Таджикистане таким органом выступает комиссия по защите прав ребенка, в России – комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН). Вместе с тем такое решение может быть принято лишь в том случае, если против этого не возражает сам несовершеннолетний и его законный представитель. Копия постановления о прекращении дела с применением в отношении несовершеннолетнего указанных мер направляется в комиссию по правам ребенка.

В статье 27 ПКоАП РТ указано, что защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего правонарушителя осуществляют его законные представители. По сравнению с КоАП РФ, который в ст. 25.3 персонализирует законных представителей несовершеннолетнего, называя в качестве таковых его родителей, усыновителей, опекунов или попечителей, ПКоАП РТ дополнительно включает в это перечисление родственников либо лиц, наделенных соответствующими полномочиями, чем существенно расширяет круг допущенных представлять интересы правонарушителя участников производства. В Таджикистане предусмотрена обязательность участия законного представителя при рассмотрении дела. Уклонение его от явки может стать основанием для принудительного препровождения (привода) такого лица в место, где будет рассматриваться дело. Еще одним обязательным участником, который будет представлять интересы несовершеннолетнего в ходе рассмотрения дела, выступает защитник (ст. 26).

В России отсутствие при рассмотрении дела защитника и законного представителя не является препятствием для рассмотрения дела. Решать, быть указанным лицам на заседании или нет, – прерогатива органа административной юрисдикции.

Еще одним обязательным участником производства в отношении несовершеннолетних выступает прокурор. Его полномочия согласно ст. 36 ПКоАП РТ проявляются посредством принесения протеста на вынесенное в отношении несовершеннолетнего постановление о привлечении к административной ответственности. Орган административной

юрисдикции обязан известить прокурора о месте, где будет рассматриваться дело и времени заседания.

Нормативные правовые акты, устанавливающие административную ответственность, определяют круг субъектов, уполномоченных возбуждать производство и рассматривать дела об административных правонарушениях, а также исполнять вынесенные по ним постановления (решения). В части 1 ст. 23.2 КоАП РФ определено, что районные (городские), районные в городах комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.35, 5.36, 6.10, 6.23, 20.22. ПКоАП РТ не называет в качестве субъекта административной юрисдикции специализированные органы – комиссии по защите прав ребенка. Такие полномочия в Таджикистане предоставлены исключительно суду. В России рассмотрение судом дел в отношении несовершеннолетних возможно только в случае, когда КДН не сможет назначить административное наказание в силу отсутствия на то необходимых полномочий, например, лишить несовершеннолетнего права управления транспортным средством, установить в отношении него административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований и др. Мы считаем, что судам в Российской Федерации должны быть делегированы более широкие полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних, их родителей и иных законных представителей. Наше предложение объясняется тем, что члены КДН не всегда имеют юридическое образование, поэтому существует определенный риск в принятии ими несправедливого вердикта. Полагаем оптимальным решением станет отнесение к компетенции судей грубых административных правонарушений, совершенных указанными субъектами. КДН же будут наделены правом рассматривать дела о незначительных административных проступках.

Пожалуй, главной отличительной от КоАП РФ особенностью современного ПКоАП РТ по исследуемому вопросу является наличие в структуре последнего главы 16 «Порядок производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних». Эта глава расположена в разделе V «Особенности производства по отдельным категориям дел об административных правонарушениях». Ее нормы вбирают целый перечень любопытных положений с точки зрения их возможной имплементации в российское законодательство. К ним мы отнесем следующие.

Во-первых, нормативно закреплено, что орган, выявивший административное правонарушение, которое совершил несовершеннолетний, а также орган, рассматривающий дело, обязаны установить условия жизни, учебы несовершеннолетнего, его воспитания родителями, уровень интеллектуального, волевого и психического развития, как проявляется в повседневной жизни характер и темперамент ребенка, в чем состоят его потребности, на что направлены интересы; каким образом на него влияют взрослые и другие подростки.

Во-вторых, в случае, если несовершеннолетний совершил противоправное деяние совместно со взрослыми, его дело подлежит выделению в отдельное производство.

Вызов несовершеннолетнего на рассмотрение дела производится через его родителей или других его законных представителей, а если он находится в специальном детском учреждении, такое извещение осуществляется через администрацию последнего.

Следующая особенность связана с временными рамками дачи несовершеннолетними правонарушителем, свидетелем либо потерпевшим соответствующих объяснений и показаний. Данная процедура не может продолжаться без перерыва более одного часа. В общей сложности дача пояснений не может превышать двух часов в день.

В-пятых, при даче объяснений несовершеннолетними необходимо участие педагога и психолога. Данные участники могут задавать вопросы несовершеннолетнему, а по

окончании опроса вправе ознакомиться с делом, а также предоставить свои письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права должны быть разъяснены им органом административной юрисдикции до получения объяснения.

Законный представитель несовершеннолетнего участвует в деле с момента первого опроса своего подопечного. Он вправе: знать, в совершении какого проступка обвиняется ребенок, участвовать в проведении процессуальных действий, знакомиться с протоколом судебного заседания и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия и решения суда, уполномоченных государственных органов (должностных лиц), представлять доказательства, а также знакомиться со всеми материалами дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме.

Как уже было отмечено, если в ходе рассмотрения дела будет установлено, что несовершеннолетний совершил правонарушение впервые и его исправление может быть достигнуто без применения административного наказания, прокурор и уполномоченные государственные органы (должностные лица) вправе прекратить дело с применением к нему воспитательных мер.

Проанализировав специфику процессуального порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях несовершеннолетних, родителей и иных законных представителей несовершеннолетних по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации, мы приходим к выводу, что нормы ПКоАП РТ содержат ряд положений, которые могут быть включены в процессуальную часть КоАП РФ, что не только не нарушит архитектуру российского административно-деликтного закона, но и обогатит его содержательно, став дополнительной весомой гарантией прав и законных интересов указанных выше участников производства. Идеальным же результатом нормотворческой деятельности станет давно ожидаемое принятие материального и процессуального

кодексов Российской Федерации об административных правонарушениях, где в отдельной главе последнего будут выделены нормы, предусматривающие порядок производства

по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних, их родителей и иных законных представителей.

Библиографический список

1. Баншикова, С.Л. Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.Л. Баншикова. – Омск, 2017.
2. Серков, П.П. О понятии юридической ответственности / П.П. Серков // Журнал российского права. – 2010. – N 8.
3. Серков, П.П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) / П.П. Серков, Ю.П. Соловей // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – N 4.
4. Соловей, Ю.П. Еще раз о необходимости реформы законодательства об административной ответственности / Ю.П. Соловей // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – N 4.
5. Стариков, Ю.Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории / Ю.Н. Стариков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – N 2.
6. Строева, О.А. К вопросу о снижении возраста административной ответственности несовершеннолетних / О.А. Строева, М.В. Бондаренко // Административное право и процесс. – 2019. – N 11.
7. Шергин, А.П. Проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности / А.П. Шергин // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – N 4.

Селди Короглуевич АГАРЗАЕВ,
адъюнкт Академии управления МВД России
(г. Москва)

agarzaev024@gmail.com

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE MARTIAL LAW REGIME

В статье исследуются актуальные вопросы института особого правового режима военного положения. Проводится анализ основных исторических предпосылок формирования содержания и оснований введения военного положения в современном их понимании. Обращается внимание на особенности правовых аспектов введения и функционирования режима военного положения по действующему российскому законодательству. Автором предпринята попытка нового осмысления содержания режима военного положения как многоуровневой структуры. В заключение формулируются рекомендации по совершенствованию правовых основ института военного положения.

The article examines the topical issues of the institution of a special legal regime of martial law. The analysis of the main historical prerequisites of the formation of the content and grounds for the introduction of martial law in their modern understanding is carried out. The attention is paid to the peculiarities of the legal aspects of introduction and functioning of the martial law regime under the current Russian legislation. The author attempts a new interpretation of the content of martial law regime as a multilevel structure. In conclusion, the recommendations are formulated to improve the legal foundations of the institution of martial law.

Ключевые слова: особый правовой режим, агрессия, военное положение, уровни реагирования.
Keywords: special legal regime, aggression, martial law, levels of response.

Институт военного положения имеет глубокие исторические корни в российском праве. При этом, несмотря на отсутствие законодательного регламентирования, применение особых мер, характерных для режима «военного положения», осуществлялось российскими органами власти примерно с XVI века. Опыт широкого применения мер реагирования на угрозы военного времени потребовал их обстоятельной проработки и законодательного закрепления. На протяже-

нии нескольких столетий режим военного положения формировался и укреплялся в российском праве под воздействием различных событий как внешнего, так и внутреннего характера.

Всесторонне рассмотреть все аспекты исторического становления режима военного положения как правового института в отдельной статье вряд ли удастся. В этой связи автором будут обозначены основные этапы становления военного положения и

его содержания в современном понимании, а также намечены направления дальнейшего развития. Интересным представляется новый авторский подход к осмыслению содержания военного положения как многоуровневой структуры.

Правовое регулирование военного положения неразрывно связано с развитием российской государственности. Борьба за самостоятельность и суверенность страны могла осуществляться не иначе как посредством использования механизмов и мер, направленных на преодоление угроз безопасности в разные исторические периоды. Большой вклад в создание правовой базы «военного положения» в России внесен правительством Петра I в XVIII веке. Данный период явился началом издания различных правовых актов, посвященных отдельным аспектам при угрозе и с началом военных действий, которые сегодня нашли отражение при реализации мер военного положения.

Становление и укрупнение режимных мер военного времени в единую нормативно-правовую систему, довольно подробно регламентирующую деятельность государства в условиях войны, связано с осуществлением крестьянской, военной и судебной реформ в России в конце XIX века. Механизм, развивавшийся как инструмент для борьбы с агрессией иностранных государств, оказался применим и в иных ситуациях.

Появление общественного, освободительного и революционного движений в Российской империи вызвало необходимость поиска механизма регулирования, функционально направленного в том числе и на противодействие революционным настроениям. Основные аспекты содержания новых подходов военной безопасности того времени определялись его направленностью. Особый режим «военной безопасности» мог применяться для борьбы с внешней агрессией против России, а также в связи с внутригосударственными причинами, направленными на сохранение единого централизованного государства. Наряду с расширением функционала особого военного положения прослеживаются попытки зарождения специальных государ-

ственных органов военного времени, а также ужесточения ответственности за совершение преступлений в военное время.

Период с конца XVI по начало XX века в целом характеризуется созданием законодательной базы современного режима военного положения, послужившей основой его становления и дальнейшего развития как правового института в законодательстве России. В этот период произошел последовательный переход от применения мер, характерных для режима военного положения, к системе нормативных правовых актов, его регламентирующих, а после и к первому специальному нормативному правовому акту, посвященному режиму военного положения.

Таковым итогом законотворческой деятельности явилось издание в 1925 году постановления Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР «О введении в действие Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» (далее – Постановление 1925 г.), которое, по существу, являлось результатом кодификации всех ранее изданных нормативных правовых актов на военное время [6, с. 150]. В нем к числу чрезвычайных мер относились исключительное и военное положение, а также закреплялись основания их введения.

Примечательно, что режимы исключительного и военного положения по Постановлению 1925 г. могли переходить один в другой. Режим исключительного положения мог вводиться в случаях: а) контрреволюционных посягательств или выступлений против рабоче-крестьянской власти и ее отдельных представителей или серьезной опасности таких посягательств и выступлений; б) массовых посягательств на личность и имущество граждан; в) нарушения нормальной жизни чрезвычайными стихийными бедствиями; г) как мера, переходная к нормальному порядку в местностях, бывших на военном положении. Основаниями введения военного положения являлись: а) случаи, когда меры исключительного положения оказывались недостаточными для охраны и восстановления революционного порядка; б) когда данная местность становилась театром военных дей-

ствий или получала для военных целей особо важное значение. Таким образом, отмечается низкое разграничение режимов исключительного и военного положения рассматриваемого периода и возможность подмены одного положения другим.

Анализ данных положений позволяет сделать вывод о том, что введение военного положения в рассматриваемом периоде распространялось не только на ситуации, характеризующиеся наличием внешней военной угрозы, но и на случаи посягательства на стабильность государственно-политического режима. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что военное положение выступало не только в качестве инструмента для борьбы с внешней военной угрозой, обеспечения безопасности государственных границ и сохранения территориальной целостности, но и для преодоления внутренних социальных кризисов, подрывающих функционирование существующего государственно-политического режима. Д.В. Бондаренко отмечает, что нормы Постановления 1925 г. не отвечали потребностям войны с внешним врагом и не могли быть использованы в качестве основ правового регулирования режима военного положения, введенного в 1941 году [2, с. 38]. Однако нормы данного Постановления 1925 г. сохраняли значение при регулировании военного положения в условиях войны с внешним врагом.

Конституционное закрепление институт военного положения получил в январе 1938 года посредством внесения дополнений к статье 49 Конституции СССР от 5 декабря 1936 года. Так, к полномочиям Президиума Верховного Совета СССР было отнесено право объявлять: а) военное положение в отдельных местностях или по всему СССР в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности; б) состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии. Однако глубокая разработка института военного положения все еще отсутствовала.

На сегодняшний день институт военного положения получил более обстоятельную проработку и закрепление в актах российского законодательства, основными из которых являются Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении» (далее – ФКЗ N 1).

Предусмотренный статьей 87 Конституции РФ особый правовой режим военного положения может быть введен на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. В статье 3 ФКЗ N 1 под агрессией против Российской Федерации понимается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации. Необходимо отметить, что по данному основанию военное положение вводилось дважды. Впервые военное положение было введено 22 июня 1941 года на ряде территорий Советского Союза с началом Великой Отечественной войны. 20 октября 2022 года на территории четырех субъектов Российской Федерации введено военное положение в связи с применением вооруженной силы против территориальной целостности Российской Федерации.

Примечательно закрепление в качестве основания введения военного положения непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации, которыми могут признаваться действия иностранного государства (группы государств) совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации. По данному основанию режим военного положения никогда не вводился. Следует отметить, что в условиях глобализации все больше угроз, в том числе и в военной сфере, носят скрытый, латентный характер. Новым вызовом государственной

безопасности явилась комбинация открытых и тайных военных действий, которые носят «гибридный» характер [6, с. 248]. Попытки подрыва безопасности страны осуществляются посредством экономических, экологических, демографических, идеологических и информационных инструментов. В этой связи распознавание состояния подготовки иностранного государства к совершению акта агрессии против Российской Федерации на современном этапе представляет определенную сложность.

Исторический обзор введения военного положения в России позволяет отметить два важных аспекта: 1) военное положение вводилось по основанию агрессии против Российской Федерации; 2) военное положение вводилось только на отдельных территориях государства (26 субъектов СССР в 1941 году, 4 субъекта Российской Федерации в 2022 году). Поскольку основания введения военного положения в актах российского законодательства обстоятельно проработаны и опережают возможные угрозы нового времени, внимание автора обращено ко второму выявленному аспекту. Предусмотренная российским законодательством возможность введения военного положения на всей территории России и историческая ее не востребованность вызывает особое внимание. Причины такой не востребованности видятся в строгой регламентации мер, применяемых на территории, на которой введено военное положение, и гибкости иных установлений, применяемых в период действия военного положения на иных территориях. В этой связи отмечается потребность в механизме, который потенциально вобрал бы в себя необходимые стороны обеих крайностей. Определенные предпосылки формирования новой модели функционирования режима военного положения можно отметить уже сегодня [подр.: 1, с. 124]. Введение военного положения на всей территории государства с сохранением гибкости его потенциала в субъектах, менее подверженных угрозе внешней агрессии, по мнению автора, является логически верным и практикооправданным по ряду причин.

Во-первых, агрессия иностранного государства или группы государств предполагает направленность против Российской Федерации как единого самостоятельного и суверенного государства, равно как и перспективы военной конфронтации по всему периметру границ Российской Федерации [4, с. 19] в целях получения коммерческих, политических, идеологических и иных выгод, вплоть до аннексии территорий России [5, с. 159, 168-170].

Во-вторых, эффективность применения комплекса ответных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации, может быть обеспечена при мобилизации всех либо большинства сил, средств и ресурсов страны. Необходимость сосредоточения всего потенциала государства и населения на подготовку к отражению всех видов и форм агрессии против Российской Федерации отмечается в трудах ведущих ученых современности [4, с. 21].

В-третьих, для борьбы с менее серьезными или опасными угрозами национальной безопасности Российской Федерации законодательством предусмотрены иные правовые режимы, например режим контртеррористической операции и др.

В-четвертых, подтверждение позиции автора представляется интересным посредством приведения аналогии по определенным аспектам между режимом военного положения и процессом, обозначаемым медицинским термином «лихорадка». Под лихорадкой понимают типовую терморегуляторную реакцию высших гомойотермных животных и человека на воздействие пирогенных раздражителей, выражающуюся перестройкой регулирования температурного гомеостаза организма направленной на поддержание более высокого, чем в норме, уровня теплосодержания и температуры тела. Как особая терморегуляторная реакция, направленная на поддержание более высокого уровня регулируемой температуры тела, а соответственно, функциональной активности клеток, органов и тканей, системы клеточного и гумораль-

ного иммунитета, является в своей основе приспособительной реакцией, повышающей естественную резистентность организма при инфекционных заболеваниях [3, с. 302]. Повышение температуры тела при лихорадочных состояниях способствует: активизации иммунологических реакций, ускоренному очищению организма от микробов, замедлению размножения многих возбудителей и вирусов, повышению чувствительности и понижению устойчивости микроорганизмов к лекарственным препаратам, увеличению выработки антител, интерферонов, повышению фагоцитарной активности лейкоцитов и усилению распада микробов и токсинов. Эти и другие положительные особенности процесса лихорадки, направленные на создание условий для преодоления болезненных состояний организма различного характера, определили его закрепление в эволюционном процессе. Определенные сходства между лихорадкой и военным положением заключаются в ряде характерных признаков: причины внешнего характера, ответно-защитный характер мер, направленных на преодоление возникшей разрушающей ситуации, изменение обычного порядка функционирования органов, привлечение комплекса сил, средств и ресурсов, временный характер и т.п. В то же время, как следует из вышеизложенного исторического анализа, режим военного положения применяется лишь на территориях отдельных субъектов, хотя и может вводиться на всей территории государства, а эволюционно показавший свою эффективность процесс лихорадки характеризуется повышением температуры всего организма.

В-пятых, наличие правовых предпосылок в новейших актах российского законодательства. Создавшаяся на современной геополитической арене обстановка, характеризующая как прокси-война НАТО против России, потребовала принятия комплекса мер, направленных на обеспечение национальной

безопасности Российской Федерации. Указом Президента РФ от «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей»¹ (далее – Указ N 756) объявлено военное положение на территориях четырех субъектов Российской Федерации, явившихся, по сути, районом проведения специальной военной операции. Однако существующая правовая база обеспечения военной безопасности Российской Федерации и разработанные в теории организационные аспекты применительно к современной ситуации оказались не достаточны. В этой связи последующим Указом Президента РФ от «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации»² (далее – Указ N 757) на территории Российской Федерации введены явившиеся новеллой российского законодательства и не имевшие место ранее режимы: максимальный уровень реагирования, средний уровень реагирования, уровень повышенной готовности, уровень базовой готовности. Таким образом, на территориях проведения специальной военной операции применяется комплекс всевозможных мер, регламентированных ФКЗ N 1, для отражения агрессии противника, а на остальных территориях, не подверженных прямой военной угрозе, принимаются меры характерные режиму военного положения, но в соответствии с введенными уровнями реагирования, регламентированными Указом N 757.

Не свойственная в настоящее время режиму военного положения многоуровневость при детальном законодательном регламентировании повысит его эффективность и оптимизирует объем возможного ограничения прав и свобод человека. Реализация вышеуказанных рекомендаций представляется путем внесения изменений в ФКЗ N 1 в качестве отдельной статьи, посвященной уровням военного положения и критериям их определе-

1 О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента РФ от 19.10.2022 N 756 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2023).

2 О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации : Указ Президента РФ от 19.10.2022 N 757 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2023).

ния на территориях Российской Федерации в следующей редакции: «Под военным положением понимается особый многоуровневый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации по уровням реагирования в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии».

Таким образом, можно отметить, что становление российской государственности неразрывно сопровождалось совершенствованием инструмента обеспечения его безопасности, в качестве которого выступил

режим военного положения. Анализ исторических аспектов развития режима военного положения как правового института позволил наметить направления его дальнейшего развития и сформировать новый авторский подход к определению содержания военного положения как многоуровневого особого правового режима, вводимого на всей территории Российской Федерации. Заблаговременное правовое закрепление многоуровневой структуры режима военного положения будет эффективно способствовать созданию условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Библиографический список

1. Агарзаев, С. К. Многоуровневость структуры особого правового режима военного положения / С. К. Агарзаев // Право и государство: теория и практика. – 2023. – N 5(221). – С. 121-124.
2. Бондаренко, Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Бондаренко. – М., 2005.
3. Висмонт, Ф.И. Общая патофизиология : учебное пособие / Ф.И. Висмонт, Е.В. Леонова, А.В. Чантурия. – Мн.: Вышэйшая шк., 2010.
4. Грищенко, Л.Л. Военное положение как правовой инструмент обеспечения безопасности человека, общества и государства / Л.Л. Грищенко // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2023. – N 5 (310). – С. 17-21.
5. Грищенко, Л.Л. Война как коммерческий проект : монография / Л.Л. Грищенко, В.Б. Княжев. – М.: ООО «Русайнс», 2023.
6. Грищенко, Л.Л. Гибридный характер современных войн и военных конфликтов / Л.Л. Грищенко // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2020 года / под редакцией Н.С. Нижник: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 246-255.
7. Зиборов, О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Зиборов. – М., 2002.

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

– текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

– в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

– научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

– сноски на работы, опубликованные в Вестнике Сибирского юридического института МВД России;

– многочисленные (более одной) сноски на собственные публикации автора;

– опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Дмитрий Владимирович Ким, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Николай Николаевич Цуканов, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по учебной работе) (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Marina A. Galimova, Candidate of Law Sciences, Head of the Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk);

Svetlana I. Zemtsova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey Yu. Ivanov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nadezhda A. Dudina, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Academic Affairs) (Krasnoyarsk);

Elena Ye. Kosmodemyanskaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Куприянич Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, врио начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тетерятников Николай Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Tatyana V. Kupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny A. Molyarov, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Dmitry D. Nevirko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the MIA of Russia (St. Petersburg);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay Yu. Teteryatnikov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Denis V. Tokmantsev, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Ekaterina Yu. Chumarova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Daniil G. Shashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, В.Е. Рыбиным

Подписан в печать 10.12.2023
Вышел в свет 20.12.2023
Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 29.
Тираж 150 экз.
Заказ xxx.
Цена свободная.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.